АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

X ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

X ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

© ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР, 1974

С. М. Бациева

ЗАМЕТКИ О ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ ИБН ХАЛДУНА

Теория познания Ибн Халдуна основывается на учении о "двух-отдельной истине", сформулированном Ибн Рушдом в его комментарии к "Республике" Платона и аргументированном в дальнейшем эверроистами. Это учение признавало одну и ту же цель за философией и религией. Ибн Рушд выдвинул это положение, защищая философию от нападок ал-Газали и особенно мутакаллимов. Определяя философию не как "служанку", а как "сестру богословия" и считая ее "искусством всех искусств", Ибн Рушд открывал самостоятельный путь знанию, чему служила и его теория "деятельного разума".

Однако Ибн Рушд не отделил окончательно науку от богословия; первой целью человеческого разума является у него, как и у предшествовавших ему арабских философов, познание мира недоступных органами чувств явлений. "Истинное знание по своей сущности является знанием бога и существующих вещей" — считает Ибн Рушд. 1)

Наиболее последовательного продолжателя Ибн Рушд нашел в лице Абдаррахмана ибн Халдуна (1332-1406), который довел до логического конца теорию двух истин, категорически отделив веру от знания. Учению Ибн Халдуна о законах развития человеческого общества посвящена огромная научная литература; исследователи оценивают и комментируют доктрину целиком или ее частности; "поразительный материализм" концепции Ибн Халдуна вызывает удивление и восхищение, но не находит объяснения в науке. Анализ конкретно-исторических обстоятельств, при которых создавался труд Ибн Халдуна, и его социальных позиций не позволяет ре-

вать вопрос о философской основе "Мукаддима" — сочинения, излагающего социологическую теорию Ибн Халдуна. Работы, специально посвященные философии Ибн Халдуна, трактуют применение им диалектических принципов передовой философии его времени — взаимосвязи причины и следствия, изменения, развития, взаимоотношения старого и нового и др. — к учению об обществе, обходя основной вопрос всякой философской теории — гносеологический. О важности для социологической концепции Ибн Халдуна вопросов гносеологии свидетельствует то место, которое занимает теория познания на страницах его произведений. Она является единственной чисто философской проблемой, подробно изложенной и обсужденной им в "Мукаддима". Ей посвящен специальный трактат Ибн Халдуна о суфизме, во многом перекликающийся с "Мукаддимой" и дающий к ней интересные дополнения. Гносеологические проблемы обсуждаются Ибн Халдуном и в самом первом его философском трактате, явившемся откликом на дискуссию между Фахр ад-дином ар-Рази (XII в.) и Насир ад-дином ат-Туси (XIII в.); приняв сторону последнего, Ибн Халдун выступил в защиту философии от нападок теологии, оставшая, подобно Ибн Рушду, независимость научного мышления. Наконец, компендий трудов Ибн Рушда, составленный Ибн Халдуном, в известной мере подготовил концепцию, изложенную в "Мукаддима".

Отвечая на вопрос: "что является объектом познания?", Ибн Халдун подвергает резкой критике всех предшествовавших философов, пытавшихся рациональным путем постичь трансцендентные явления. В главе "О ложности философии и вреде занятий ею" Ибн Халдун пишет, критикуя метафизику: "Мы вообще ничего не можем утверждать о существовании того, что недоступно чувственному восприятию, кроме того, что нам известно о явлениях, свойственных человеческой душе, например во сне. А все остальное — дело недоступное /человеку/. И некоторые философы уже высказывали эту мысль, когда они утверждали, что нематериальное не может быть доказано. Платон утверждал, что нет ничего достоверного относительно божественных субстанций и говорить о них можно лишь на основании предположения. И если мы после стольких трудов и стараний на основании предположения удовлетворимся только предположением, то какова польза от такой науки и от занятий ею?"²⁾

Объектом рациональных наук, объектом разумного познания является внешний мир, окружающая человека реальная действительность. Ибн Халдун говорит о "познании человеческим существом

того, что выходит за пределы его сущности".³⁾ Процесс познания, описанный Ибн Халдуном, близок к гносеологическим теориям Ибн Сины и Ибн Рушда. Управляет процессом познания душа человека, которой присущи силы внешнего и внутреннего восприятия. Силы внешнего восприятия основываются на деятельности органов чувств. Процесс познания начинается с ощущения; "общее чувство" (*الحس المشترك*), относящееся уже к силам внутреннего восприятия, собирает воедино все ощущения, относящиеся к одному предмету, и передает их воображению. Далее следует представление, память и, наконец, мысль.

Разум человека, по учению Ибн Халдуна, обладает способностью постичь все явления материального мира, в том числе закономерности жизни человеческого общества. Высшей целью человеческого разума является изучение этих закономерностей, создание "представления о существовании человека в обществе ему подобных, о происхождении его и о причинах этого".⁴⁾

Богу Ибн Халдун отводит роль первопричины. Рисуя картину эволюции мира и взаимосвязи всех явлений, Ибн Халдун приходит к выводу о том, что эта взаимосвязь касается не только материального мира, составная часть которого — человеческое общество, но и мира, "находящегося вне наших ощущений". Дань Ибн Халдуна теории эманации — его учение о пророчестве. "Истинны" веры, слово божье способны воспринимать люди, наделенные особыми душевными свойствами — пророки. Ибн Халдун верит в откровение, в возможность пророка общаться с богом в те моменты, когда душа его отрешается от всех чувственных восприятий и переходит на миг в "мир ангелов". Такую же способность Ибн Халдун признает за суфиями и вообще за всеми людьми при воздержании, тщательном соблюдении обрядов, умерщвлении плоти. Однако, в жизни общества "истинные знания" пророка и суфиев и других небожных людей Ибн Халдун характеризует как сугубо личное дело нравственного самоусовершенствования. Большинство человеческих коллективов и обществ существует без пророков. На ход общественной жизни и на взаимоотношения людей вера не влияет. Ибн Халдун пишет в трактате о суфизме: "Разум человека направлен на снискание средств к существованию и взаимоотношения человека с другими людьми; если этот разум пропадет, это вредит человеку. Если же душе не удастся достичь познания божественной сущности — это не вредит ему"⁵⁾. Таким образом, по мысли Ибн Халдуна, научная истина гораздо важнее для

жизни человека в обществе, чем истина теологическая. С помощью разума человек выделился из среды остальных животных, научился создавать орудия труда; познавая мир, люди объединяются в общество, трудятся для добывания средств к жизни, управляют обществом, занимаются науками и искусствами. Ограничивая познавательные возможности разума явлениями материального мира и отрицая возможность и необходимость для него постижения мира нематериального, Ибн Халдун вычеркнул трансцендентный момент и из движущих сил развития человеческого общества — в связи с невозможностью постичь разумом человека сверхчувственный мир. Закономерности и движущие силы развития внутренне присущи самому обществу, а не приносятся извне; существование и прогресс общества определяется, по Ибн Халдуну, чисто материальными нуждами.

1) Averroes , *Fasl al-maqal* , ed. L. Gauthier , Alger , 1948, p.17.

2) Ибн Халдун, Мукаддима, изд. Э.Катриера, Париж, 1958, II, 215.

3) Там же, II, 363.

4) Там же, II, 365.

5) Ибн Халдун, *Шифа' ас-са'мил тахзиб ад-маса'мил* , изд. М. ат-Танджи, Стамбул, 1958, с. 108.

Е.С.Богословский

ВОИНСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ХУДОЖНИКОВ И РЕМЕСЛЕННИКОВ XIV — X ВЕКОВ ДО Н.Э.

В левобережной части египетской столицы времени Нового царства — г. Висе существовала служба, при которой работали жившие в особом поселке рисовальщики, живописцы, резчики по камню и дереву, скульпторы, камнесечцы, плотники—краснодеревщики и obsid живавшие их люди. От службы дошел пока единственный для древнего мира и средневековья настоящий историко—культурный архив из нескольких десятков тысяч надписей. Число мужчин, работавших

при службе "Места правды", одновременно равнялось примерно 120, не считая обслуживавших их лиц. От многих из них дошли сотни надписей.

Ожидание новых крупных публикаций источников заставляет египтологов быть осторожными в исследованиях. Несмотря на то, что воссоздание комплекса источников из "Места правды" близится к концу, пока нет ни одной исследовательской монографии по тем источникам, изданию которых посвятили много труда крупнейшие египтологи Я.Черны, Э.Х.Гардинер, Т.Э.Пит, Ж.Познер и др.. Три десятка статей по частным вопросам - вот и вся чисто исследовательская литература. Например, еще не изучены служебные обязанности и связанные с ними должностные звания возглавлявшего службу лица.

Египтянин, занимавший должность управителя работ в "Месте правды", был приравнен по служебному положению к областным князьям и с начала правления XIX царского дома носил должностной титул "князя Запада Висе".¹⁾

Остановился на одном редко употреблявшемся и, как-будто, невероятном для руководителя художников и ремесленников должностном звании: $z\dot{3} n\dot{f}rw n nb t'w\dot{j} m 'st m' 't$ "писец воинов- $n\dot{f}rw$ "²⁾ господина обеих земель в Месте правды", многократно встречающемся в надписях на саркофаге Воронежского музея изобразительных искусств. Этот саркофаг принадлежал самому позднему из известных руководителей работ в "Месте правды" $nsj-p'-hr-n-t'-h't$, современнику царя-жреца $p'j-n\dot{d}m I$ (конец XI - начало X веков до н.э.).³⁾

Должность "писца воинов- $n\dot{f}rw$ " была неотъемлемой должностью руководителя работ в "Месте правды". Кроме владельца Воронежского саркофага ее занимали управители работ в "Месте правды" Аменнахт, $bw-thj-jm$, $nb-h\dot{p}t$ (X-XI царские дома). Давно изданные и забытые египтологами надписи на дошедших от них саркофагах и заупокойных папирусах сообщают, что $bw-thj-jm$, например, имел звание "царского писца воинов- $n\dot{f}rw$ в доме вечности" (то есть, там, где строился подземный дворец-усыпальница царя). Вместе с тем, и $bw-thj-jm$, и $nb-h\dot{p}t$ имели воинские звания "управителей ($jmj-r'$) воинов- $n\dot{f}rw$ в Месте правды", то есть, не просто писцов - штабных работников, но и главных воинских начальников.⁴⁾ Надпись же на Воронежском саркофаге уточняет при-

надлежность воинов—*nfrw* "Места правды": они были "воинами господина обеих земель", то есть, царя.

Из одной надписи XV века до н.э. известно, что сами египтяне делили общество на следующие слои: войско, жречество, "слуги" царя (*hnm nj-swt*), "мастера всякие" (т.е., люди, владеющие профессиями, в основном — ремесленники).⁵⁾ В отчете о смотре в Эботе, написанном двумя веками позже, структура уточняется, а архаизмы переводятся на синхронные понятия; общество оказывается состоящим из пехоты и конницы (=войско), храмов (=жречество), жидей—*amdt* (=«слуги» царя), «иношей мест» (т.е., ремесленников, работников мастерских) (=«мастера всякие»), чиновников его величества.⁶⁾ Жрецами и людьми—*amdt* (=«слугами» царя) работники "Места правды" не могли быть, так как со жреческими обязанностями их работа никак не соотносится, а люди—*amdt* в одном официальном документе обозначены как обслуживающий персонал, которому рабочие соединения (*t' jzt*) давали задания⁷⁾. Останутся два общественных слоя — военные и "мастера".

До сих пор не было обращено внимания на то, что люди самых разных профессий из состава соединений бывают названы "воинами". Приведу некоторые примеры (полная сводка сделана в подготавливаемой мною книге):

1. Известный по многим надписям рисовальщик, а затем и начальник рисовальщиков *p'-šdw* в акте на право собственности, который он составил для наделения имуществом своих детей, назван "воином отряда" (*w'w n jzt*) (ODM 108; правление Сетоя I). Поименные упоминания его жены и детей (некоторые из них носили редко встречающиеся имена) на памятниках, где муж и отец назван "рисовальщиком", снимают сомнения в том, что перед нами одно и то же лицо.⁸⁾

2. "Мастер" (*hnm*) *k'-s'*, от которого тоже дошло множество надписей и который был, как и все работники, "послушным призыву господина обеих земель в Месте правды на Западе Висе", однажды назван "воином отряда в Месте правды" (*w'w n jzt m 'st m' 't*).⁹⁾ То, что этот "воин" тождествен известному работнику, жившему в первой половине правления Рамессёса II, можно заключить по имени упомянутой на том же памятнике его жены (имя *bw-b' -n.f-ptb* не носила ни одна другая женщина из "Места правды"). Шурином *k'-s'* был кладовщик "Места правды" *p'-n-bwj*, вместе с которым

к'-а' соорудил гробницу на две семьи; внуком к'-а' был р'-nb, прославившийся своими злоупотреблениями в должности "начальника отряда в Месте правды".¹⁰⁾

3. "Воинном отряде" в документе с именем Рамессёса II назван и "послушный призыву в Месте правды" ḏwtj-hr-mkt.f (ODM 233). Из других надписей мы узнаем, что ḏwtj-hr-mkt.f - сын "начальника хора в Месте правды" Харнуфе¹¹⁾; его сын стал "писцом Места правды".¹²⁾ Сам ḏwtj-hr-mkt.f неоднократно встречается в записях, отмечающих выход людей на работу, как рядовой работник.

4. Полная запись того же звания дошла на обломках рельефа, сделанного для "послушного призыву в Месте правды на Западе Висе" Мосе, который назван w'w n jzt m 'st m't hr jwtt w'st "воинном отряде в Месте правды на Западе Висе".¹³⁾ Примеры такого рода можно было бы продолжить, но необходимо привести и примеры другого типа.

Только один из сыновей "начальника отряда в Месте правды" Нефрхотпа остался на работе в "Месте правды" и стал преемником отца в его должности. В те времена, от правления Харемха до начала правления Рамессёса II, люди "Места правды" еще помнили свое происхождение, родственные и дружеские связи вне "Места правды", так как большая часть работников была введена в штат "Места правды" при Харемхе. Три сына Нефрхотпа остались на службе там, где их застало назначение отца: все трое были военными. Двое из них служили колесничими и вестовыми господина обеих земель, причем, один одновременно был привратником поминального храма Рамессёса II; один был "писцом войска" (1), а один - писцом оружия.¹⁴⁾ Братья "воина отряда в Месте правды" к'-а' на одной из стел тоже названы "воинами"¹⁵⁾, но, по-видимому, в "Месте правды" не служили (в архиве из "Места правды" о них нет сведений).

Словосочетание jzt m 'st m't, употребляемое тысячи раз в самых разнообразных контекстах, всюду несет одно понятие - "отряд в Месте правды", которое означает совокупность рядовых равноправных работников "Места правды" (руководители в него не входят). Никакого иного "отряда" (t' jzt) в "Месте правды" не было; полицейские функции несли специально приданные службе стражники - md'jw. Таким образом, если понятие "послушный призыву господина обеих земель в Месте правды на Западе Висе" указывает на принадлежность работников к царскому хозяйству, то

понятие "воин отряда в Месте правды на Западе Висе" - на принадлежность к воинскому сословию, на социальное положение внутри царского хозяйства.

Обязательные для руководителей работ в "Месте правды" воинские звания "управителя" и "писца воинов-*nfrw* в Месте правды" указывают, что все работники должны были быть "воинами отряда в Месте правды".

Египтологом, знакомым с той огромной ролью, которую играло военное сословие во всей жизни Египта со времен Нового царства, прежде всего должно вспомниться указание В.Хелка на то, что военачальники времени Нового царства часто бывали "начальниками работ", как строительных, так и специализированных.¹⁶⁾ Это явление В.Хелк понимал в том смысле, что военачальники забирали в свои руки и невоинские должности. Опубликованные за минувшие с тех пор десятилетия тексты позволяют понять его иначе: военачальники потому и были руководителями работ, что управляли войском.

Общеизвестны случаи, когда египетские войска принимали участие в крупных общественных работах. Приведу один пример из многих.

В предписании о строительстве помпального храма одного из Рамессидов князь Висе *h'w-nfr* указывает писцу некрополя Городе Хори, чтобы тот, помимо находящегося под его началом людей (т.е., воинов-работников "Места правды"), взял для этих работ еще три подразделения- *s'w* воинов (*w'ww*), всего 600 человек.¹⁷⁾ Ясно, что работники "Места правды" делали специальные работы, а собственно воины - вспомогательные.

Совершенно ясно, что египетское "войско" участвовало в процессе производства материальных и духовных ценностей, а не ограничивалось только охраной существующего строя. Специфические общественные функции и структуру египетского "войска" еще предстоит изучить.

Однако, уже сейчас ясно, что художники и ремесленники "Места правды" входили в "войско" не в порядке исключения.

1) См., напр., M.Tosi, A.Roccati, *Stele e altre epigrafi di Deir el Medina*, n. 50001-50262, Torino, 1972, p.122-124, 299, N 50085; для датировки см. G.Foucart, *Etudes thébaines*, Le Caire, 1924, p.67, pl. XI.

2) O nfrw см. A.R.Schulman, Military Rank, Title and Organization in the New Kingdom, B., 1964, p.20-21.

3) Издание : Е.Богословский , ВДИ 2 , 1973, с.75-79, рис. 4-6, II.

4) См. , напр. , E.Schiaparelli, Il libro dei funerali degli Antichi Egiziani, pt. I, Roma, 1882, p. 14-16; W.M.F.Petrie, Schabti, L., 1935, pl. XVI; B.Bruyère, La Tombe de Nakht-Min et la tombe d'Ari-nefer, Le Caire, 1926, p.60; G.Maspero, EF II, 1880, p.165.

5) Urk. IV 1006,15 - 1007,3.

6) pap. Anastasi IV 4,8 = pap. Chester Beatty V vs. I, 2-3.

7) pap. Turin 1880 vs. 3,2 - 3,4.

8) Исследование надписей см. Е.Богословский, ВДИ I, 1972, с. 100-108.

9) Tosi, Roccati, Stele, p. 327, n. 50161.

10) B.Bruyère, Rapport sur les fouilles de Deir el-Médineh, 1934-1935, 3, Le Caire, 1939, fig. 211; J.Černý, Répertoire onomastique de Deir el-Médineh, I, Le Caire, 1949, p. 87.

11) S.Bosticco, Le stele egiziane del Nuovo Regno. Museo Archeologico di Firenze, Roma, 1965, tav.55; Hiero. texts 9, pl. XXXIV.

12) J.Černý, A.A.Sadek, Graffiti de la Montagne thébaine, I, Le Caire, 1970, n° 1722.

13) Bruyère, Rapport, 1926, p. 81-82, fig. 57.

14) Černý, Rép. on., p. 61, 63.

15) J.Černý, Egyptian Stelae in the Bankes Collection, Oxf., 1958, n°10.

16) W.Helck, Der Einfluss der Militärführer in der 18. ägyptischen Dynastie, Lpz., 1939, S. 28-29, 31-32.

17) pap. Turin B vs. 2,3-2,7.

О ВЕРХОВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ
В ЯПОНИИ
(сер. УП - IX вв.)

Принцип верховной государственной собственности на землю сформулирован К.Марксом в ряде работ как один из маркирующих признаков азиатского способа производства.

С тех пор и по настоящее время при очередной переоценке теории азиатского способа производства этот принцип периодически подвергается новому обсуждению. В наши дни, отстаивая специфичность социального "генотипа" Востока, Ю.Островитянов и А.Стербалова осторожно признают "верховное, хотя и номинальное распоряжение землей" в Китае в прошлом.¹⁾ Усматривая в таком подходе ущерб единству исторических закономерностей и уступку специфичности китайского общества, В.Н.Никифоров в пылу полемики даже утверждает, что вытекающая из упомянутого принципа "...надельная система в Китае была главным образом средством распространения земель среди класса помещиков..."²⁾. Напротив, Ю.В.Качановский, отвергая тезис о государстве - единственном собственнике земли, допускает кратковременное преобладание такой собственности именно в Китае и как раз в форме надельной системы.³⁾ И.М.Дьяконов считает теоретически неверным выдвижение такого принципа, так как в своей реализации - на древнем Востоке - он поглощался суверенитетом.⁴⁾ Г.Ф.Ильин соглашается признать государственной лишь необработываемую землю в древней Индии⁵⁾ и т.д. Как мы видели, принцип верховной государственной собственности на землю наделяется (особенно его противниками) ультимативными признаками: монопольностью (вовсе исключающей существование частной собственности), полнотой и четкостью выражения, обязательной длительностью существования (по-видимому, на протяжении формации). При этом забывают о том, как мало исторических категорий обладает такой абсолютной полнотой и чистотой самовыражения, а большинство их (даже ведущих и маркирующих) сосуществует с противоположными по содержанию. Слабая сторона такого анализа принципа верховной государственной собственности на землю заключается в том, что конечные выводы исследования как бы предопреде-

лены отношением исследователя к более общим проблемам: к деспотическому государству, к азиатскому способу производства, к учению о формациях и т.д. Однако для более корректного рассмотрения интересующего нас принципа как раз полезно отвлечься от общих проблем и рассмотреть этот принцип сам по себе, на фоне истории Японии раннего феодализма.

Обращаясь к японскому материалу, надо сказать, что Н.И.Конрад еще в 30-х гг. XIX в. обнаружил существование этого принципа в Японии⁶⁾. Учитывая новые данные, можно утверждать следующее. В 646 г. манифест о реформах Тайка объявил об упразднении частных земельных владений (в т.ч. и царских) и об освобождении лично зависимых слоев населения, а также провозгласил верховную государственную собственность на землю и гражданское состояние населения — в терминах той эпохи (*кōти-кōмин*). Эти положения, дополненные указами и распоряжениями, легли в основу аграрной, податной, подворной частей кодексов Тайхōре (701) и Ёроре (718). Естественным следствием этих двух мероприятий явилось введение системы равного наделения казенной землей (*хандэн*). Подушные наделы (*кубундэн*) в принципе полагались всему населению: знати, простонародью, ребятам; мужчинам и женщинам, но размер наделов для каждой из этих категорий устанавливался разный. Эти наделы нельзя было продавать, закладывать и, по-видимому, отдавать в субаренду. Держатели наделов обязывались обрабатывать свою землю. Поэтому фактически рядовые, или равные наделы, чаще всего, доставались тем, чье существование целиком зависело от личной обработки земли, т.е. земледельцам. Такой пахотный надел выдавался двору в пожизненное (применительно к каждому конкретному держателю надела) владение. Раз в 6 лет производилась ревизия: размер пахотного надела приводился в соответствие с фактическим составом двора. Кроме пахотных, двор получал навечно, точнее — пока он существовал, приусадебный участок, который с разрешения властей позволялось продавать и сдавать в аренду. Излишки государственных пахотных земель тоже сдавались в аренду местным жителям. Держатели казенных подушных наделов обязывались вносить государству земельный налог, несколько видов податей, выполнять работы и разные повинности.

Кроме подушных наделов аграрная система знала еще ранговые, должностные, наградные, жалованные земли, которые доставались

служилому сословию. Ранговые и должностные земли давались конкретным лицам во временное пользование, жалованные - в пожизненное владение, награжденные (за особые заслуги) - в наследственное владение (на срок от одного поколения до вечного владения). По размеру они во много раз превосходили подушный налог крестьянина и, кроме того, держатели этих привилегированных наделов платили государству лишь поземельный налог.

Кое-где в литературе высказываются сомнения, проводилась ли в жизнь наделная система в Японии (да и в других странах Дальнего Востока). Такие сомнения не обоснованы. Кодексы, указы, подробно регламентирующие порядок и условия наделения, не могли издаваться впустую (а ведь сохранились еще подворные списки арендаторов). Другое дело, как полно и как долго существовала наделная система, в Японии в частности. В этой стране аграрная система, построенная на принципе верховной государственной земельной собственности, действовала с середины УП в. по начало X в. Однако ее положение не всегда было одинаково. Периодичность переделов не всегда соблюдалась, а в 801 г. установлен пересмотр наделов раз в 12 лет. Поскольку удобных (орошаемых) земель не хватало, это приводило к сокращению нормы наделов в отдельных местностях (так как наделять полагалось всех). Чтобы выправить положение, государство с 723 г. поощряло разработку целины (кондэн), которая переходила сначала в пожизненное, а с 743 г. - в наследственное владение целинников. Отдельные попытки ограничить рост кондэнов - и по размеру и сферой рядовых земледельцев (765) - вскоре официально были отставлены (772). В эту дзайку устремились все носители частнособственнического начала. Правительство долго не сдавалось и еще не раз пыталось установить свой контроль над распаханной целиной, а зводно подтвердить право собственности на наделы, уже на протяжении нескольких поколений находящиеся во владении крестьян (823, 881), но к началу X в. принцип верховной государственной собственности на землю окончательно утратил силу.

Хотя принцип верховной государственной собственности на землю (кōтисюги), провозглашенный манифестом Тайка, по внешности напоминает идею суверенитета, он отличен от нее по своей сути. Суверенитет - понятие политическое, и в истоке своем выражается в противопоставлении права верховной власти (а не собственности)

посягательством на территорию страны. Упомянутый манифест и последующие кодексы развивают экономические, а не политические стороны провозглашенного принципа. По "Японской исторической энциклопедии" этот принцип стал краеугольным камнем системы правового государства в Японии⁷⁾. В раннюю пору своего существования он фактически оставался ведущим типом земельной собственности, в позднюю - сохранял свои позиции формально, но в любом случае отличался от обычного казенного землевладения. Пределы распространения верховной государственной собственности на землю толкуются в Японии по разному. Некоторые авторы признают существование этого принципа лишь на поливные поля,⁸⁾ что не совсем точно, так как приусадебные участки, находившиеся в длительном владении дворов, выдавались и контролировались государством, а целина лишь по традиции находилась в общем пользовании и лишь до той поры, пока на нее не находился арендатор, или правительство само не разрабатывало ее и отдавало в надел. Существует мнение, что поскольку подушный надел находился во владении, хотя бы и срочном, у частного лица, противостоящего казне, - такой надел можно рассматривать как частную собственность.⁹⁾ Это очевидная натяжка.

Итак, существование верховной государственной собственности на землю в Японии с сер. УП в. по нач. X в. подтверждается фактами и прежде всего широким развитием наделной системы, которая только и могла базироваться на этом принципе. Довольно скоро, с УШ в., постепенно появились категории земель - первоначально не слишком многочисленные - подрывающие этот принцип и со временем приведшие его к краху. нас не интересует сейчас, как и в какой связи находился этот принцип с формационной отнесенностью эпохи (в Японии сильна тенденция выделять эту эпоху в качестве особой, специфичной и называть ее по разному и реже всего - феодальной). Но нам важно отметить, что в течение довольно долгого времени государственная земельная собственность (по нашему мнению - феодальная) оказалась в Японии самой распространенной среди прочих форм собственности на землю, хотя в исторической перспективе ее судьба была предрешена, так как она являлась попыткой в условиях средневековья решить экономические проблемы политическими средствами.

1) Ю.Островитянов и А.Стербалова, Социальный "генотип" Востока и перспективы национальных государств, - Новый мир, М.,

1972, № 12, с. 200.

2) В.Н.Никифоров, Гипотезы и историческая реальность. К вопросу об азиатском способе производства, - Проблемы Дальнего Востока, М., 1973, № 3, с. 118.

3) Ю.В.Качановский, Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М., 1971, с. 122, 124.

4) И.М.Дьяконов, Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии) - , в кн.: -"Проблемы докапиталистического общества в странах Востока", М., 1971, с. 128-129.

5) Г.Н.Ильин, Классовый характер древнеиндийского общества, там же, с. 149.

6) Н.И.Конрад, Недельная система в Японии, - Труды Института Востоковедения, т. ХУП, 1936.

7) "Нихон рэкиси дайджитэн", Токио, т.15, 1959, с. 205-206.

8) "Нихон си гайрон", Токио, 1968, с. 36.

9) "Нюмон Нихон си", Токио, 1968, с. 70.

В.И.Гохмен

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ШАНОВ НА ТЕРРИТОРИЮ БИРМЫ

Шаны, тайский народ Бирмы, населяют северо-восточную часть территории страны между реками Иравади и Салуаном.

Одной из важных проблем этнической истории шанов является вопрос о времени их переселения на территорию современного обитания. Вопрос этот специально еще не рассматривался. Решение его затрудняется из-за отсутствия древней шанской эпиграфики и археологических материалов. Тем существенней исследовать его в комплексе проблем по этнической истории родственных шанам тайских народов и соседних народов других языковых групп, прежде всего - тибето-бирманцев.

Ниже сопоставлены две теории об этническом составе населения на современной территории расселения манов в I-м тысячелетии, как они следуют из работ различных авторов.

Согласно поздним шанским хроникам (которые не являются надежным историческим источником) в VI веке на юге Иньнани и северо-востоке Бирмы образовалось государство Монг Мао. Из китайских источников известно, что севернее этой территории находилось государство Чаньчжао. Оно было сформировано племенами, жившими здесь еще в начале нашей эры.¹⁾ Многие исследователи считали это государство тайским.²⁾ Некоторые авторы отождествляли Чаньчжао и Монг Мао, но их доказательства не убедительны.³⁾ В любом случае, однако, очевидно, что указанная территория считалась зоной расселения древних тай.

Другая теория утверждает, что здесь жили тибето-бирманские народы. Чаньчжао было создано предками ицзу.⁴⁾ К югу от ицзу расселялись предки бирманцев.⁵⁾

Лингвистические исследования по тайским языкам подкрепляют вторую теорию. Они доказывают, что формирование тайских языков, происходило на территории современной провинции Гуандун и севера ДРВ, причем разделение их началось относительно недавно.⁶⁾ Вычисления по методу глоттохронологии дают дату IV-VI в.в. для языков северной (чжуанский) и южной (сиамский, лаосский, шанский) ветвей. Шанский отделился от сиамского и ба бэй (язык лао юнь из северного Таиланда) в X в.⁷⁾ Так как миграция тай шла с востока на запад, нет оснований предполагать, что сиамцы и лао переселились в Таиланд из северной Бирмы.

Данные глоттохронологии совпадают с данными эпиграфики и известными фактами истории сиамцев и лао, что делает результаты вычислений весьма надежными. Слово "сиам" появляется в эпиграфике Чампы, Бирмы и Камбоджи в XI-XII в.в. Это определенное свидетельство того, что тай в это время уже были на севере Индокитая. В XIII в. образуются государства Сукхотхай (сиамцы) и Ланна (лао юнь), что соответствует времени разделения их языков.⁸⁾ Приведенная выше дата об отделении шанского соответствует мнению исследователей о том, что лаосский и сиамский языки ближе друг к другу, чем к шанскому. Следовательно, шаны должны были выделиться из остальной массы тай южной лингвистической группы несколько раньше, чем произошло разделение этой группы. По-видимому, пере-

селение шанов произошло не позднее XI в., что подтверждается эпиграфикой Бирмы и лингвистическими данными.

Нижняя предположительная дата переселения шанов - IX в. До этого времени на их территории жили предки бирманцев. Трудно допустить, что шаны и бирманцы одновременно населяли один ареал. В северо-восточной Бирме мало земель пригодных для выращивания заливного риса, основного продукта хозяйственной деятельности этих народов⁹⁾. Вполне вероятно, что шаны вытеснили бирманцев в долину Иравади. Отвлекаясь от темы, отметим, что шанское вторжение лучше объясняет миграцию бирманцев, чем их бегство из-под власти Наньчао, как считает Г.Льюс.¹⁰⁾

Таким образом, результаты произведенного сопоставления позволяют допустить, что переселение шанов в Бирму происходило не ранее IX и не позднее XI века.

1) E.H.Parker, The Old Tai or Shan Empire of Western Yunnan. - "The China Review", vol. 20, 1892-93, с. 337-346.

2) Паркер, Эйкхедт, Додд, Льюс и др.

3) J.G.Scott, J.P.Hardiman, Gazetteer of Upper Burma and the Shan States. Part 1. - Vol. 1. Rangoon, 1900, с.197-198.

4) Р.Ф.Ито, Этническая история юга Восточной Азии, I., 1969, с. 245-260.

5) G.H.Luce, Old Kyaukse and the coming of the Burmans. - JBRS, June, 1959, с.78-79.

6) A.G.Haudricourt, Les Argument Geographiques, Ecologiques et Semantiques pour l'origin des Thai. - В кн.: Reading on Asian Topics, с.27-34; С.Е.Яхонтов, О методах определения прародины семьи языков. - Тезисы по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. I., 1969, с. 49-50.

7) В.И.Гохман, Об этнической классификации и этногенезе некоторых тайских народов. - Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. I., 1972, с.78.

8) Там же, стр. 78.

9) G.H.Luce, Economic Life of the Early Burman, B.R.S. fifteenth Anniversary Publications N 2, Rangoon, 1960, с.324-327.

10) Там же, с. 326.

**ТУРЕЦКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ТУРЕЦКО-ЕГИПЕТСКОГО
КОНФЛИКТА 1881-1841 гг.**

Турецко-египетскому конфликту 1881-1841 гг., известному характер международной проблемы своего времени, посвящена большая литература как на русском и европейских, так и на восточных языках, однако деятельность турецкой дипломатии в его разрешении не нашла в ней достаточного освещения. По традиции дипломатическая борьба в период конфликта рассматривалась как борьба европейских держав, в которой Османской империи отводилось второстепенное место, как объекту этой борьбы.

В 1954 г. турецкий историк Р. Кейнер издал книгу "Mustafa Reşit paşa ve Tanzimat" (Ankara), 80% которой составляют документы, в основном из турецких архивов и частных собраний, имеющих отношение к жизни и деятельности Мустафы Решида паша (1800 - 1858), авторе Гюльханейского хатта (1839), одного из первых постоянных турецких послов в Европе, министра иностранных дел в период конфликта (июль 1837 - 31 марта 1841).

Документы этой книги, касающиеся турецко-египетского конфликта, в сопоставлении с европейскими источниками и исследованиями, а также исследованиями турецких авторов позволяют уточнить сложившиеся представления о роли турецкой дипломатии в этом конфликте.

Содержание указанных материалов позволяет прийти к заключению о том, что турецкая дипломатия¹⁾ для успешного разрешения турецко-египетского конфликта активно действовала на международной арене, имела свою линию поведения и сумела добиться сохранения Египта в составе Османской империи. Турецкая дипломатия, и прежде всего Мустафа Решид паша, были хорошо осведомлены о целях, политике и дипломатической деятельности европейских держав.

Стремление султана принудить Мехмеда Али подчиниться его верховной власти и вернуть захваченные территории по сути дела мало интересовало европейские державы. Поэтому задача турецкой дипломатии состояла в том, чтобы используя противоречия европейских держав, главным образом Англии и России, а также

Англии и Мехмеда Али, добиться изменения существующего положения, закрепленного Кютахийским соглашением.

Султанская Турция была вынуждена принять военную помощь России против Мехмеда Али в 1833 г. и заключить с нею 8 июля этого года Хункар-Искелесийский договор. Договор усилил влияние России в Османской империи и вызвал резкое противодействие ее восточной политике со стороны Англии и Франции. Турецкие документы, опубликованные Р.Кайнаром, свидетельствуют о заинтересованности Порты в сохранении Хункар-Искелесийского договора на протяжении всего конфликта²⁾, что опровергает утверждение некоторых буржуазных историков о том, что договор, якобы, был навязан Порте Россией.³⁾

Вместе с тем Порта, тайне от России, стремилась заключить военный союз с Англией против Мехмеда Али, начиная уже с 1834г.⁴⁾

Когда в 1834 г. в Диване произошло восстание местного населения против Мехмеда Али и султан намеревался начать против него военные действия, Россия поставила Порту в известность, что она не получит ожидаемой помощи, обещанной по условиям Хункар-Искелесийского договора, если выступит в роли нападающей стороны.⁵⁾

Это и явилось главной причиной неудовлетворенности Порты указанным договором. Вторая причина состояла в исчезнувшем недоверии султанского правительства к политике России.⁶⁾ Порта стала искать союзника в лице Англии, одновременно прилагая усилия к сохранению союза с Россией.

В конфликте султана с Мехмедом Али Англия не сразу приняла сторону султана, пытаясь вначале завязать дружественные отношения с Мехмедом Али.⁷⁾ Когда же это не удалось, Англия решила поддержать султана и добиться подчинения Египта Порте, чтобы ослабить влияние России.⁸⁾

Турецкая дипломатия во главе с Мустафой Решидом знала об этом.⁹⁾ Отказавшись "погрузить Хункар-Искелесийский договор в более обший", чего добивалась Англия, Порте сохранила возможность использовать русско-английские противоречия, и добилась уже в 1836 г. согласия Англии на открытие военных действий против Мехмеда Али.¹⁰⁾ Но этого было недостаточно. Султанской Турции нужен был наступательный военный союз с Англией против Мехмеда Али. В августе 1838 г. Турция заключила с Англией торговый договор, условия которого были чрезвычайно выгодны для Англии.

Порта надеялась, что эта серьезная уступка приведет к заключению военного союза.¹¹⁾ Английский посол в Стамбуле Понсонби подталкивал Порту к войне с Мехмедом Али, так как только война могла предоставить возможность для ликвидации Хонкир-Искелесийского договора.¹²⁾ Но Англия отказалась в последний момент от подписания наступательного союза против Мехмеда Али,¹³⁾ использовав сложившееся положение для дипломатического вмешательства. В переговорах великих держав Англия была всецело на стороне султанской Турции¹⁴⁾, что и помогло последней одержать дипломатическую победу над Мехмедом Али, несмотря на военные поражения.

В одном из дозвсений Мустафы Решида пашы, посланном в 1898/99 гг. из Парижа, содержится объяснение внешнеполитических причин английской ориентации во внешней политике Порты. Мустафа Решид писал, что если во время войны с Мехмедом Али вновь будут призваны русские войска, то другие великие державы могут не ограничиться выступлением против России, а "станут враждовать между собой и с Османской империей".¹⁵⁾ Это высказывание свидетельствует о реалистической оценке выдающимся турецким дипломатом политического положения Османской Империи и политики европейских держав.

1) Первые постоянные посольства при султанах Махмуде стали учреждаться с 1834 г.

2) Каунар, с. 71, 77, 91, 150.

3) В.А.Георгиев, М.Т.Панченкова, Проблемы внешней политики России XIX в. в трудах советских историков. - "Вопросы истории", № 7, 1970, с. 141; В.А.Георгиев. Англо-американская историография восточного вопроса. Обзор. - "Вопросы истории", 1968, № 3, с. 174.

4) Д.Г.Розен, История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата 1856 года. Ч.1, с. 239.

5) Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Сост. Ф.Мартенс. Т.ХП. СПб., 1898, с.58.

6) Розен, I, с. 239; F.E.Baily, British policy and the Turkish reform movement. Cambridge, 1942, с.167; F.S.Rodkey, The Turco-Egyptian Question in the relation of England, France and Russia, 1832-1841. - University of Illinois studies, vol.II,

№ 3-4, Urbana , Illinois , 1924, с. 67; Каунар , с. 89-90.

7) Мартенс, XII, с. 41,50; Розен, I, с. 239; Rodkey ,с.68; Ş.Altundağ . Kavalali Mehmet Ali paşa isyanı . Mİsİr meselesi 1831-1841. 1. Kİsİm. Ankara , 1945, с. 141; Каунар , с. 89. Чаще в литературе встречается более общее положение о том, что Англия считала одним из основополагающих принципов своей политики постоянный союз с Османской империей, чтобы препятствовать Франции и России захватить пути в Индию через Средиземное море и проливы. В этом верном положении не находит отрезания отношение Англии к Мехмеду Али и султану.

8) Розен, I, с. 262-263.

9) Каунар, с. 89-90.

10) Каунар, с. 83.

11) Каунар, с. 131-134, 147.

12) Каунар, с. 132; Розен ,I, с.239-240,264; Baily,с.167; Rodkey, с. 67.

13) Ph.Mosely. Russian Diplomacy and the Opening of the Eastern Question in 1838 and 1839 by Philip Mosely. Cambridge,1934, с. 134.

14) Каунар, с. 323 и др.

15) Каунар, с.158.

Е.И.Кычанов

ОБ ОДНОЙ ТРАДИЦИИ ФИКСАЦИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В древнем Тибете земли правителя, цэнпо, именуемые "землями государя (дже-нинг), обрабатывали его подданные, банг. Банг были все люди, подвластные цэнпо, независимо от их имущественного и социального положения. Генетически банг являлись членами племени в отношении к их вождю (дже). Они были свободными и не находились в зависимости от каких-либо третьих лиц.¹⁾ Банг платили цэнпо налоги. Средством фиксации налога служили трам (кхрам) - "деревянные бирки для отчета".²⁾ Тибетские погодные хроники из Дуьхуэна (ло-чжуй) не раз упоминают о составлении "красных тре-

мов" (трам-мар).³⁾ Среди публикаций документов из Восточного Туркестана, подготовленных Ф.В.Томасом, есть и деревянные планки с надписями, одна из которых начинается словами: "этот трам" (трам ди). По содержанию это текст, связанный с уплатой налога зерном.⁴⁾

Известный венгерский востоковед А.Рона Там первым указал на связь "красных бирок" для уплаты налога с "трам-нинг", палкой, заткнутой за пояс, в иконографии богини Ахамо, символизирующей "зерубку" грехов, долги и обязательства людей потустороннему миру. Ссылаясь на запись хроники под 744 г.,⁵⁾ по приказу цэпо красные бирки были заменены желтой бумагой⁵⁾ - А.Рона Там высказал предположение, что деревянные красные бирки использовались для регистрации налогов до 744 г., а затем записи стали производиться на желтой бумаге.⁶⁾

Точно неизвестно, действительно ли 744 г. был последним годом употребления красных деревянных бирок для записи налогов в Тибете, или же их продолжали еще кое-где использовать и в дальнейшем, но очевидно одно - способ фиксации налогообложения, применявшийся в Центральном Тибете в УП - УШ вв., продолжал, пусть эпизодически, бытовать на его окраинах еще много столетий спустя. Теперь мы точно знаем, что система фиксации налогов на деревянных бирках использовалась при обложении крестьян (хозяев), очевидно, владельцев какого-то количества земли, быков и инвентаря, в тангутском государстве Великое Ся (982-1227) в середине XII в. В "Именном и заново утвержденном кодексе законов /дэви-за царствования/ Небесное Прозветание (1149-1169)" есть статья, гласящая: "Хозяевам податных дворов, которые сами пахут какое-то количество земли, владеют сколькими-то быками, должен быть определен налог /зерном/ в ху, доу и пригорнях, а также указаны размеры поставок хвороста и сена. Каждый /хозяин/ обязан принести деревянную бирку, на которой и записываются сведения /о налоге, который он должен выплачивать/, и на каждый двор следует выдавать по одной бирке".⁷⁾

Наконец, известно, что в последние годы XIV в. система бирок, на этот раз золотых и медных, использовалась китайскими властями династии Мин для взимания с зависимых от Китая восточных тибетцев лошадей в обмен на чай. В 1393 г. было издано постановление: "Послать послов ко всем пограничным феям в районах Силян, Ючан, Ганьсу, Шаньдань, Синин, Линьтао, Хэчжоу, Тэочжоу, Минь-

чжоу, Гучан, чтобы раздать /им всем/ золотые и медные верительные бирки и объявить каждому роду и племени следующее: "если к вам придет посол требовать налога и повинности, то в начале вы сверяете бирки, и если они подойдут, выполняйте приказ. Если же нет, то нарушителей следует заковывать в кандалы и отправлять в столицу для привлечения к ответственности".⁸⁾

Вайцзы, верительные бирки, были известны в Китае с глубокой древности, но мы не располагаем сведениями о том, чтобы они использовались для фиксации налогообложения. Для этого, как, возможно, и в Тибете после 744 г., ослужили списки налогоплательщиков. Поэтому не исключено, что китайцы, нуждаясь в тибетских лошадях, ввели такую форму фиксации принудительного обмена лошадей на чай, воспользовавшись давней традицией, хорошо известной местным племенам.

Итак, мы можем предполагать, что традиция фиксации повинностей с помощью бирок бытовала (непрерывно или с перерывами) в этих районах Центральной Азии по крайней мере восемь-девять столетий.

Хотелось бы высказать еще одно предварительное суждение.

Хорошо известно, что в ИО ИВАН СССР хранится коллекция тибетских документов на дереве, найденная у селения Миран, близ озера Лоб-нор. Исследовавший эти памятники В.С.Воробьев-Десятовский датировал их первой половиной VII в. и полагал, что те из них, которые выкрашены красной краской "преимущественно сообщения военного и хозяйственного характера".⁹⁾ Чтение и понимание этих памятников, часть которых, к тому же, написана не по-тибетски, а наклонным брахми, крайне затруднено и представляется, по крайней мере силами сотрудников ИО ИВАН, еще делом будущего. И нам думается, что те деревянные бирки этой коллекции, которые окрашены красной краской (часто имеют дырку с одного края для привязывания их и иногда непонятные зарубки по краям и на лицевой поверхности), бирки, о которых В.С.Воробьев-Десятовский писал также и то, что их "назначение неясно"¹⁰⁾, вполне могут оказаться подлинными, сохранившимися до наших дней "трам-мар" древних тибетских хроник. Абсолютно совпадение внешних характеристик, часть текстов, хоть как-то прочитанных, "хозяйственного характера" и поэтому будущие исследователи этих памятников не должны сбрасывать возможность такого отождествления со счетов.

I) В.А.Богословский, Очерк истории тибетского народа, М.,

ИВЛ, 1962, с. 92-94.

- 2) F.W.Thomas, Tibetan Literary Text and Documents concerning Chinese Turkestan, London, 1935 - 1955, III, p. 118.
- 3) J.Bacot, F.W.Thomas, Ch.Toussaint, Documents de Fouen-Houang relatifs à l' Histoire du Tibet, Paris, 1940, p. 17-26.
- 4) F.W.Thomas, op.cit. II, p. 199-200.
- 5) J.Bacot ..., Documents ..., p. 26.
- 6) A.Róna Tas, Tally-stick and divination dice in the Iconography of Iha-mo, -"Acta Orientalia Hung.", t. VI, 1956, fasc. 1-3, p. 166.
- 7) Измененный и заново утверждённый кодекс законов /девиза царствования/ Небесное Прозцветание (II49 - II69), гл. XV, л. 45a. Тенгудский фонд ДО ИВАН, инв. № 197.
- 8) А.С.Мартынов, К проблеме обмена на фаньской периферии при династии Мин, - "История, культура, языки народов Востока", М., "Наука", 1970, с. 81.
- 9) В.С.Воробьев-Десятовский, Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С.Е.Маловым, - "Ученые записки Института востоковедения", том XI, с. 170, 172.
- 10) Там же, с. 172.

А.Г.Лундин

НОВЫЙ САБЕЙСКИЙ ЭПОНИМ II в.н.э.

Публикация сабейских надписей, осуществленная Йеменским ученым Мутаххаром ал-Ерйани¹⁾, содержит три новых текста, датированных по эпонимам: Ер 10, 22 и 26.²⁾ Это дает возможность проверить как схему действия сабейского эпонимата, так и реконструированный список сабейских эпонимов I-III вв. н.э.³⁾ Решительным доказательством могла бы послужить надпись, содержащая имя эпонима, ранее реконструированное теоретически.

Новый материал полностью соответствует реконструированному списку; два эпонима идентифицируются очень легко. Вадад'иял сын 'Абхарба из кабиров Халил (Ер 22) - эпоним № 39 нашего списка, известный по нескольким надписям, причем в Ja 618 совпадает даже

год. Ма'адкариб они Тубба'кариба из Хазферам (Ег 26 = Sh 28) - № 38⁴) списка, известный по надписи KES 4646.

Вызывает затруднения лишь дата Ег 10: lhrf/tb'krb/bn/ m'dkrb/bn/hyfgm/tkmt . Этот эпоним неизвестен по другим надписям. В реконструированном списке есть эпоним с тем же именем и именем отца (№ 20), но из рода Фадахем, неизвестный по надписям и реконструированный нами. Он не может быть идентифицирован с эпонимом Ег 10 из-за разницы родовых имен.

По закономерным соответствиям⁵) имен Тубба'карибу сыну Ма'адкариба из Фадахем должны соответствовать эпонимы с тем же именем из рода Хармат (№ 25) и из рода Хазферам (№ 80). Однако последний известен по надписям Ja 658, 735 и СИН 314+954; он носит имя tb'krb /bn/ wdd'1 (с нарушением закономерного соответствия). Известен по надписям и его отец, эпоним № 27 wdd'1 /bn/hywm . Следовательно, здесь ошибка реконструкции исключается.

Эпоним № 25 в надписях не упоминается, но его имя реконструировано нами tb'krb/bn/wdd'1 . На чем основана реконструкция? Надпись СИН 88 упоминает эпонима № 28, сына № 25: amhkrb/bn/tb'krb/bn/hdmt . Отсюда выясняется личное имя № 25, Тубба'кариб. Имя его отца, если судить по реконструированному списку, также засвидетельствовано надписью СИН 430.

Этот текст не датирован по эпониму и содержит имена эпонимов в формуле $\underline{dsgyhw}$: /wdd'1- эпоним отца, и эпонимы сыновей: 'bkrb, tb'krb и несохранившееся имя. Эпонимы сыновей, идущие в хронологической последовательности, идентифицируются легко. Еще при составлении первоначального списка они были отождествлены с № 9, 10 и II (I2)⁶) (соответственно № 29, 30, 31 (32) нового списка). Эпоним отца был тогда же предположительно идентифицирован с № 2(22). Позднее, когда были установлены закономерные соответствия имен эпонимов⁷), выяснилось, что имя эпонима № 22, Вадад'ид, подтверждается ретроспективным соответствием имен 22 = 27, что уверило автора в правильности идентификации.

Между тем, идентификация Вадад'ида надписи СИН 430 с № 22 остается весьма проблематичной; столь же возможен другой вариант отождествления - с № 27, который даже кажется предпочтительным. Действительно, при первом варианте разница между эпо-

нимами отца и старшего сына (и соответственно в их возрасте) равна 6 эпонимным циклам (+ 2 неполных), т.е. не менее 42 лет (до 55), а отца и младшего сына - 8 циклом - т.е. 56 годам (до 69). При втором варианте между отцом и старшим сыном - один цикл (+ 2 неполных), т.е. меньше 21 года, а отцом и младшим сыном - 4 цикла, т.е. 32 - 45 лет. Возможны, конечно, оба варианта⁸⁾, но второй кажется более вероятным. Закономерные соответствия имен эпонимов в данном случае не доказательны; реконструированный цикл соответствий выглядит так: $I7 \neq 22 = 27$, но столь же возможен и цикл $I7 = 22 \neq 27$, с нарушением соответствия во второй паре. отождествив первого эпонима СГН 480 с № 27, мы можем реконструировать имя эпонима № 22, по закономерному соответствию от № 17, как $m'dkrb$, и тогда № 25 должен носить имя $tb'krb/bn/m'dkrb/bn/hdmt$.

Можно ли датировать надпись Ер. 10 временем эпонима № 25? Список эпонимов для этого периода содержит следующие хронологические данные:

№ 24	год I	Ja	645	Рабшамс Нимран,
№ 25	Год I	Ер	10	'Алхан Нахфан и сын его Ша'ир 'Автар/
№ 26	год 4	Фа	71	'Алхан Нахфан
	год 4	Sh	18	Ша'ир 'Автар из Хамдан (без царского титула)
№ 27	год 5	Nam1	15	Ша'ир 'Автар

Таким образом, общий хронологический контекст реконструированного списка и надписи Ер. 10 полностью совпадают; в ней упоминаются те же правители, которые известны по надписям, датированным следующим эпонимом. Однако с первого взгляда представляется странным, что совместное правление 'Алхана и Ша'ира упоминается значительно раньше, чем единоличное правление 'Алхана. Тем не менее, это вполне возможно. Упоминание царей, как правило, датирует время установки надписи. Напротив, как нам уже приходилось говорить⁹⁾, дата по эпониму и время установки посвячительной надписи могут не совпадать, так как дата относится не к самой надписи, а лишь к одному из упомянутых в ней, уже прошедших, событий. В надписи Ер. 10 это прямо указано в тексте; мотивировка посвящения гласит: $dstwklhw/'bdhw /šrh'1/bn/tz'd/ltmrm/kwn/ /b'rdhww/lhrf/tb'krb/bn/m'dkrb/bn/h(dmt)/tkntn$ "то, что обещал ему раб его Шарах'ил из (рода) Таз'ад за плоды, которые были

в земле его, за первый год Тубба'кариба сына Ма'адкариба из Ха(змат)". Таким образом, в первый год Тубба'кариба было лишь дано обещание принести votивный дар за хороший урожай в этом году. Шарах'ид, как видно, не очень торопился с выполнением этого обещания; впрочем, и богу не составляет труда подождать 10 лет (до четвертого года следующего эпонима).

Однако вполне возможно, что совместное правление 'Алхана и Ша'ира началось еще при эпониме № 25. Дело в том, что надписи Pa7I и одновременная ей Sh I8 отражают какие-то сложные отношения между династией Йарима 'Аймана и городской общиной Мариба; по-видимому, Марибская община не признавала 'Алхана Нахфана законным "царем Себа" и признала этот титул лишь за Ша'иром.¹⁰⁾ Поэтому в двух одновременных надписях из Мариба, посвященных одному событию, Pa7I и Sh I8, упоминаются разные представители династии. В первой, поставленной самим царем, назван 'Алхан Нахфен с царским титулом; во втором, поставленном городской общиной Мариба, упомянут Ша'ир 'Автар без всякого титула. При этом не кажется странным, что в близком по времени тексте Eг 10, установленном Шарах'идом из Тез'ад, упоминаются и 'Алхан, и Ша'ир с одинаковым титулом.

Таким образом, вполне возможно отождествить эпонима надписи Eг 10 с эпонимом № 25 списка эпонимов. Но в издании ал-Ерйани родовое имя эпонима - Хазфарам, тогда как эпоним № 25 принадлежит к роду Хазмат. Ошибка в чтении кажется очень странной, так как сходство написаний минимально: совпадает лишь один знак. Это тем более удивительно, что издание ал-Ерйани отличается высоким качеством (ср. текст Eг 26 и Sh28). Однако обратимся к истории публикации.

Изданные надписи происходят из американских раскопок в Марибе зимой 1951-1952 г. Во время этих раскопок 'Али ибн 'Аб-дальлах ал-Кухали систематически копировал тексты и впоследствии передал свои копии М. ал-Ерйани.¹¹⁾ Копии ал-Кухали были, несомненно сделаны в арабской графике; но при этом в именах hdmт и hzfmт почти полностью совпадают уже первые три знака (حذمت и خزفرم). Если учесть, что арабская транскрипция была прочитана через много лет и другим лицом, то ошибка становится легко объяснимой: это - типичная ошибка переписчиков арабских рукописей.

Таким образом, можно уверенно идентифицировать эпонимы Ег 10 Тубба⁴кариса сына Ма⁴адкариса из Ja(змет) с эпонимом № 25 нашего списка, ранее неизвестным по надписям и реконструированным нами теоретически. Дата надписи Ег 10 служит решающим доказательством правильности принципов, положенных в основу реконструкции списка сабейских эпонимов I-II вв. н.э., т.е. системы сабейского эпонимата.

-
- 1) Motahhar Ali al-Bryani, In Yemen History. Yemen-Sanaa, 1973.
 - 2) Собственно, Ег 26=Sh23 (см. A.Sharafaddin, *Tarih al-Yaman at-Taqafi*, II, Taiz, 1967, с. 75-76), но издание ал-Бриани дает более полный текст и правильное чтение даты.
 - 3) См. А.Г.Лундин, Государство мукаррибов Сабс. М., 1971, с. 121-122.
 - 4) В издании (А.Г.Лундин, Государство мукаррибов, с. 122) надпись Sh 23 ошибочно помещена под № 34, вместо № 33.
 - 5) См. А.Г.Лундин, Государство мукаррибов, с. 119-120.
 - 6) A.Loundine et J.Ruckmans, *Nouvelles données sur la chronologie des rois de Saba et du-Raydan*. "Le Muséon". LXXVIII, 1964, tabl.I.
 - 7) См. А.Г.Лундин, Дополнения к списку сабейских эпонимов. ВДИ № 3, 1966, с. 86.
 - 8) К первому ср. надпись Ja 567, где разница между отцом и старшим сыном - 5 эпонимных циклов, а отцом и младшим сыном - 8.
 - 9) А.Г.Лундин, Государство мукаррибов, с. 110-111.
 - 10) См. A.Loundine, *Deux Inscriptions Sabéennes de Marib*. "Le Muséon", LXXXVI, 1973, p. 188-191.
 - 11) См. M.al-Bryani, In Yemen History, p. 27-34.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ "ДВИЖЕНИЯ ЗА СВОБОДУ И
НАРОДНЫЕ ПРАВА"

"Движение за свободу и народные права" (дзю минкэн ундо) развернулось в Японии в 1874-90 гг., в период становления капитализма. Движение не было однородным в социальном и идейном плане и это отразилось на его оценке японскими учеными.

Историю изучения "дзю минкэн ундо" можно разделить на три этапа: 1) 1920-1940 гг.; 2) 1945-1960 гг.; 3) с начала 1960 гг. по настоящее время.

Для первого этапа характерно появление описательных работ и формирование методологических принципов анализа движения. Сначала движение рассматривалось в отрыве от социально-экономического развития страны, от борьбы народных масс, единственной его движущей силой признавалось самурайство. Среди историков сформировалось два подхода к "дзю минкэн ундо" - как к движению прогрессивно настроенного самурайства за введение парламентарной системы в целях упрочения власти императора и как к движению реакционного самурайства за реставрацию феодализма.

В конце 1920-30 гг. появились исследования историков-марксистов, которые определяли движение как буржуазно-демократическое и рассматривали его в тесной связи с развитием японского капитализма в 1870-80 гг. Участниками движения эти ученые считали не только самураев, но и сельскую буржуазию и крестьянство.

На втором этапе главное внимание исследователей привлекают материалы по крестьянским выступлениям 1882-86 гг., по связям крестьян с "движением за народные права", возглавляемым либеральным дворянством и буржуазией, и роли сельской буржуазии в этом движении. Было признано, что в разное время в "дзю минкэн ундо" участвовали различные социальные слои, из-за чего характер движения на протяжении его истории не был одинаковым. Японские ученые не едины в оценке характера движения. Большинство из них (Тояма Сигэки, Хориэ Эйити, Гото Ясуи и др.) определяют движение в целом как буржуазно-демократическое, превратившееся из реформистского движения либерального самурайства и буржуазии в подлинную крестьянскую революцию. Кульминацией движения они считают крестьянские выступления 1882-86 гг.

Другая группа историков (Иноуэ Кийою, Хаттори Сисо) определяют движение под руководством дворянства и буржуазии как революционное и соответственно относят наивысшую точку его развития к 1881 г.

Японскими историкам в целом присуде некоторое преувеличение революционного характера движения, трактовка именно его (а не событий 1867–68 гг.) как первой буржуазной революции в Японии. Советские ученые оценивают события 1867–68 как незавершенную буржуазную революцию. Они согласны с теми японскими историками, которые рассматривают движение самурайства и буржуазии как либеральное и считают, что в процессе развития оно приобрело буржуазно-демократический характер. Вместе с тем оценка "дзю минкэн ундо" как революции является, с точки зрения советских ученых, ошибочной.

На третьем этапе изучения "движения за свободу и народные права" исследуется его место в истории борьбы народных масс в период становления капитализма в Японии, а также его связь с событиями 1867–68 гг. и с последующей борьбой японского народа за демократию.

Вместе с тем нельзя думать, что исследование этого движения уже исчерпано. Все еще остается неисследованной идеология руководителей движения и тех неоднородных по социальному составу групп, которые входили в это движение.

Исследование "дзю минкэн ундо" как одного из звеньев в процессе становления буржуазного общества в Японии имеет особое значение в условиях распада колониальной системы, ибо ряд буржуазных ученых стремится представить путь превращения Японии в капиталистическое государство как эталон для развивающихся стран Азии и Африки.

В.И.Рудой

К ОПИСАНИЮ ТИПОВ ПРИЧИННОСТИ В АБХИДХАРМИКЕ

0. Предмет этих кратких заметок – техническое значение трех ключевых слов (терминов), описывающих типы причинности на уровне классов элементарных единиц бытия (dharma = choa = 法) в Abhidharmaśāstra Vasubandhu (I, 37)¹:

vipākajauracayikāḥ pañcā ' dhyātman vipākajāḥ
na śabdo ' pratighā aṣṭau naiḥyandikavipākajāḥ //

rnam par smin las byuñ ba dañ
rgyas las byuñ ba nañ gi lha
agra ni rnam smin las skyes min
rgyu mthun las byuñ rnam smin skyes
thogs pa med brgyad.

内五有熟養
聲無異熟生
人無礙等流
亦異熟生性

5 [категорий] внутренних [элементов] порождены прошлым действием [и обладают] свойством развития. Звук не порожден прошлым действием. 8 [категорий элементов], не обладающих [свойством] противодействия, - "естественно вытекающие" и порождены прошлым действием.

1. vipākaja = rnam par smin pa las byuñ ba (или skyes pa, как в тиб. тексте автокомментария) = 熟 (букв. 'созреть', 'поспеть'), сокращение 異熟生, вызванное необходимостью сохранить пятисложный размер стиха. Перевод Свэнь-цзана здесь не семантический, а калькирующий, причем иероглиф 異 (несходный, иной) передает санскр. префикс vi (соответственно, тиб. rnam par), который интенсифицирует значение корня pac (букв. варить) и не имеет в данном случае обычного разделительного значения.²⁾

В интерпретации Абхидхармиков "vipākaja означает 'порожденное созревшей причиной' (vipākahetorjāta), т.к. средний компонент оупен, как, напр., в сложном слове goratha, 'воловья повозка' вместо gobhir yukto ratha, 'повозка, запряженная волами'. Или же [термин] vipākaja обозначает достижение действием того момента (или отрезка времени), когда оно приносит свой плод, т.е. результат. Оно находится в процессе созревания [и поэтому

получает название *virāka* = тиб. *gnam rag zhin pa* 7).⁹⁾ Созревший плод (т.е. результат) также называется *virāka*.

[Еще одно толкование]: причина может быть обозначена через следствие (т.е. результат действия причины), как и следствие через причину⁴⁾; так, напр., [в сутрах] сказано: "6 источников контакта (*sparśāyatanaṇi*, т.е. 5 органов чувств и разум) следует рассматривать как результат прошлых действий".⁵⁾ (В интерпретации термина *virākaja* я исхожу из этого последнего толкования, поскольку оно наиболее характерно для абхидхармических текстов).

Таким образом, ключевое слово *virāka* описывает как процесс, так и его конечный продукт. В первом случае Ямомитра в соответствии с Панини толкует его как *virasyata iti virākah*. *Karmakartari ghañ*; во втором - как *phalam tu viraktir eveti vipaka iti. bhava ghan*.⁶⁾

В концепции Абхадхармики термин *virākaja*, "рожденное прошлым действием", обозначает некоторый кармический результат, который проявляется опосредованно, в медленном и постепенном "созревании" "благого" или "неблагого" действия⁷⁾, причем развитие "благого" действия может быть задержано влиянием "загрязняющих" (т.е. обуславливающих эффективность сознания) элементов (*kuśalasaṅgraha*).⁸⁾ *Virāka* как конечный продукт кармического действия (которое в буддийской традиции рассматривается не как внешняя сила, а как имманентная активность любого процесса) может быть более сильным или более слабым, но его "получение" (*prāpti* = *thob pa* = 得) является абсолютно автоматическим, т.е. независимым от волевого усмидия.⁹⁾

2. *aurasaṅga* = *rgyas pa las byuñ ba* (*rgyas pa* = санскр. *śi*, 'увеличиваться в объеме или количестве'; 'распространяться') = 所長養 (где бином *чхан ян*, 'развиваться и расти', также передает санскр. *śi* = *śaṅ*); в переводе Парамартхи 從增長生,¹⁰⁾

aurasaṅga, "развивающееся", является термином, описывающим форму причинности на организмическом уровне, т.е. на уровне *gūṛaskandha* (= *gzugs kyī rhuñ po* = 色蘊), представляющей формальное условие функционирования любого организма. (Этим, прежде всего, он отличается от термина *virākaja*, описывающего нравственную причинность, существующую на уровне целостной организации пяти скандх, т.е. на "личностном" уровне).

Согласно Васубандху, "aupasaуika" означает процесс роста и развития благодаря соответствующему питанию (āhāra = зае ; в переводе Свань-цзена 飲食 , питье и пища), II) уходу за телом, сну и медитативному сосредоточению (samādhi = tin he 'asin ; у Свань-цзена ошцено. В переводе Парамартхи 持 , стр. 169, а).

Некоторые [Абхидхармики относят сюда] и воздержание (brahmacaryā = tahaṅs paṅ sruod pa = 梵行), [что однако неверно, т.к.] оно лишь не создает препятствия (anupaghāta = mi gnod pa = 不損 , букв., не вредит), но не содействует развитию [организма].

Процесс развития (upasaуasantāna) поэтому служит "защитой" (āraṅkā = kun tu bsguñ = 護) процесса созревания кармического следствия, как бы "окружая" его со всех сторон (pratiprākāra)". I2)

3. naihsyaudika = rgyu mthun pa las byuñ ba = 等流性 ; в переводе Парамартхи 從等流生 , стр. 169, а. Буквально это ключевое слово можно перевести как "естественно вытекающее". В специально-терминологическом смысле оно обозначает спонтанный поток мгновенных состояний бытия, определяемых в Абхидхарме двумя причинными рядами: sabbhāgahetu (= akal pa zham pa'i rgyu = 同類因 , однородная причина, обуславливающая эмпирическое тождество, точнее, гомогенность последовательных состояний)^{I3)} и sarvatragahetu (= kun tu 'gro ba'i rgyu = 遍行因 , всеобщая причина, определяющая весь ряд состояний).^{I4)} Такой поток является абсолютно однородным, т.е. каждое его данное состояние сменяется аналогичным состоянием, не приводя к коренному изменению потока в целом. По определению Ф.И.Шербатского, этот тип причинности характерен для неживой природы.^{I5)}

В Абхидхармике, однако, термин naihsyaudika , "представляющее естественное течение", служит, прежде всего, единицей описания категорий сознания, что эксплицируется, в частности, в приведенной выше карике Васубандху: "... apratighā astau naihsyaudikā..." . Здесь 8 [классов элементов], не обладающих свойством сопротивления (apratigha = thog pa med pa = 無礙)^{I6)} включают 7 категорий сознания (cittadhātavaḥ = sems kyi khams = 心界) и класс идеальных объектов (dharmadhātu = chos kyi

khama = 法界). В форме niṣyandaphala , "естественно вытекающий результат" (тиб. rgyu mthun pa'i 'bras bu , букв. 'результат, подобный своей причине'), этот термин синонимичен другому ключевому слову, sabhāga , описывающему тот факт, что результат принадлежит к тому же самому уровню, что и причина.¹⁷⁾

4. Рассмотренные выше термины могут относиться также к неформальным и иерархическим системам описания дхарм (элементарных единиц бытия) на уровне групп (akandha = rhuñ po = 經) и источников сознания (āyatana = sku'e mched = 處).

1) Tibetan Sanskrit Works Series . Vol. Ⅷ. Abhidharmakośabbāṣya of Vasubandhu . Edited by P. Pradhan. K.P.Jayaswal Research Institute , Patna , 1967 (В последующих ссылках: АКВ).

Тибетский перевод этого текста (первый и половина второго раздела) издан Ф.И.Щербатским в Bibliotheca Buddhica , т.Ⅺ. Петроград, 1917. (Карика I,37 - с. 64-66).

Перевод Свань-цзана в Taisho Tripitaka (Taishō Shinshū Daizōkyō), Токуо , 1924-34, т. 29, № 1558 (Карика I,37 - с. 9 а-в). (В последующих ссылках: ТТ).

Перевод Парамартхи там же, т. 29, № 1559, с. 169 а-в.

2) ср. Betty Heimann , The Significance of Prefixes in Sanskrit Philosophical Terminology. Herford, 1951, pp. 7, 24, 60.

3) Bibliotheca Buddhica. Т. Ⅺ, 1, с. 65.

4) См. также Le Compendium de la Super-Doctrine (Philosophie) (Abhidharmasamuccaya) d'Asaṅga . Traduit et annoté par W.Rahula. Paris, 1971, p.180.

5) АКВ, I, 37.

6) Sphuṭārthā Abhidharmakośavyākhyā of Jaśomitra. Edited by U. Wogihara. Tokyo, 1932-36, с.69.

7) См. АКВ, I, 30.

8) АКВ, I, 3 и II, 57.

9) ср. Th. Stcherbatsky, The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word "Dharma". London, 1923, p.32.

10) ТТ, т.29, с.169 а.

II) О терминологичности этого слова в буддийской прагматике см.: Alex Wayman. *Analysis of the Śrāvakaśāstra Manuscript*. Berkeley and Los Angeles, 1961, pp.135-162.

12) АКВ, I, 37.

13) Подробно см. АКВ, II, 52.

14) АКВ, II, 54.

15) См. *Central conception...*, p.33.

16) АКВ, I, 37.

17) В этом случае он может иметь определенную этическую ценность, ср. АКВ, II, 57.

В.С.Спирин

СЛОВО "ХОУ" (ТОЛЩИНА) В ИДЕОЛОГИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Указанное в заголовке слово в источниках употребляется по крайней мере в трех смыслах: толщина предмета, что-то вроде доброты по отношению к людям, какой-то тип рассуждений. Кажется, только последний смысл имеет отношение к философии, а первые два можно отнести соответственно к прикладной математике и сфере практической морали. Но такая дифференциация, основанная на наших нынешних представлениях о возможном составе философии и идеологии, будет противоречить тому факту, что за очевидным для нас различием смыслов указанного слова скрывается его семантическое ядро, объединявшее для древнего китайца указанные различия. На примере этого слова можно обнаружить признаки так называемого синкретического мышления древних.

Отметим, что философскому аспекту данного понятия придавалось важное значение. В обзоре древнекитайской идеологии, содержащемся в главе "Тянься" из "Чжуан-цзы", выражение "ухоу" (нет толщины) приводится как характерное для человека искусного в "бянь"^I. Под "бянь" можно понимать логику вообще или ее особую отрасль. Но нельзя полагать, что рассуждения с применением понятия "хоу" характерны лишь для особой "школы" логиков или "диалек-

тиков" (бяньчжо). Не принадлежащий к этой "школе" Сюнь-цзы писал: "Необходимо детально рассмотреть исследования /соотношений/ твердого и белого, тождества и различия, наличия толщины (хоу) и отсутствия толщины".²⁾ Сюнь-цзы далее замечает, что "благородный" (цзюньцзы) сам не занимается специально решением такого рода проблем, но он продвигается вслед за теми, кто преуспел в этой области. Получается, что положения о "толщине" это какой-то элемент образованности "благородных".

Нам представляется, что отправной точкой для понимания значения выражений со словом "хоу" может послужить ряд положений из "Канонов" (цзин) и "Выводов (шо)", содержащихся в "Мо-цзы". Рассмотрим эти положения.

Канон: "Излишек. Нет случая когда бы [его] не было". Вывод (шо): "Излишек. Нет излишка - нет толщины".³⁾ Интерпретировать этот отрывок нужно, исходя из того, что и "излишек" (ин) и "толщина" связаны с определенными математическими представлениями. В математическом трактате "Цзючжан суэньшу" термин "излишек" применяется при решении систем уравнений, в которые входит выражение типа $ax = y + c$. "Излишек" здесь представляет свободный член "с".⁴⁾ С другой стороны, в этом же трактате "толщиной" (хоу) называется ширина прямоугольного бруса, который выпиливается из круглого бревна. Эта "толщина" рассматривается в зависимости от другой характеристики этого же бруса, его ширины. Иначе говоря, там под "толщиной" понимается одна из сторон вписанного в круг прямоугольника.⁵⁾ Учтя эти два обстоятельства, мы можем уловить смысл связи между "излишком" и "толщиной". Дело в том, что если мы представим график уравнения с "излишком", т.е. $ax = y + c$, то он пройдет мимо центра координат и отсечет на оси отрезок "с". Если секущую $ax = y + c$ мы представим в качестве одной из сторон вписанного прямоугольника, то длина второй стороны ("толщина") будет находиться в прямой зависимости от величины "с" ("излишка"): чем меньше (больше) "излишек", тем меньше (больше) "толщина", так что когда "излишек" равен нулю, равна нулю и "толщина", а другая сторона прямоугольника совпадает с диаметром. Это и констатируется в "Выводе(шо)". "Канон" же говорит о том, что "излишек" остается при любых допустимых для данного случая (то есть ограниченных диаметром) значениях переменных "x" и "y".

Приведенная интерпретация выражения "ухоу" может показаться слишком смелой, в частности, потому, что она опирается на понимание функциональной связи переменных, на представление этой связи в виде графика. Приведем некоторые факты, показывающие, что указанные понятия не были чуждыми для древнего Китая.

Древнекитайское "дао" включало в себя понятия функции и ее графика. Поэтому многие фрагменты древних источников пронизаны указанными понятиями. Мы здесь остановимся лишь на некоторых свидетельствах из "Мо-цзы", тематически нам очень близких.

Канон: "Толщина. Есть нечто делающее (ее) большой". Вывод (мо): "Толщина. Лишь отсутствие делает ее большой".⁶⁾ В этом отрывке понимание "толщины" как фактора, зависящего от другого, очевидно. Под другим фактором, вероятно, имеется в виду ширина. Лишь сведение ширины к нулю дает максимальное значение "толщины". Контекст данного отрывка говорит в пользу нашей интерпретации. Отрывок связан с положениями о равной длине, о центре, равноотстоящем от краев, об окружности, представляющей линию, равноотстоящую от центра. Такое окружение положения о "толщине" вполне понятно, если иметь в виду, что "толщина" это характеристика вписанного прямоугольника. Однако, вероятно, самой интересной является связь рассматриваемого отрывка с положением об "обязательности" (би). Под последней имеется в виду такая "обязательная" связь двух групп (можно сказать множеств) явлений, которая охватывает обе группы целиком. На наш взгляд эта "обязательность" представляет собой особый вид полностью определенной функции. Конкретным примером такой функции может служить связь измерений вписанного прямоугольника. Эта функция определена на всем диаметре, точнее на промежутке от нуля до диаметра.

Понимание "толщины" как некоей переменной характеристики, зависящей от другой переменной, позволяет уловить глубокий логический смысл "толщины" как этической категории. Возьмем отрывок из "Сыцзжуани": "Трудится, а не занимается захватом; прилагает усилия, а не полагается на (естественные) Достижения (да). [Значит] доброта (хоу) достигает предела".⁷⁾ Пара фраз здесь построена по схеме $x \rightarrow y$. При этом перед "у" стоит отрицание. Такое отрицание можно понимать как своеобразное приравнивание к нулю. Таким образом, обе указанные фразы имеют смысл указания на максимальное значение "х" при сведении "у" к нулю. Так что данный текст не является поверхностной сентен-

цией практической морали. Он построен с учетом определенных теоретических форм, которые проявляются и в математике и в этике. Поэтому нельзя категорически утверждать, что "хоу" в этом тексте это моральное, а не математическое понятие. Оно и то и другое. Более того, оно выражает и мировоззренческий момент.

Присмотревшись к значениям "х" в цитированном тексте мы можем обнаружить, что они представляют субъективную сторону, противопоставляемую факторам, от данного субъекта не зависящим. (Последние представлены в значениях "у"). Поэтому предельное "хоу" равносильно своеобразной чистой субъективности. В "Дэн Си-цзы" есть утверждение: "Небо в отношении к человеку не обладает "хоу" (добротой?)".⁸⁾ Если полагать, что автор этой фразы способен на нечто большее, чем эмоциональная оценка "неба", то эту фразу нужно понимать как утверждение отсутствия у неба субъективности. Это великое открытие древнего мыслителя вызвало бешеную ненависть к нему. Мы же можем и должны констатировать, что это не было случайной догадкой или игрой слов. Это был научный вывод, сделанный на уровне тогдашнего теоретического мышления.

1) Чжуцзы цзичэн, Пекин, 1956, Том 3, "Чжуан-цзы цэцзе", с.228.

2) Чжуцзы цзичэн, Пекин, 1956, Том 2, "Сянь-цзы", с.18.

3) Чжуцзы цзичэн, Пекин, 1956, Том 4, "Мо-цзы сянг", с. 192, 208.

4) См. "Цзючжэн суаньшу", Шанхай, 1936, с. III и сл.

5) См. там же, с. 146.

6) Чжуцзы цзичэн, Пекин, 1956, том 4, "Мо-цзы сянг", с. 191, 207.

7) Шисяньцзин чжушу, Шанхай, 1957, часть I. "Чжоуи чжэнь", с. 377.

8) Сыбуэйяо, Шанхай, 1936, том 146, "Дэн Си-цзы тияо", с.3.

"ЛЮБОВЬ" И МАТЕМАТИКА В "МО-ЦЗЫ"

В древнекитайском произведении "Мо-цзы" разрабатывалась проблема любви к людям. Исследователи довольно часто обращались к анализу идеологического значения этого факта. Теоретическая сторона данного учения о любви к людям подвергалась исследованию гораздо реже. Обычно подразумевается, что это учение основывается просто на здравом смысле и на слабых зачатках науки логики синтологического типа. Рассмотрение контекста лишь одного фрагмента с упоминанием "любви" (ай) показывает, сколь неверно указанное представление.

В интересующем нас фрагменте "любовь" рассматривается в связи с такими понятиями как "излишек" (ин), "неполнота" (цзи), "исчерпание" (цзин). Все это отнюдь не понятия китайского опыта. "Излишек" это математическое понятие, используемое для обозначения того, что соответствует свободному члену в уравнениях вида $ax = y + c$.¹⁾ "Неполнота" это тоже понятие математического плана. Оно означает, что в процессе движения к какому-либо пределу существует отрезок между этим пределом и достигнутой точкой. Это понятие связано со своеобразной теорией пределов. Для наших же целей будет достаточно, если мы учтем следующее определение "отсутствия неполноты" (уцзи): "Отсутствие чего-либо помещаемого в данный отрезок - отсутствие неполноты".²⁾ Наконец, "исчерпание" - это понятие, мы бы сказали, из области теории множеств. В "Мо-цзы" оно определяется следующим образом.

Канон: "Исчерпание, Ни один [элемент] не является не таким".

Вывод (мо): "Все-таки происходит остановка движения"³⁾. Здесь "исчерпание" определяется как охват некоторого множества. Это множество возможно и открытое (ибо элементы его определяются через непринадлежность их к дополнению), но оно безусловно ограниченное. Последнее следует из того, что прохождение по его элементам ограничено некоторой "остановкой".

Учтя значение указанных здесь терминов, рассмотрим интересный нес отрывок.

Канон: "Отсутствие неполноты не вредит совокупности. Вывод (мо) в [положении о] избытке или отсутствии одного".⁴⁾

Вывод (но): "(1) Если в случае отсутствия вжного [отрезка] есть неполнота, то можно исчерпать.

(2) Если же нет неполноты, то нельзя исчерпать.

(3) Если же еще неизвестно, есть неполнота или нет неполноты, то еще неизвестно, можно исчерпать или нельзя исчерпать, <нельзя исчерпать>^ж.

(4) В случае с людьми, когда еще неизвестно, есть избыток или оно-го нет, также еще неизвестно, можно исчерпать или нельзя исчерпать обязательно [всех] людей. (5) И тогда натяжкой является [утверждение, что] обязательно [все] люди по возможности исчерпывающе любимы.

(6) Человек - подобное. Если неизбыток [и] вначале неполнота, то для человека есть неполнота. Исчерпание. Есть неполнота, нет трудности.

(7) Если есть избыток [и] нет неполноты, то отсутствие неполноты исчерпывается. Исчерпание. Есть неполнота, нет трудности".⁵⁾

Отрывки (1) и (2) "вывода (но)" могут быть отправными для понимания всего текста. Представим себе, что выражение "нет вжного [отрезка]" (уменьшко) означает точку " x_0 " на оси север-юг. Эта точка представляет некоторое определенное расстояние, за которым уже "нет вжного [отрезка]". Приближения к этой точке, заключающиеся в прохождении расстояния " y ", выражаются через разность $x_0 - y$. Если эта разность есть некоторая определенная величина " c ", то есть если $x_0 - y = c$, то говорится, что в данном случае "есть неполнота" (вдн). Если указанная разность равна нулю, то говорится, что "нет неполноты" (вцн).

В случае, когда "есть неполнота", то есть в ситуации, соответствующей выражению $x_0 - y = c$, значение переменной " y " ограничено, так что переменная здесь представляет некоторое ограниченное множество, которое может быть "исчерпано".

Иная ситуация складывается, когда "нет неполноты". В случае, когда $x_0 - y = 0$, получается, что постоянная равна переменной $x_0 = y$. Здесь нельзя полагать существование какого-либо ограни-

^ж фраза, взятая в угловые скобки, возможно является ошибочной вставкой в текст, а возможно предполагает такой логический аспект (неокончателность утверждения о неизвестности), который мы здесь не учитываем.

ченного множества. Последнее означает, что множество "нельзя исчерпать".

Отрывок (3) констатирует, что ранее установленная эквивалентная связь между наличием "неполноты" и ограниченностью множеств делает невозможными утверждения об одном без знания о другом.

В отрывке (4) по аналогии с отрывком (3) утверждается, что невозможно знание "исчерпания". Существо указанной аналогии может быть представлено через сходство следующих формул:

$x_0 - y = c$ - формула наличия "неполноты"

$ax = y + c$ - формула наличия "избытка".

Тот факт, что две указанные формулы рассматриваются как аналогичные может означать, что здесь не делается различия между постоянной (x_0) и выражением с переменной (ax). А если это так, то формула для "неполноты" может быть представлена как $ax - y = c$.

Связь "избытка" с "исчерпанием", то есть с ограниченностью базисных множеств, означает, что параметры "a" и "c" определяют границы для переменных, а именно для "y" это "c", а для "x" это $\frac{a}{c}$.

Указанные обстоятельства важны для понимания отрывков (6) и (7).

Если для наличия "избытка" подходящей является формула $ax=y+c$ и при этом под "избытком" понимается именно "c", то для выражения "неизбыток", видимо, подходит формула $ax = y$. В таком случае суть консеквента в первой фразе отрывка (6) может быть сведена к комплексу из двух формул: $ax=y$ ("неизбыток"), $ax - y = c$ ("неполнота"). Наличие двух таких формул является условием решения соответствующих математических задач с "избытками". При этом поскольку решение проводится с помощью вычитания второго уравнения из первого, то для того, чтобы в нашем случае не получился отрицательный корень, формулу "неполноты" нужно поставить на первое место. Это и имеется в виду во фразе "вначале неполнота". При правильной расстановке и при преобразовании $ax - y = c$ в $ax = y + c$, получим следующий комплекс формул:

$$\begin{aligned} a^1x &= y + c \\ a^2x &= y \end{aligned}$$

Из этого комплекса, произведя в нем вычитание, получим $a^3x=c$. Эту последнюю формулу мы можем понимать так, что в ней констати-

руется, что переменная "x" достигает некоторой границы (в виде $\frac{c}{a}$), то есть проходит некоторое определенное расстояние до своего предела, то есть "имеет неполноту".

Суть antecedента первого предложения отрывка (7) может быть представлена в виде комплекса формул:

$$ax = y + c \quad (\text{"избыток"})$$

$$x_0 = y \quad (\text{"нет неполноты"})$$

Здесь по существу имеется все то же, что и в условиях, рассмотренных в отрывке (6), поэтому для обоих отрывков повторяется описание их сути: наличие границ для базисных множеств ("исчерпание"), наличие формулы типа $ax - y = c$ (наличие "неполноты"), отсутствие трудностей для определения значения неизвестного, удовлетворяющего оба условия.

Обращает на себя внимание противоречие отрывков (2) и (7). В первом говорится: "если нет неполноты, то нельзя исчерпать"; во втором - "отсутствие неполноты исчерпывается". Представляется, что это противоречие соответствует двум сторонам решения уравнений. Решение означает, что некоторая переменная приравнивается к постоянной. Это можно понимать двояко: переменная становится постоянной, постоянная становится переменной. Это как бы два противоположных направления в противоречивой связи между двумя объектами. Если бы автор рассматриваемого отрывка излагал результаты наблюдений с точки зрения только житейского здравого смысла, то он едва ли стал бы выражаться так явно противоречиво. Но, вероятно, в данном случае он столкнулся с реальными трудностями понятия бесконечности и, находясь на позициях неученого подхода, не смог избежать внешне несовместимых утверждений.

Мы видим, что контекстом для положения о "любви" являются довольно сложные математические и логические сентенции. Логическая сторона проблемы может быть выяснена полнее путем рассмотрения положения того же источника относительно упоминаемой в нашем отрывке "натяжки".

Канон: "Изречение считают исчерпывающей натяжкой. Натяжка. Вывод (но) в [положении о том, что] он изрекает".⁶⁾ Вывод (но): "Пользоваться натяжкой - нельзя. Выходящее и входящее изречения возможны - это не натяжка. В таком случае это наличие возможности [изречений]. [Когда] того человека изречение невозможно, в соответствии обязательно не по деталям разобрано".⁷⁾

Здесь отмечаются "изречения" противоположных направлений: "входящие" и "выходящие". Такие изречения, вероятно, можно понимать как выражения типа "X есть Y" и "Y есть X". Когда возможны оба таких выражения, то они устанавливают как бы эквивалентность множеств X и Y. При наличии же такой эквивалентности каждому элементу множества можно приписать соответствующий предикат. В таком случае предикаты применяются без "натяжки", то есть не распространяются на те элементы, которые реально не удовлетворяют данным предикатам.

Грэм обратил внимание на логичность рассматриваемого нами отрывка, отметил, что в нем проявляется не средневековая аристотелевская силлогистика, а логика, более близкая к современной науке.⁸⁾ Но Грэм совсем упустил прямую связь данного отрывка с математикой. Вследствие указанного им осталась незамеченной весьма существенная сторона воззрений, представленных в данном отрывке. Суть этой стороны в том, что языковые выражения, в том числе и выражение "любовь", рассматриваются как функции. Проблема значения "любви" вследствие этого решается, в частности, и как проблема области определения данной функции.

1) См. "Цзючжан суаньшу", Шанхай, 1936, с. III.

2) Чжуцзы цзичэн, Пекин, 1956, том 4, "Мо-цзы сянгю", с.206.

3) Там же, с. 194, 206.

4) Там же, с. 201.

5) Там же, с. 233.

6) Там же, с. 201.

7) Там же, с. 232.

8) См. A.C.Graham, "China, Europe and origins of modern science" - Asia Major, vol. XVI, pt. 1-2, p.191-196.

**ТАВСІРА-І ГІВЕСТ И МІРАТ-І НАУРЕТ
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ВЗГЛЯДОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИДХАТ-ПАШИ**

В последние годы в советской и зарубежной историографии заметно усилился интерес к проблемам изучения общественно-политического и культурного развития Турции в XIX в. Наиболее полно при этом историками изучен период зарождения и развития в Турции в 60-70-х гг. XIX в. конституционного движения "новых османов", которые первыми в истории Турции начали борьбу с феодальным абсолютизмом, за создание условий для развития капиталистических отношений, формирование буржуазных норм и порядков в жизни общества.

Исследование проблем, связанных с конституционным движением в Турции 60-х-70-х гг. XIX в. неизбежно приводит историка к необходимости разрешения вопроса о роли лидера конституционалистов Ахмеда Мидхат-паши, возглавившего в 1876 г. борьбу за конституцию, но формально никогда не примыкавшего к организации "новых османов".

Деятельность и общественно-политические взгляды Мидхат-паши, одного из немногих представителей турецкой феодальной верхушки, поднявшихся до понимания необходимости борьбы с феодально-абсолютистским режимом, оставались, по сути, изученными крайне недостаточно.

Между тем в руках исследователей имеется редкий по ценности источник, который в большой мере позволяет осветить упомянутую выше проблему. Речь идет о двух книгах воспоминаний Мидхат-паши, написанных им в годы тюремного заключения в Таифе и изданных в 1908 г. после свержения младотурецкой революции, его сыном, Али Хайдаром Мидхатом. Воспоминания Мидхата, которые писались в тяжелейших условиях особого надзора, частично были переправлены им из тюрьмы семье в Измир, частично же были спрятаны его товарищами по заключению в тайнике, откуда были извлечены только после младотурецкой революции.

Первая часть воспоминаний Мидхата, вошедшая в первую книгу, носит название "Размышления в невидание".¹⁾ В ней прослеживается

весь жизненный путь автора вплоть до ареста в Измире (1822-1881 гг.). В этой части воспоминания содержит сведения о многих событиях внутри- и внешнеполитической истории Турции в связи с деятельностью самого Мидхат-паши. Они расположены в хронологическом порядке и чаще всего носят фактографический характер. Однако, порой, повествование о событиях сопровождается комментариями автора, что в определенной мере позволяет судить об общественно-политических взглядах Мидхата.

"Размышления в незидение" представляют несомненную ценность прежде всего для воссоздания жизни и деятельности Мидхат-паши, позволяют ответить на важный для изучения общественно-политической жизни Турции 60-70-х гг. XIX в. вопрос - почему, каким образом Мидхат-паша, представитель правящего турецкого феодального класса, формально никогда не примыкавший к организации "новых османов", оказался в 1876 г. признанным политическим лидером конституционалистов, внесшим немалый личный вклад в дело провозглашения первой турецкой конституции.

В своих оценках тех или иных политических событий, участником которых был Мидхат-паша, он придерживался идеалистических позиций, рассматривая лишь идейные мотивы деятельности отдельных личностей и не связывая их с реальными социальными причинами, обуславливающими эти мотивы. Однако в ряде случаев Мидхат-паша изменяет этой позиции и пытается искать причины тех или иных явлений в жизни турецкого общества. Для Мидхата характерна верная оценка некоторых аспектов политики западно-европейских держав в Восточном вопросе, в частности, момента политического соперничества их на Ближнем Востоке в связи с экспансионистскими устремлениями их в этом районе мира.

Вторая часть воспоминаний Мидхат-паши, носящая название "Зерцало удивления"²⁾, была написана им в дополнение к первой части и посвящена подробному описанию событий, связанных со свержением султана Абдул Азиза и его смертью. В ней подробно описаны события, связанные с проведением судебного процесса во дворце Йылдыз над Мидхатом и группой других лиц, обвиненных в убийстве Абдул Азиза. Заканчивается эта часть воспоминаний описанием жизни в тюрьме аравийского городка Таифа, куда Мидхат-паша был сослан по приговору суда.

"Зерцало удивления" было написано Мидхат-пашой с целью доказать свою невиновность в убийстве султана Абдул Азиза. Он пытается

ся показать, что свержение султана произошло не в результате узкого дворцового заговора, а в результате массового движения самых широких масс турецкого населения столицы. Свою невиновность в убийстве сверженного султана Мидхат-паша основывает на полном отсутствии прямых улик против него лично. При этом Мидхат-паша пытается доказать, что никто из министров, участвовавших в свержении, не был заинтересован в смерти Абдул Азиза, т.к. не имел к нему "личных антипатий".

Материалы, приводимые Мидхатом в этой части воспоминаний, ценны прежде всего фактическим материалом, посвященным судебному процессу в Йылдыз Кёшке. Несмотря на то, что на их основании трудно сделать окончательный вывод о причастности Мидхата к убийству, они, в целом, подтверждают мысль, высказанную автором воспоминаний, что процесс во дворце Йылдыз был затеян с единственной целью положить конец какой-либо оппозиции в стране, в частности, конституционному движению. Однако, к сведениям, которые приводит Мидхат-паша относительно судебного процесса, следует подходить с известной долей осторожности не только потому, что книга писалась без необходимых для этого материалов, по памяти, но и потому, что вопрос о виновности Мидхат-паши, следует, по-видимому, считать открытым и по сей день, несмотря на серию проведенных турецкими историками исследований с привлечением материалов турецких архивов.

В целом материалы двух книг воспоминаний Мидхат-паши особенно ценны по двум причинам: историки получили важный источник для изучения одного из интереснейших периодов истории Турции нового времени.

Воспоминания донесли до нас описания важнейших событий турецкой истории, активным участником которых был Мидхат-паша, и донесли не в виде сухого протокола, а в виде страниц, которые писала рука наблюдательного, эмоционального и умного человека.

1)

دەخت پاشا، حیات سیاسیہ سی، خد ماتى، منفا حیاتى،
برنجى کتاب، تبصرہ عبرت، استانبول، ۱۳۲۵.

2)

دەخت پاشا، مرآت حیرت، استانبول، ۱۳۴۵.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ УГАРИТСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Среди документов, характеризующих угаритское дело- и судопроизводство, особый интерес представляют три, не привлекавшие, насколько нам известно, до сих пор внимания исследователей.

В одном из них, письмо царя Амурру Шаушгамувы к царю Угарита Амхистамру II (РЦ, IV, I7.286), речь идет о конфликте между угаритскими царями и умманманда, подчиненными царям Амурру. Под термином умманманда, вероятно, имелись в виду какие-то выходцы из северных областей Переднеазиатского Средиземноморья, находившиеся на службе у сирийских властителей. Впрочем, до обнаружения дополнительного материала из сиро-палестинского региона этот вопрос приходится пока оставить открытым.

Шаушгамува напоминает, что в прошлом конфликт, о котором идет речь, уже был урегулирован: царь Амурру БенТешина направил умманманда к угаритскому царю и обращается к нему с просьбой: "как они скажут, так в походе разреши это (i-na ḥarḡāniⁿⁱ ḫu-ku-un-ḫu)". Содержание спора в письме не раскрывается.

В другом документе, письмо АриТешубе, царя Ушнату, к царю Угарита (РКУ, IV, I7. I43), рассказывается, что отправитель послал к адресату некоего эмарца (amī mat al^e-mar) с просьбой судебные дела его (dīnūti^{mti} -ḫu) с каким-то сийяцем разрешить в "походе" (i-na ḥarḡāniⁿⁱ ḫu-ku-un-mi). Слушание дела, однако, не состоялось, поскольку эмарец заявил, что у него претензий к сийяцу нет. Существо дела в письме также не излагается.

Третий документ, письмо шакну Ушнату к шакну Угарита (РКУ, IV, I7, 425) сильно поврежден. В сохранившихся фрагментах говорится о том, что шакну Ушнату по поручению шакну Угарита должен был разобрать судебные дела (dīnūti^{mti}) какого-то города в "походе" (i-na ḥarḡāniⁿⁱ ḫu-ku-un-ḫu-nu-ni).

Изложенный выше материал показывает, что в Угарите и Ушнату, как, вероятно, и в других обществах Сирии второй половины II тысячелетия до н.э., существовала специфическая форма судопроизводства - в "походе", причем в качестве должностных лиц, облеченных судебскими функциями, здесь выступают царь либо шакну.

Что собой представляет "поход" (ḥarḡānu) в качестве органа судопроизводства, не вполне ясно. Единственную вполне четкую ана-

логию представляют римские центуриатные комиции, которые рассматривались с точки зрения процессуальной как совокупность воинов, находящихся в походе; именно поэтому они и проводились за городской чертой. Рассмотренный материал позволяет предположить, что нечто подобное существовало и в Переднеазиатском Средиземноморье. В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что, согласно Суд., 8,22 и I Сам., II,15, победоносный военачальник мог быть провозглашен царем после победы воинами, находящимися в походе. Близость к ситуации, засвидетельствованной угаритскими документами, здесь очевидна. Однако, если библейская традиция зафиксировала спорадически возможное до возникновения государственности и при отсутствии твердо зафиксированных процедурных норм выступление ополчения в качестве народного собрания, то угаритские документы свидетельствуют о внедрении этой процедуры в государственную практику: подобного рода собрания проводятся систематически и им придается, в частности, функции суда.

В. А. Якобсон

ИЗУЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (Проблемы и методика)

I 1. Вопрос о том, почему на определенной ступени развития общества возникает и развивается право, о исчерпывающей полноте исследован в трудах классиков марксизма-ленинизма. Однако для историка, особенно для историка культуры, чрезвычайно важным является и вопрос о том, как возникает право, чем определяется форма и содержание конкретных его норм и той или иной системы права в целом.

2. Ради "чистоты эксперимента" этот вопрос надлежит изучать на примере таких обществ, где возможность заимствований исключена, т.е. обратиться к самым ранним цивилизациям в истории человечества.

3. Однако в тех случаях, когда общество возникает на фоне существовавших до него развитых правовых систем (арабский халифат), необходимо исследование возможных заимствований. Первостепенное внимание при этом следует уделять вопросу о том, какие именно правовые институты заимствуются и какие они при этом пре-

терпевает изменения. Такое исследование позволяет вскрыть социально-экономические и культурные тенденции, которые в других случаях ускользают от внимания.

4. При наличии соответствующих материалов весьма важным является сопоставительное изучение права и морали. Этические воззрения, господствующие в том или ином обществе, оказывают существенное влияние на право. Степень этого влияния может быть различной: от прямого отождествления морали с правом (конфуцианство, некоторые наиболее ригористические школы исламского права) до четкого разграничения сфер морали и права (в древней Месопотамии, даоизм в Китае). Степень взаимного влияния права и морали в каждом конкретном случае позволяет делать важные культурно-исторические выводы.

II I. При изучении права как явления культуры особенно важными и интересными представляются следующие вопросы:

а) Возникновение права и его оформление.

б) Возникновение правопреобразования, развитие правовой доктрины, правовые школы. Особый интерес здесь представляет возникновение и развитие "юридической экзегезы", т.е. юридического истолкования неюридических текстов (Библия, Коран, Авеста).

в) Виды и состав суда (общинный суд; "коронный суд"), взаимоотношения между этими видами. Особенно важно здесь проследить, как государство постепенно отнимает у общины судебные функции. В связи с этим изменяется и характер судебного процесса, особенно по уголовным делам: из состязательного он превращается в розыскной с применением пыток. Переход от состязательного процесса к розыскному знаменует собой важнейшие изменения в правосознании и в некотором смысле может означать рубеж между древностью и средневековьем.

г) Развитие идеи государства, политические учения.

2. Необходимо уделять особое внимание взаимодействию права и социальной психологии. Имеются основания полагать, что, хотя право и вызывается к жизни объективными причинами, непосредственный толчок к его возникновению дают социально-психологические "стрессы", которые испытывает общество в связи с новыми социально-экономическими явлениями (имущественное неравенство, возникновение классов, частная собственность). Древнему обществу чужда идея исторического прогресса, оно обращено лицом назад, к первобытно-общинному строю. Субъективно право представляет собой попытку

восстановить и закрепить прежние порядки, объективно же оно шаг за шагом делает уступки неумолимому натиску экономического развития. Выявить в праве эти противоречивые тенденции, проследить, как новые экономические явления (частная земельная собственность, мелкая семья и т.д.) "завоевывают" себе место в праве чрезвычайно важно. Здесь, в частности, весьма показательными могут быть методы "обхода" права, применявшиеся в том или ином случае. Со своей стороны, социальная психология тоже постепенно приспосабливается к новому порядку вещей, что также находит свое отражение в праве и особенно в его доктрине.

III I. Правовые памятники могут быть разделены на три группы:

а) Памятники материального права, т.е. законы, "судебники", официальные и частные кодификации и т.п.

б) Памятники правовой практики, т.е. различного рода письменные контракты, судебные протоколы и решения, царские "пожалования" и т.п.

в) Памятники правовой доктрины, т.е. различного рода юридические трактаты, комментарии, учебники и справочные пособия.

На практике такое разделение (особенно между группами "а" и "в") может оказаться весьма затруднительным (индийские и месопотамские "Законы").

2. Косвенные сведения о праве могут быть извлечены также и из памятников неюридического содержания, практически из любых разновидностей письменных памятников. Сведения эти содержатся там, как правило, в неявном виде и могут быть обнаружены только при рассмотрении текста под юридическим углом зрения. Зато из них можно узнать не только о конкретных юридических институтах, но и о правовых аспектах идеологии и культуры в целом, и притом увидеть их не статично, а в развитии.

IV I. Хотя описание правовых институтов должно делаться в терминах современной теории права, необходимо избегать "терминологического гипноза": содержание терминов древнего права, при всем их сходстве с современными, может оказаться существенно иным. Кроме того, не следует ожидать от древних юристов привычной нам терминологической строгости. С другой стороны, следует предостеречь против чисто этимологического подхода к терминам. Объективное значение терминов должно выявляться на основе комплексного лексикографического, социально-экономического и юридического подхода с учетом также и культурной традиции.

2. Те же самые замечания относятся и к изучению системы права в целом и отдельных правовых памятников. Современные представления о принципах и системе изложения права могут заслонить своеобразие логики и юридических представлений, зафиксированных в этих памятниках. Так, неполнота изложения или его казуистичность, нередко отмечаемые современными исследователями, являются, в большинстве случаев, результатом неосознанной модернизации.

3. При изучении памятников правовой практики необходимо учитывать степень их репрезентативности. Так, для древней Месопотамии сейчас известно 70-80 тысяч юридических и хозяйственных документов - цифра, для других регионов фантастическая. Однако простой подсчет показывает, что на один год имеется в среднем лишь несколько десятков документов, хотя прочность писчего материала позволяет думать, что сохранилась основная их часть. Это означает, что подавляющее большинство населения не принимало участия в правовой жизни и что, следовательно, любые обобщения, а особенно статистические выкладки, должны делаться с величайшей осторожностью. Однако основные тенденции в развитии права могут быть выявлены с достаточной надежностью.

Н. Д. Болсохоева

"СУБХАШИТА" - ОДНО ИЗ ПОПУЛЯРНЫХ СОЧИНЕНИЙ
В ТИБЕТЕ И В МОНГОЛИИ

"Драгоценная сокровищница изящных изречений" (Legs-pag bhad-ra rin-po che'i gter zhes-bya'i bstan bcos-bzhugs-wo), по-санскритски "Subhāshitaratnanidhi ",¹⁾ автором которой является известный тибетский ученый XII века Сакья-пандита Кунге-Чхал-цен Палзанг-по (sa-akya paṇḍita kun-dga' rgyal-rtshan-dpal-bzang ро II82-1251 гг.) очень популярна в Тибете и в Монголии.

Сакья-пандита в колофоне указал, что это сочинение было составлено им в монастыре Сакья (sa-akya).²⁾ Известно, что Сакья-пандита жил в монастыре Сакья до 1244 года, после чего он отправился в ставку монгольского наместника Годана и больше до конца своей жизни не возвращался в свой монастырь³⁾. Следовательно, можно предположить, что Сакья-пандита составил "Субхашиту" до 1244 года.

"Субхашита" - это собрание превосходительных афоризмов, 457 четверостиший, составленных по образцу санскритских этико-дидактических сочинений, известных под общим названием Niti-bāstra⁴⁾.

Настоящее сообщение содержит краткую информацию об имеющихся монгольских версиях "Субхашиты".

В конце XIII или в начале XIV вв. "Субхашита" попадает ко двору монгольских императоров в Пекин. Здесь ее переводят на монгольский язык и печатают квадратным алфавитом⁵⁾. К сожалению от этого издания сохранилось лишь несколько фрагментов.⁶⁾

Первый полный текст перевода дошел до нас в рукописном виде и носит заглавие "Sayin üge-tü erdeni-yin sang neretü ḡastir". Сохранилось две рукописи этого перевода: одна из них принадлежит

коллекции Восточных рукописей Венгерской Академии наук.⁷⁾ Вторая, совершенно идентичная рукопись, хранится в Восточном отделе библиотеки им. Горького при Ленинградском Государственном Университете им. А.А.Иданова.⁸⁾ Рукописи содержат тибетский текст "Субхашиты" с подстрочным монгольским переводом. Язык перевода настолько архаичен, что его можно сравнить с языком монгольского перевода "Бодхичерьяватара" Шанти-девы, который был сделан Чойджи Одсаром, вероятно, в 1305 г.⁹⁾

Имя монгольского переводчика Соном Гар-а сохранилось только в Будапештской рукописи, но в ней отсутствует колофон, который имеется в Ленинградской, таким образом, рукописи дополняют друг друга; ни одна рукопись не указывает точной даты монгольского перевода "Субхашиты", и мы можем только предполагать, что она была переведена впервые на монгольский язык в конце XIII или в начале XIV вв.

Автором ойратского перевода "Субхашиты" является Зая-пандита. Биограф Зая-пандиты Ратнабhadра сообщает, что "Субхашита" в числе других была переведена на ойратский между 1650 и 1661 гг. Рукопись ойратского перевода "Субхашиты" имеет название: "Subhase-da kemäki sudur orosïboi". Перевод Зая-пандиты очень близок к тибетскому оригиналу, а стиль перевода близок к стилю версии Соном Гар-а. Ойратский перевод "Субхашиты" был широко распространен в Джунгарии, откуда он проник к калмыкам на Волгу.

В конце XIX в. известный бурятский ученый-филолог Р.Номтоев перевел "Субхашиту" на монгольский язык. Перевод Р.Номтоева остался в рукописи, о которой нам сообщил Ц.-А. Дугар-Нимаев.

Существует еще трехязычная рукопись тибето-монголо-маньчжурская, хранящаяся в Королевской библиотеке в Копенгагене¹¹⁾; ее полное название: "Terigün debter yurban üsigiyer qabsuran blǰigsen Subašidi". Согласно описанию В.Хейссига рукопись состоит из 80 л. Сначала идет тибетский текст, далее монгольский и маньчжурский. Монгольский текст представляет собой перевод Чахар Гэши (его полное имя - Чахар Лубсан Цультим - Blo-bsang tahul-khrims); о маньчжурском переводчике В.Хейссиг не приводит никаких сведений. Этот перевод, а также перевод Мэргэн гэгэна из Урат (оба выполнены в XIII в. и изданы ксилографическим способом) являются сейчас наиболее распространенными монгольскими переводами. Первый перевод носит название: "Sayitur nombausan erdeniyin sang subašidi kemegdekü šastir orosida".¹²⁾

Дж.Е.Боссон ошибочно считает, что второй перевод под названием: "Sayin üge-tü erdeni-yin sang subhasida kemegedekü vastir" был сделан гелонгом по имени Дамба-Чжалцан ('bstan-pa'i rgyal-mtshan), а отредактирован Мэргэн гэгэном.¹³⁾ На самом же деле, это одно лицо: Дамба-Чжалцан - его имя, а Мэргэн гэгэн - почетное прозвище.

В Бурятии было сделано три ксилографических издания монгольской "Субхашиты". Первый ксилограф называется "Sayin nombal-tu erdeni-yin sang Subha-ñida negetü ãastir orosibal", переводчиком этого текста в колофоне назван Ратна. Между тем, как свидетельствует текст, это не что иное, как перевод Чахар Гэбши.

В колофоне следующего издания переводчиком назван тоже Ратна. Мы не имеем возможности сказать, идет ли здесь речь об одном и том же лице или о двух разных людях. Сравнение отдельных отрывков показывает, что переводы отличаются друг от друга.

Следующее ксилографическое издание монгольской "Субхашиты" было издано в Агинском монастыре. Ксилограф содержит перевод Мэргэн гэгэна из Урат и имеет название: "Sayin üge-tü erdeni yin sang subhasida kemegedekü ãasdar orosiba".

Обилие монгольских переводов, изданий и списков "Субхашиты" показывает, что "Субхашита", попав на монгольскую почву, стала там так же популярна, как и среди тибетцев. Ее знали как грамотные, так и неграмотные. Она вызвала и целый ряд подражаний, написанных монгольскими авторами на монгольском языке.

1) В дальнейшем сочинение "Драгоценная сокровищница изящных изречений" будем называть просто "Субхашита".

2) См. "Субхашита", издание Пекинское, ксилографическое, л. 146, колофон.

3) См. Ю.Н.Перих, "Монголо-тибетские отношения в XIII-XIV вв." - В. сб. "Филология и история монгольских народов", М., 1959, с. 338.

4) Для Сакья-пандиты одним из таких образцов были произведения Нагарджуны: "Сто мудрых /стихов/ - тибетское название: Shez-rab brgya-pa zhes bya-ba'i rab tu byed-pa , "Древо мудрости" - тиб. назв.: Lugs-kyi bstan-bños shes-rab sdong , "Капля, питающая людей" - тиб. назв.: Lugs-kyi bstan-bños skye-bo gzo-ba'i thigs-pa zhes bya-ba и "Панчатантра".

5) Изобретен племянником Секъя-пандиты Пакба-ламой и был введен во всеобщее употребление в 1269 году приказом императора Хубилая.

6) Сохранилось три фрагмента монгольской "Субхашиты" квадратным алфавитом: один из них хранится в Хельсинки, а два в Берлине, см.: L.Ligeti, Les Fragments du Subhāṣitaratnanidhi Mongol preclassique et Moyen Mongol. - Acta Orientalia Hung., t. XVII, F.3, Budapest, 1964, p.239-292.

7) Факсимиле рукописи издано Л.Лигети, см.: Le Subhāṣitaratnanidhi Mongol, un Document du Moyen Mongol" . Partie I, Budapest, 1948.

Л.Лигети называет эту рукопись Будапештской, она имеет номер монгольского фонда: 54.

8) Ленинградская рукопись, фонд билингв: ХулQ 56I.

9) См. "Bodhicaryāvatāra". Ṣāntideva монгольский перевод Chos-kyi Nod-zag'a , текст издал Б.Я.Владимирцов, Л., с.И.

10) Обратский текст "Субхашиты" в транслитерации издан монгольским ученым Ш.Лувсанбалданом, см.: Ch. Luvsanbalдан "Le Subhāṣitaratnanidhi oirate du Zaya Pandita" . - Acta Orientalia Hung. t.XXVI , F.2-3 , Budapest , 1972, p. 195-225.

11) См.: Heisseig,W. , "Catalog of Mongol Books, Manuscripts and Xylographs " .The Royal Library , Copengagen , 1971, p.4I.

12) Издан на современной монгольской графике в Улан-Баторе, см.: "Эрдэнийн сан Субашид. Цахар гэвч Лувсанчултэмийн орчуулга ба тейдсэр". Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц.Дамдинсүрэн, Х.Дугэржав, Улан-Батор, 1958.

13) См.: Bosson J.E., "A Treasury of Aphoristic Jewels". Indiana University, 1969, Introduction, p.13.

Д. Д. Васильев

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА КАМНЕ-АМУЛТЕ
(Предварительная публикация)

В краеведческом музее г. Абакана (Хакасская АО) хранится небольшой камешный амулет, покрытый руническими знаками. Камень темного цвета представляет собой многогранную призму высотой 8 см и диаметром 3 см. На всех сторонах призмы, часто пересекая нечетко вырезанные грани, имеются восемь строк рунического текста. Знаки начальных строк вырезаны довольно глубоко и более тщательно, но из-за малых размеров поверхности резчику не удалось выдержать одинаковой высоты у знаков всего текста. В конечных строках буквы уменьшаются, они теснее расположены, некоторые соприкасаются. Последние строки даже не вырезаны, а процарапаны острым концом инструмента резчика. Надпись выполнена опытной рукой — знаки каждой строки имеют одинаковую величину, одинаковый дуктус, строки строго параллельны.

Прорись развертки призмы:

? + } H .1
+ X M D I K = .2
? , > L α H > .3
... 0 1 0 7 : L .4
I H } .5
D > J A B 1 1 ? .6
... 0 > .7
H L Y H L .8

Транскрипция:

1. H R Š ' 1 J ' K
2. 1 J i Š ' J a Š
3. U R I B ' K G ' O Š
4. I H 0 U M A J ...
5. a N Č a A R P a Š Š ' .

6. J'IPAK' TALUJ

7. UM[aɨ]... Z ...

8. aLQa IR'iq aLQa

Перевод построчный:

1. O, святой /чистый/

2. Согнись, молодой

3,4. Сын Уры-бега /или Уры-бег-оглы/, Умай...

5. Столь много ячменя, пшцы.

6. Шелк, море...

7. Ум/эй/...

8. Благослови, мужа благослови.

Перевод содержания:

"O, святой владыка!

Склонись, молодой Уры-бег-оглы!

Благослови, Умай, обильные /многочисленные/ как море
ячмень, пшцу, шелка... Благослови мужа!"

Примечания:

В первом слове рядом стоят знаки для велярного и палатального согласных. Причем для [ɣ] в тексте регулярно довольно редкая аллографа **Ч**, встречающаяся в енисейских памятниках.¹⁾ В тексте также регулярно употребление | для палатализованного [ʃ']²⁾. Сочетание палатального и велярного в одном слове, не характерное для тюркского языка, позволяет видеть здесь agʃi /санскр. ṛṣi/, встречающееся в уйгурском переводе "Сутры Золотого блеска".³⁾ Буддийские элементы в сибирских находках руники на предметах местного изготовления уже отмечались.⁴⁾ В центре строки имеется антропоморфное изображение, символизирующее, вероятно, божество, к которому обращен текст.

Надпись второй строки iqɨʃ 'согнись'⁵⁾ расположена строго под антропоморфным изображением божества, как бы указывая, перед кем надо склониться обладателю тамг. Надпись обрамлена тамгообразными знаками, которые в памятниках обычно соседствуют с именем, а иногда даже заменяют его.⁶⁾

Третья строка содержит имя, которое, т.о., следует сразу за тамгами. Возможно, речь идет о родственнике героя надписи, найденной близ д. Ачуры.⁷⁾ Надпись строки 3 обрывается у самого края

камня, где есть, к тому же, небольшой скол. Возможно, первый знак строчки 4 $\vee$ - /l/ - продолжение не помещившегося на третьей слова $\text{ou} \text{I} \text{I}$. Конечно, это могло быть и самостоятельным словом, однако здесь резчик, как бы желая отделить этот знак от основного текста строки 4, единственный раз употребил разделительный пунктуационный знак - двоеточие, вырезанное особенно ясно.

Упоминание местного женского божества Умей, популярного у тюркских народов на протяжении гораздо более долгого периода, чем период существования рунической письменности, представляет интерес для вопроса о синкретизме местных и буддийских культов. Следует отметить слово $\text{K} \text{E}$ - 'пища, корм'⁸⁾; чтение " $\text{K} \text{E}$ " соответствует и регулярность в тексте знака | для /s'/.

Многочисленные сведения письменных источников и археологические данные показывают, что шелк был наиболее популярным из импортируемых тюрками предметов роскоши. Поэтому пожелание его изготовления представляется на амулете вполне допустимым. Слово taluj 'море' в подобном написании (за исключением более типичного для "енисейки" варианта для $\text{t} \text{c}$ - $\hat{\text{c}}$) встречается в памятнике в честь Коль-тегина⁹⁾, Тонькука¹⁰⁾, "Сутре золотого блеска".¹¹⁾ Седьмая и восьмая строчки читаются с небольшим трудом. Это вызвано тем, что резчик старался уместить весь намеченный текст на узкой полоске свободной поверхности, и буквы не отличаются четкостью и глубиной резьбы начальных строк. На предложенном чтении ни в коем случае нельзя настаивать, тем более, что эта сторона призма покрыта сильными царапинами.

Предположительно знаки дают $\text{pa} \text{u} \text{m} \text{i} / \text{r} /$, далее небольшой скол и т. наз. "échelle petchénègue". Палеографически здесь, также, как и в строке 4 надо отметить оригинальную аллографу для [m] -

☺

Управление глагола alqa - 'благословить, освятить' требует прямого дополнения и вызывает аффикс, обозначенный буквой v . v , помимо обычного значения, по замечанию В.В. Радлова, употребляется также для k и 5.¹²⁾ Это, вероятно, можно рассматривать как отражение в графике особенностей тюркского аффикса винительного падежа - $\check{\text{e}} / \check{\text{y}} / \langle \text{v} \rangle \text{u}$, отмеченного А.Н. Кононовым.⁵⁾

1) См.: Ч.А.Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 16-17.

2) О возможности подооного явления см. Э.Р.Тенишев, Перелом $s/\bar{s}$ в тюркских рунических памятниках, сб. "Структура и история тюркских языков", М., 1971, с. 289-295.

3) *Suvarnaprabhāṣā*, изд. В.В.Радлов и С.М.Малов, *Bibliotheca buddhica*, XУП, вып. I-УИ, СПб-Пгр, 1913-1917, 486₁₂, 577₇, 609₇.

4) См. Ф.Х.Арслянова, С.Г.Кляиторский, Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья, "Туркологический сборник 1972", М., 1973, с. 312-315.

55) В.В.Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, СПб, 1893-1911, т. I, ч. 2, 1482.

6) См., например, Д.Д.Васильев, С.Г.Кляиторский, Руническая надпись Йир-Сайыр, "Советская тюркология", 1973, № 2, с. 105.

7) С.Е.Малов, Енисейская письменность тюрков, М.-Л., 1952, с. 47-51.

8) В.В.Радлов, Словарь, т. I, ч. I, 583-585.

9) С.Е.Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.-Л., 1951, Ктм 3.

10) Там же, Том I8.

11) *Suvarnaprabhāṣā*, 613₂₀.

12) W.Radloff, *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei*, StP, 1894, I, s.2.

13) А.Н.Косонов, Грамматика современного турецкого языка, М.-Л., 1956, с. 96.

ДАТЧІН ГҮРҮНІ ЮНЦ БҮТХЕ - "ПОЛНАЯ КНИГА ВЕЛИКОЙ
ДИНАСТИИ ЦИН"

(К истории маньчжурской лексикографии)

"Полную книгу великой династии Цин", первый маньчжуро-китайский словарь, составил китайский ученый Шэн Ци-лян (прозвище - Хун Чжао). Из биографической справки, приложенной к словарю, известно, что Шэн Цилян происходил из семьи искусствоведов, проживавших в Лоудуне на р.Цзецаян (пров. Цзянсу). В 1674 г. Шэн был участником Южного похода в пров. Фуцзянь, а в 1677 г. он оставил военную службу и переехал в Пекин, чтобы поступить в маньчжурскую школу Желтого знамени. Знания, приобретенные в школе, позволили Шэну составить и издать в 1683 г. маньчжуро-китайский словарь и грамматику маньчжурского языка.

Словарь существует в двух изданиях: 1683 г. и 1713 г. Оба издания имеются в собрании рукописей и ксилографов ДО ИВ АН СССР.

Словарь состоит из 14 цзюаней; первой цзюани предпосланы предисловие составителя, правила пользования словарем, краткие грамматические заметки и оглавление.

Словарный материал расположен в первой-четырнадцатой цзюанях. Четырнадцатая цзюань имеет "Приложение" и биографическую справку, но "Приложение" появилось только в издании 1713 г.

Составитель словаря Шэн Ци-лян в "Предисловии" указал на то, что его труд предназначен для переводческой деятельности маньчжур и китайцев. Словарь "Полная книга великой династии Цин" 大清全書 содержит 11.200 слов. Словарный материал расположен в соответствии с порядком букв маньчжурского алфавита. Толкования слов и примеры на использование слов взяты как из повседневной разговорной речи, так и из китайских классических книг. Слово "год", например, имеет одиннадцать толкований.

Большую роль в развитии маньчжурской культуры сыграли грамматика Шэн Ци-ляна, сборник разговорных фраз и морально-этические наставления, которые входят в состав "Приложения".

Грамматика или 清文指南 "Компас маньчжурского языка" сосредоточивает внимание переводчиков на роли предлогов и служебных слов в маньчжурском языке, на различных сочетаниях глаголов с предлогами и послелогами, которые играют важную роль в

востроены маньчжурских сложноподчиненных предложений и содержит подробное описание глагола и существительного. "Компас маньчжурского языка" неоднократно переиздавался. В 1732 г. он был дополнен и систематизирован учителем Шоу Пиню и в новом виде появился под названием 清文啓蒙 "Начальное обучение маньчжурскому языку".¹⁾ Сборник разговорных фраз также издавался в дополненном и измененном виде с целью сохранения и пропаганды маньчжурского языка. Лучшим образцом такого отдельного дополненного переиздания этого сборника считается - Тангу ме:ен - "Сто глав", в котором отображены все стороны маньчжурской жизни и которое можно отнести к числу немногих оригинальных образцов маньчжурской литературы.²⁾

В "Приложении", помещены морально-этические наставления - Дэх' у:у- "Сорок глав". Шан Ци-лян отметил большое сходство "Сорока глав" с китайским сочинением - 千家詩 "Стихотворения 1.000 семей", которое выучивалось китайцами наизусть с детских лет.³⁾ "Сорок глав" состоит из четырех разделов по десять наставлений в каждом и содержит рассуждения о добре и зле, о дозволенных и недозволенных поступках.

"Полная книга великой династии Цин" была отмечена в каталогах маньчжурской литературы Б.Лауфера, В.Фукса и Н.Поппе. О ней упомянул в своем словаре И.И.Зехаров.⁴⁾

"Полная книга великой династии Цин", фиксирующая состояние маньчжурского языка конца ХУП в., представляет собой ценнейший источник по языку и культуре маньчжур и, бесспорно, заслуживает глубокого и всестороннего исследования.

1) A.Wylie, Translation of the T'sing wan k'e mung... Shanghai, 1855.

2) M.Forbes, A.Fraser, Tanggu meyen and other Manchu Reading Lessons. London, 1924.

3) Сборник образцов поэзии эпохи Сун и Тан. Словарь Цы вань, с. 228.

4) B.Laufer, Descriptive Account of the Collection of Chinese, Tibetan, Mongol and Japanese Books in the Newberry Library, Chicago, 1913, p.5.

W.Fuchs, Beitrage Zur Mandjurischen Bibliographie und Literatur, Tokyo, 1936, pp. 11, 91, 130.

N.Foppe, L.Hurwitz, H.Okada, Catalogue of the Manchu - Mongol section of the Toyo Bunko, Tokyo, 1964, pp. 211, 291.

И.И.Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, с. XV.

К.Б.Кенинг

"ДВЕНАДЦАТЬ ЦАРСТВ" - КИТАЙСКОЕ СОЧИНЕНИЕ,
СОХРАНИВШЕЕСЯ В ТАНГУТСКОМ ПЕРЕВОДЕ

В тангутском фонде Рукописного отдела Института востоковедения АН СССР (Ленинград) хранится сочинение 十二國志² 十二國志¹ lhjə "Двенадцать царств"¹) (название сохранилось только на бай-коу) в трех цзянях, оригинал которого на китайском языке, по-видимому, утерян. Китайские библиографические справочники сунского времени сообщают о наличии двух сочинений, названия которых близки указанному названию. Это 十二國史² шяэр го ши "История двенадцати царств" в 12 цзянях, автор 孫皇² Сунь Ии²) и 十二國略史³ шяэр го лье ши "Краткая история двенадцати царств" в 3 цзянях.³) Однако в справочниках более позднего времени упоминания о них исчезают.

Н.А.Невский в статье "Тангутская письменность и ее фонды" определил "Двенадцать царств" как "собрание различных эпизодов из истории двенадцати удельных княжеств эпохи Чуньцзо" и предположил, что это перевод китайской книги "Краткая история двенадцати царств".⁴) После Н.А.Невского никто этим сочинением не занимался.

"Двенадцать царств"⁵) представляет собой ксилограф, сорощированный "бабочкой". Размер текста⁶) 18,5x12,5 см. Всего 57 лл. (=114 страниц), на каждой странице семь строк по 15 иероглифов. На стигбе каждого листа "бабочки" (бай-коу) - название сочинения по-тангутски 十二國志² lhjə, порядковый номер цзяени (十二² рди² кит. 上 шяи или 有終² ngu² кит. 中 чжун) и немного ниже китайская пагинация. Ксилограф реставрирован в Ленинграде в реставрационной лаборатории Института востоковедения.

Автор не указан. Ксилограф не датирован. Однако можно предположить, основываясь на фактуре бумаги и других коовенных данных, что он напечатан в середине XII века.

Коммограф состоял из трех цзваней - 多誌 phu^2 - 有奸 ngu^2 - 屢拜 cie^1 (上 屢 - 中 屢 - 下 屢). До нас дошли только части первой (шан) и второй (чжун) цзваней. Завершающая цзвань совсем не сохранилась.

От первой цзвани (инв. № 132) сохранились листы с 13а до 35а, с 36а до 52б, начала и конца цзвани нет.

От второй цзвани сохранились лист 16а-б (инв. № 4173) и листы с 42а до 57б (инв. № 133), также нет начала и конца цзвани.

Сохранившаяся часть "Двенадцати царств" состоит из нескольких разделов, посвященных различным царствам. Такой принцип распределения материала по царствам известен в китайской историографии. Так, К.В.Васильев, ссылаясь на 皇朝 何 鼎 撰, пишет, что среди источников "Чжаньго цз" было утраченное ныне сочинение, в котором повествование велось по царствам (國 別 考 卷 7).

Заглавия разделов даны по названиям царств; их сохранилось четыре: 夔 齊 $ku^1 tahi^1$ 後 齊 позднее /царство/ Ци, 魯 國 $lu^1 lhi^2$ царство Лу, 晉 國 $tsien^1 lhi^2$ царство Цзинь, 衛 國 $we^2 lhi^2$ 衛 國 царство Вэй.

По содержанию разделов можно восстановить еще три несохранившихся заглавия: 齊 國 $tahi^1 lhi^2$ 齊 國 царство Ци, 趙 國 $tahiem^1 lhi^2$ 趙 國 царство Чжао, 魏 國 $vie^2 lhi^2$ 魏 國 царство Вэй.

Итак, в дошедшие до нас части сочинения "Двенадцать царств" входят следующие разделы: царство Ци, позднее царство Ци, царство Лу (I цзвань), царство Чжао, царство Вэй 魏, царство Цзинь, царство Вэй 衛 (2 цзвань).

Таким образом, можно установить, что царства, о которых повествует памятник, существовали в Чуньцю (722-481 гг. до н.э.) и Чжаньго (481-221 гг. до н.э.), т.е. в период Восточного Чжоу.

Некоторым царствам посвящено по два раздела: например, раздел "царство Ци" описывает это царство в Чуньцю - здесь упоминаются имена правителей Чуньцю, например, 桓 公 Хуань-гун (685-643 гг. до н.э.), 宣 公 Цзин-гун (548-490 гг. до н.э.), а следующий за ним раздел "позднее царство Ци" повествует о событиях в этом же царстве в период Чжаньго: в этом разделе упоминаются Вэй-ван (378-343 гг. до н.э.), Минь-ван (323-284 гг. до н.э.) и др. Аналогично обстоит дело и с царством Цзинь. Известно, что существовавшее в Чуньцю царство Цзинь - этому периоду в истории царства посвящен раздел "царство Цзинь" - впоследствии раздели-

лось на три - Вэй 魏, Чжао и Хань. В памятнике сохранились разделы "царство Вэй" и "царство Чжао", описывающие события в этих царствах во время Чжаньго. Можно предположить, что был также раздел "царство Хань".

Из-за плохой сохранности сочинения не представляется возможным выяснить, что за царства (за исключением вышеперечисленных семи) входили в понятие "двенадцать царств". Словарь Морохаси указывает, что сочетание 十二國 шимэр го "двенадцать царств" - это двенадцать царств периода Чжаньго, а именно: 魯 Лу, 衛 Вэй, 齊 Ци, 楚 Чу, 宋 Сун, 鄭 Чжан, 魏 Вэй, 燕 Янь, 趙 Чжао, 中山 Чжуншань, 秦 Цинь, 韓 Хань.⁸⁾ Однако, как видим, это определение не охватывает тех царств, которые имеются в нашем списке.

Каждый раздел представляет собой собрание рассказов, различных по объему (от пяти до сорока строк), повествующих о различных исторических эпизодах в том или ином царстве. Например, в разделе царства Вэй (魏) излагается история о вэйском Вань-хоу, не нарушившем своего слова и, несмотря на дождь, отправившемся на охоту. Или рассказ, связанный с циским Шуньшуй Кунем, который смог заставить чжоуского вана оказать помощь князевству Ци в таком размере, что незавшее на Ци царство Чу не решилось вступить в сражение (позднее царство Ци). В разделах, описывающих царства Ци и Лу, несколько историй посвящено Конфуцию: например, Конфуций стыдит циского Цзинь-вана, пожелавшего казнить своего конюха за то, что у того сохла любимая княжеская лошадь.

Открывает очередной раздел сообщение о вана, основателе данного царства; иногда приводится краткая характеристика царства.

Хронологической последовательности в изложении историй нет. Так в разделе царства Ци сначала идут рассказы, связанные с Цзинь-гуном (548-490 гг. до н.э.), затем - с Хуань-гуном (685-643 гг. до н.э.) и снова с Цзинь-гуном. Разделы-царства также не располагаются во временном порядке: сначала идут царства Чжао и Вэй 魏, а затем царство Цинь, на территории которого в период Чжаньго образовались эти царства.

В рассказах нет точных указаний на время события (например, год правления вана).

Занимательность рассказов, отсутствие хронологической последовательности в изложении историй и точного указания на время события вряд ли позволяют отнести "Двенадцать царств" к жанру серьезных исторических сочинений.

Что же касается предположения Н.А.Невского об оригинале тангутского перевода "Двенадцать царств" (см. с.59), то, поскольку суинская книга утеряна, вопрос не может быть решен.

По-видимому, "Двенадцать царств" является сочинением типа составленного Ли Сяном (79-8 гг. до н.э.) 說苑⁹⁾ Но вена,⁹⁾ который представляет собой сборник сюжетов чжоуского времени (XI-II вв. до н.э.). Китайская традиция относит его к разделу истории (史部 или бу), хотя историческим это сочинение можно считать только условно.

Таким образом, тангутский перевод утраченного китайского сочинения "Двенадцать царств", по нашему мнению, представляет собой сборник исторических сюжетов, распределенных по царствам периода Восточного Чжоу.

1) Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР. Составители З.М.Горбачева и В.И.Кычанов. М., 1966, с. 42. Далее: "Список ...".

2) 宋史藝文志補附編. 上海商務印書館, 1957, с.44.

3) Там же, с. 46.

4) Н.А.Невский, Тангутская филология. М. 1960, том I, с.86.

5) Тангутский фонд. № описания I2, инв. № I32, I33, 4I73 - см. "Список...", с. 42.

6) Указываем только размеры текста (а не всего ксилографа), так как ксилограф реставрирован уже в наше время.

7) К.В.Васильев, "Планы срезавшихся царств". М., 1968, с.45.

8) 大漢和辭典, 卷二. 著者諸橋轅次. 東京, 1960, с. 1580.

9) 說苑. 劉向撰 四部備要, том I24, 上海中華書局, 1936.

ХРАМ, ИЗВАЯНИЯ И СТЕЛА В ДРЕВНЕТОРКСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ
ОБРЯДЕ. СВИДЕТЕЛЬСТВА РУНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В 1891 г. Д.А.Клеменц обнаружил близ озера Ихэ-Ханни-нор, в долине р.Ханнигоа (Хануй), две могилы, огороженные орнаментированными каменными плитами. Внутри оград лежало несколько обезглавленных каменных изваяний. На одной из плит сохранилась часть небольшой рунической надписи. К сожалению, эстамп Д.А.Клеменца оказался не вполне удовлетворительным и В.В.Радлов, издавший надпись, не мог дать полного перевода фрагмента. В 1927 г. Б.Бамбаев, сотрудник этнолого-лингвистического отряда Комиссии по изучению Монголии и Танну-Тувы, повторно обнаружил могильник, уже раскопанный и погубленный кладовщиками. Ему удалось сделать прорисовку надписи. В 1968 г. я ознакомился с материалами Бамбаева, хранящимися в Улан-Баторе, и установил, что копия надписи, сделанная Бамбаевым, более полна и надежна, чем копия Клеменца.

Текст: ... Siz kejin bedizinizin bamba qazıannı ber/tiniz/...
barty bertı...

Перевод: ...После этого Ваши bediz Вы в столь большом числе приобрели... свой кубок он даровал...

Погребение и текст достаточно уверенно датируются первой половиной УШ в., т.е. относятся к эпохе второго Туркского каганата.

Требуют разъяснения два момента: а) что такое бедиз?

б) что означает упоминание о приобретении погребенным большого числа этих бедиз?

По переводам С.Е.Малова и по "Древнетюркскому словарю" bediz - это "резьба, орнамент, украшение, памятное здание (храм), изображение". Так ли это? Рассмотрим прежде всего иноязычные переводы термина. В "Кутадгу билиг" bediz объяснен через арабское сурат - "изображение, образ". Ибн ал-Муханна (XIV в.) переводит bediz арабским ал-наки "рисунок, картина". В переводах на древнеуйгурский китайских буддийских текстов в двух случаях выражение "пусть он нарисует мой образ" передается глагольной формой bedizetzin.

В надписях Кюль-тегину и Бильге-кагану, когда речь идет о постройках звукобойных храмов, употреблен не термин *bediz*, а термин *barq*, значение которого не вызывает сомнений: "здание, архитектурное сооружение". В "Хуастуанифт" *barq* объяснен через *ev* "дом". Следовательно, *bediz* в этих контекстах, как и любых иных, не может значить "памятное здание". Обратимся, например, к достаточно ясному по значению отрывку из 24-й строки памятника Кули-чору: "Пришел младший брат кагана, Эль-чор-тегин, следом пришли четыре тегина. Они устроили похороны господине (нивера) Бильге Кули-чора, они также приказали изготовить *bediz* и их усадить ("сделать восседающими", *olurttu*)". Благодаря глаголу *olurt-* значение *bediz* здесь полностью проясняется. Археологически засвидетельствовано, что в ханских погребальных комплексах тюркского времени сидящими изготовляли скульптурные изображения покойных и их близких, как бы принимающих участие в погребальном обряде. Следовательно, имеющееся здесь выражение *bediz bedizetti* надо переводить не "они устроили красивое здание" (так у С.Е.Малова), а "они приказали изваять (скульптурные) изображения".

Если теперь, установив таким образом значение слова, мы снова обратимся к каганским памятникам из Кюмо-Цейдама, то обнаружим, что они содержат точный перечень основных элементов древнетюркского царского погребального комплекса. Вот протокольная приписка к тексту надписи в честь Кюль-тегина: *barqun bedizin bitig taɣun biðin jylqa jetinç aj otuzqa qor' alqaduzuz*. "Храм, изваяния, стелу с надписью – все это мы освятили (благословили) в год обезьяны, в седьмой месяц, на тридцатый день". Тут ясно указан подлежащий освящению состав погребального комплекса – храм, изваяния, стела с надписью. Все это обнаружено и зафиксировано археологически.

А вот и еще более полный "инвентарный" список из надписи Бильге-кагану в аналогичной приписке Июлыг-тегина, автора надписей, ведавшего также сооружением погребений: *barq* "храм" (по Т.Текину "мавзолей"), *bediz* "изваяния, скульптуры", стела с надписью и *uz* "всякого рода художества". Именно *uz*, а не *bediz*.

Еще два перечня, оба из надписи в честь Кюль-тегина. Бильге-каган рассказывает, как он похоронил любимого брата: "Я приказал им (мастерам) построить особое здание (храм). Внутри и снаружи здания я приказал поместить необыкновенные изваяния. Я приказал

воздвигнуть стелу". Другой отрывок. На похороны прибывает китайский посол с придворными мастерами. Вот их перечень: строители храма, ваятели скульптур и изготовители стелы с надписью. И, наконец, еще одно свидетельство – барельеф на каменной плите из Ихэ-Асхета с изображением трех сидящих фигур – князя и его двух сыновей – и посвященной им погребальной надписью. Изображения обозначены в надписи термином *bediz*.

Можно сделать первый вывод: в рунических надписях слово *bediz* повсюду означает только одно – скульптурные, статуарные или барельефные изображения людей, которым посвящен погребальный обряд или как-то иначе связанных с погребальным обрядом.

Теперь первую фразу надписи Ихэ-Ханын-норе можно перевести точнее: "...После этого Ваши изваяния Вы в столь большом числе приобрели...". Почему, однако, отмечается большое число изваяний? Ведь если исключить два царских комплекса, несравнимых с другими по масштабу, число изваяний обычно очень невелико. Зато в погребальный комплекс входят длинные вереницы балбалов – грубых антропоморфных стел или каменных столбиков, символизировавших убитых врагов погребенного воина, души которых были обязаны ему заупокойной службой. Но относится ли понятие *bediz* к этим грубым изображениям или слегка подтесанным каменным столбикам? Можем ли мы толковать термин столь расширительно?

Ответ на эти вопросы мы находим в Уйбатской надписи, посвященной знатному кыргызскому вельможе. До сих пор надпись переводилась крайне неудачно. Не останавливаясь на критическом разборе существующих переводов, предложим иное понимание интересующего нас места.

bädizin üñün türk qan balbaly äl ara toquz ärig udyş är oğlyñ ügürüp bätür alty ärdäm bägimä är ärdäm üñün äcimä jyta joqlady guly as tutsar...

".../Я/ собрал-выбрал в качестве изваяний балбал тюркского хана, (балбалы) девяти героев-воинов из эля, и, следом (балбалы) сыновей Героев-воинов. О шесть моих доблестных богов! Мой старший брат, –о! – увь! – вознесся (умер) из-за своей рыцарской храбрости! Поэтому (теперь) его рабы предлагают (поминальную) трапезу..."

Из текста следует, что балбалы, т.е. изображения или каменные символы убитых врагов погребенного, являлись частью более

обширного класса предметов погребального культа, обозначавшегося термином *bediz*. Теперь мы можем дать более широкое определение этого слова в рунических текстах. Термин *bediz* обозначал каменные изваяния, скульптурные или барельефные, или их имитации в виде грубых антропоморфных стел, иногда с прорисованным лицом, а также в виде каменных столбиков, изображавших в погребальном комплексе как самого покойного, его близких и слуг, так и его убитых врагов. При этом следует оговорить еще раз, что термином *бадбал* обозначались только символические изображения убитых врагов.

Остается разъяснить еще одно обстоятельство. Обычно принято считать, что *бадбалы* символизируют врагов, убитых самим погребенным. А герой Ихэ-Ханни-норской надписи "приобрел" (*cazuau-*) большое число *бадбалов* именно после смерти. Вызывает недоумение длинны, по несколько сот камней, цепочки *бадбалов* в поминальных комплексах *тюркской* аристократии. Что это - эпическая гипербола в символической характеристике подвигов героя? Или действительно все *тюркские* беги убивали сотни вражеских воинов? Рассмотрим один эпизод, когда известно, кто убил врага и кому он "поставлен *бадбалом*".

В 26-27 строках своей надписи Бильге-каган описывает *киргизский* поход 711-го года: "...с их каганом я сразился в черни Сонга. Я убил их кагана и овладел их элем". А в другой строке той же надписи Бильге-каган упоминает, что *бадбал* *киргыского* кагана он, Бильге, поставил своему дяде, Капаган-кагану, погибшему в 716 г. К походу на *киргызов* Капаган-каган прямого отношения не имел. Следовательно, "своих" *бадбалов* можно было дарить другому лицу, естественно, во время его погребения. В этом объяснение не только чрезмерно длинным цепочкам *бадбалов* в погребениях *тюркской* знати, но и многим несообразностям в текстах. Так, известно, что ни один из *тюркских* каганов не был убит *киргызами*. А в цитированной *Уйбатской* надписи упомянут "*бадбал* *тюркского* хана". Очевидно, следует переводить "*бадбал*, пожалованный *тюркским* ханом", причем изготовить *бадбал* конечно могли и на месте.

В погребальном комплексе Бильге-кагана обнаружена антропоморфная стела с надписью "*каменный* *бадбал* шада *тёлёсов*". Но ведь *шад* *тёлёсов* - это отнюдь не враг, а один из принцев каганского дома, сын, брат или дядя Бильге-кагана, одно из высших лиц им-

перни. Кстати, этот бадбал и помечен родовой каганской тамгой, дополненной личным знаком. Поэтому, бадбал nada тёлёсов свидетельствует не об убийстве сына или брата, а о поминальном подарке Бильге-кагану. Не объяснено еще разнообразие тамг на статуях в погребальном комплексе Каль-тегину. А ведь это знаки тех, кто сделал поминальный дар.

Материалы помогают объяснить содержание надписи Ихэ-Ханьинора и показать историко-культурный фон. В свою очередь, эта маленькая надпись помогает понять некоторые темные места в рунических текстах и в древнетюркской археологии.

Н. Д. Миклухо-Маклай

АЛ-ИСТАХРИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В истории средневековой арабской географической литературы ал-Истахри и его географическому труду (Масалик ал-мамалик) принадлежит одно из первых мест. В средние века труд этот пользовался вниманием не только в арабской, но и в персидской среде. Об этом свидетельствуют три дошедших до нас персидских перевода сочинения ал-Истахри, осуществленные в XII-XIII вв.¹⁾ Этим переводам присуща одна общая черта: в их тексте отсутствует имя автора арабского оригинала сочинения, т.е. имя ал-Истахри. В двух переводах (в переводе, приписываемом Ибн Саваджи, и в переводе Мухаммада ибн Ас'ада ибн 'Абдаллаха) сочинение ал-Истахри по существу выступает перед нами как анонимное произведение. В третьем переводе (перевод 'Али ибн 'Абд-ас-Салама) автором арабского оригинала вместо ал-Истахри указан ал-Джайхани - семанитский вазир и географ (X в.).

У нас нет сколько-нибудь серьезных оснований относить отсутствие имени ал-Истахри в персидских переводах его сочинения на счет переписчиков рукописей этих переводов. Достаточно указать, что один перевод (Мухаммада ибн Ас'ада ибн 'Абдаллаха) представлен автографом самого переводчика, а другой перевод (приписываемый Ибн Саваджи) представлен многими рукописями, в том числе и несколькими достаточно старыми и авторитетными.

Обратимся теперь к данным иного рода, также свидетельствующим о внимании, которым пользовался труд ад-Истахри в персидском средневековом ученом мире. Мы имеем в виду факт использования этого труда в различных произведениях персидской средневековой литературы. Можно указать ряд сочинений, в которых имеются цитаты из труда ад-Истахри. Однако примечательно здесь то, что, приводя эти цитаты, авторы делают ссылки на сочинение ад-Истахри, но имени самого ад-Истахри, как правило, не упоминают. Так, например, поступает Мирхонд в географическом приложении к Реззат ас-сафе (в перечне источников он также не упоминает имени ад-Истахри) и Амин Рази в Хефт икдм. Первый, цитируя сочинение ад-Истахри, называет его "Масадик ад-мамелик", а второй — "Масадик ва мамелик". Хамдаллах Казвини в Нузхат ад-кулуб в перечне источников и в тексте самого сочинения также ни разу не упоминает имени ад-Истахри.

Исключений из этого правила существует, по-видимому, немного, и известные нам исключения не меняют сути дела. Для примера укажем на Маджаллис ад-муминин — шиитский биографический свод XVI в. (автор — Нураллах Шустари). В географическом разделе этого свода, в рассказе о городе Рее, Шустари приводит цитату из сочинения ад-Истахри, которую он начинает со слов "Истахри сказал". Однако из этого никак нельзя сделать заключение, что Шустари, цитируя ад-Истахри, действительно знал, кто он был, и, упоминая ад-Истахри, связывал это имя с принадлежащим ему сочинением. Дело в том, что приводимая от имени ад-Истахри цитата отнюдь не была непосредственно заимствована Шустари из сочинения самого ад-Истахри. Эта цитата (начиная со слов "Истахри сказал") представляет собой ничто иное, как простую репродукцию в персидском переводе арабского текста, заимствованного Шустари из географического словаря Йа'кута.

Таким образом, перед нами вырисовывается следующая ситуация: представители образованных кругов средневекового персидского общества знают и используют труд ад-Истахри, и вместе с тем они хранят молчание относительно имени ад-Истахри.

Думается, что разгадку этого факта следует искать прежде всего в одной внешней особенности текста труда самого ад-Истахри. Как свидетельствуют арабские рукописи сочинения ад-Истахри и его персидские переводы, ад-Истахри не поставил своего имени в тексте сочинения, а указав его вне рамок последнего, т.е. по всей

вероятности вперед или в конце сочинения. У нас нет оснований предполагать, что ад-Истахри мог выпустить в свет свое сочинение, не указав своего имени. Однако такая надпись с именем ад-Истахри, находящаяся вне рамок основного текста сочинения и органически с ним не связанная, легко могла пропускаться переписчиками, что неизбежно должно было приводить к появлению рукописей, в которых сочинение ад-Истахри по существу фигурировало как анонимное.²⁾ Существование подобных рукописей нам документально подтверждает персидский перевод 'Али ибн 'Абд-ас-Салама, в котором сочинение приписано ад-Джайхани. Совершенно очевидно, что такая ложная атрибуция (независимо от того, кому она принадлежит — переписчику арабского оригинала или его персидскому переводчику) могла появиться только как следствие бытования сочинения ад-Истахри, во всяком случае в некоторых его рукописях, в виде анонимного произведения. К одной из таких анонимных рукописей в конечном счете и должна восходить та конкретная рукопись, по которой 'Али ибн 'Абд-ас-Салам сделал свой перевод сочинения ад-Истахри. Таким образом, в данном случае вину за отсутствие имени ад-Истахри мы не можем возлагать ни на переписчика арабского текста, с которого непосредственно был сделан персидский перевод, ни на автора этого перевода и, наконец, само собой разумеется, ни на переписчиков рукописей этого последнего.

Выше уже отмечалось, что у нас нет причин отсутствие имени ад-Истахри в двух персидских переводах его сочинения (перевод, приписываемый Ибн Саваджи, и перевод Мухаммада ибн Ас'ада ибн 'Абдаллаха) относить на счет пропусков, сделанных переписчиками рукописей этих переводов. Можно ли отнести пропуски, о которых идет речь, на счет авторов этих двух переводов? Конечно, по крайней мере теоретически, такое предположение нельзя совершенно исключать. Однако в свете того, что здесь было сказано о существовании сочинения ад-Истахри в некоторых рукописях в анонимном состоянии, гораздо более вероятно другое предположение: указанные два персидских перевода не содержат имени ад-Истахри по той причине, что имя ад-Истахри отсутствовало в тех арабских рукописях, с которых эти переводы были сделаны.

Сказанное здесь, думается, может пролить свет и на другой, отмеченный ранее факт — молчание в отношении имени ад-Истахри, хранимое средневековыми персидскими авторами, использовавшими его труд. После того, что здесь говорилось о персидских перево-

дах ал-Истахри, подобное молчание, причем, по нашим наблюдениям, достаточно единодушное, отнюдь не может выглядеть как нечто случайное. Напротив, персидские переводы ал-Истахри подсказывают нам наиболее вероятную, если и не единственную возможную объективную причину этого молчания: анонимность сочинения ал-Истахри в имевших тогда хождение его рукописях. Конечно, было бы ошибочным думать, что сочинение ал-Истахри во всех циркулировавших тогда его копиях превратилось в анонимное произведение. Однако, судя по приведенным здесь данным, есть все основания считать, что такой трансформации оно подверглось в очень большом числе списков.

Привела ли подобная трансформация к утрате и забвению имени ал-Истахри в средневековом персидском обществе, как это нередко случалось при аналогичных обстоятельствах с именами многих авторов? Думается, что сказать так мы можем и в данном случае, правда с некоторой оговоркой. Представители персидского общества, читая различные произведения арабской литературы, например словарь Йа'кута, встречали там имя ал-Истахри, но они как-то не связывали это имя с ходившим в анонимном виде в рукописях сочинением ал-Истахри. Свидетельством этому может служить никак иначе не объясняемое молчание в отношении имени ал-Истахри, хранимое известными нам памятниками средневековой персидской литературы. Понятно, что такое положение должно было свести к минимуму известность ал-Истахри, и в этом смысле можно говорить даже об его забвении. Забвение это, или, точнее говоря, отрыв имени ал-Истахри от его сочинения, по-видимому, произошел довольно рано. Если судить по упоминавшимся трем персидским переводам сочинения ал-Истахри, то это должно было иметь место не позднее XII в.

Конечно, на переписчиках лежит первоначальная вина за утрату в рукописях имени ал-Истахри, приведшую в конечном счете к забвению его имени в средневековом персидском обществе. Однако сама по себе такая погрешность переписчиков еще не могла бы привести к подобному результату. Главную ответственность за него следует возложить на одну характернейшую черту названного общества: проявляя интерес, иногда довольно большой, к тому или иному произведению, оно обычно оставалось совершенно равнодушным к личности, а следовательно, и к имени его творца. Поэтому, насколько мы можем судить, общество обращало очень малое

внимание на такого рода погрешности переписчиков, приводившие нередко к постепенному превращению сочинения со всеми отсюда вытекающими последствиями в анонимное произведение. Вот это-то безразличие к личностям авторов, во всяком случае к определенным их категориям, вместе с небрежностью переписчиков и было основной причиной забвения — частичного или полного — имен многих средневековых писателей, в том числе и авторов некоторых выдающихся произведений. Забвение имени ад-Истахри в средневековом персидском обществе может служить ярким примером, иллюстрирующим и подтверждающим это общее положение.

1) Н.Д.Миклухо-Маклей, О персидских переводах Абу Исхака Ибрахима ад-Истахри. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. УП годичная научная сессия ДУ ИВ АН (краткие сообщения). "Наука", 1971, с. 24-26.

2) Н.Д.Миклухо-Маклей, К происхождению анонимов в средневековой литературе на персидском языке. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. УП годичная научная сессия ДУ ИВ АН (автоаннотации и краткие сообщения). "Наука", 1972, с. 39-48.

Х.С.Мусаэлян

ПОЭМА "ЗАМБИЛЬФРОШ", ПРИПИСЫВАЕМАЯ МУРАД-ХАНУ
БАЯЗИДИ

До недавнего времени считалось, что популярное у курдов сказание "Замбильфрош" (продавец корзин) бытует только в фольклоре. Впервые о существовании литературной обработки этого повествования, сделанной поэтом XV в., стало известно в 1957 г. после опубликования описания коллекции курдских рукописей, собранных русским консулом в Турции А.Д.Набой.¹⁾

В 1967 г. в Ираке курдский ученый Г.Мукриани издал еще одну литературную версию "Замбильфроша" на северном диалекте курдского языка (бахдинани).²⁾ Текст поэмы был прислан в 1968 г. 60-летним служащим из Мосула Шейхом Баширом Афянди с сопроводительным письмом, которое Г.Мукриани помещает в своем предисловии.

В письме Шейх Башир сообщает, что историю под названием "Замбильфрощ" в 1190 (1776/77) гг. очень образно изложил в стихах курдский поэт XVIII в. Мурад-хан Баязиди.³⁾ Он же, Шейх Башир, собрал эти стихи из разных письменных источников и записал у дервиши, а теперь передает Г.Мукриани, надеясь, что когда-либо их издадут, "поскольку это дар наших великих предков, доставшийся нам в наследство"⁴⁾.

Сейчас трудно быть уверенным в подлинной принадлежности стихов поэмы, опубликованной Г.Мукриани, Мурад-хану. Во-первых, по всей вероятности, в устной передаче дервиши могли внести изменения и интерполяции. Во-вторых, мы не знаем, какими записями пользовался Шейх Башир, какую часть поэмы они занимают, имел ли он единый вариант поэмы или несколько, из которых составил сводный текст. При этом, по-видимому, им или же ранее до него были внесены позднейшие наслоения из южного диалекта, что не характерно для поэта XVIII в., писавшего на северном диалекте. По этим причинам мы не можем считать поэму чисто литературным произведением. С другой стороны, нельзя причислить поэму и к фольклорному произведению, поскольку в конце ее имеется тахаллус Мурад-хана, и по своему стилю и размеру она представляет собой литературную обработку.

Эта поэма - самая большая из имеющихся в нашем распоряжении 20 вариантов сказания.⁵⁾ Она насчитывает 512 строк. Начинается она с обширного вступления, в котором рассказывается, что Замбильфрощ был сыном падишаха. Все время проводил он на охоте и в развлечениях. Однажды, в ночь на пятницу, увидел он сон: будто бы путь во дворец преградила ему привратница - гурия и повелела отказаться от богатства, стать дервишем, помогать бедным. Замбильфрощ в рыданиях просыпается и рассказывает свой сон жене. Та советует мужу отбросить мрачные мысли, предаться, как всегда, веселью и развлечениям. О сне становится известно падишаху. Он зовет к себе сына. Выполняя родительскую волю, Замбильфрощ отправляется на охоту, но по дороге встречает похоронную процессию. Им овладевают мысли о смерти, он возвращается домой, отказывается от трона и богатства и просит отца отпустить его странствовать, стать продавцом корзины. Отец соглашается, Замбильфрощ с женой и детьми покидают дворец. В пути он все время плетет корзины, пока не приходят они в Мардин, где и обосновываются.

Далее в поэме события развиваются так же, как и во всех других известных нам вариантах "Зембильфроща". Однажды, когда Зембильфрощ разносит свои корзины, в него влюбляется жена эмира (хатун), она соблазняет его красотой и богатством, пытается воздействовать на него угрозами, но продавец корзины остается непреклонным. Претерпев жизнь в бедности, выдержав все испытания, Зембильфрощ в конце поэмы возвращается в Диарбекир к отцу, становится падишахом и правит справедливо до конца своих дней.

Намек на царское происхождение Зембильфроща встречается в фольклорных версиях А. Джинди⁶⁾ и Г. Мукриени⁷⁾, но наиболее полное развитие получил этот сюжет в варианте О. Манна.⁸⁾ В нем, как и в рассмотренном выше вступлении поэмы, приписываемой Мурад-хану, общими являются следующие моменты: Зембильфрощ - падишах. Как-то раз, направляясь на охоту и проезжая мимо кладбище, он становится очевидцем похорон какого-то человека. Зембильфрощ задумывается о преходящности и тленности всего в мире. Свою цель он видит в скромном уединенном образе жизни. Он отказывается от престола и уходит с женой из города. После некоторых мытарств и странствий Зембильфрощ становится пахарем, а затем плетельщиком корзин. В конце сказания Зембильфрощ вновь падишах.

Таким образом, в этих вариантах выделяется 2-ая сюжетная линия: Зембильфрощ был рожден падишахом и в конце концов становится им. Эти версии составляют 2-ую вариантную группу, отличную от I-ой вариантной группы, куда входят остальные записи сказания и литературная версия из рукописного собрания А. Хабы (в них выявляется I-ая сюжетная линия: Зембильфрощ беден, он мастерски изготавливает корзины и на вырученные от их продажи деньги содержит семью).

Через вступительную и заключительную части поэмы, изданной Г. Мукриени (а также варианта О. Манна) проходит лейтмотив о добре, мудром, справедливом, гуманном падишахе, который отказывается от личных благ во имя служения людям.

Откуда возникли эти эпизоды, восходит ли история о шахском происхождении Зембильфроща к более старому полному фольклорному варианту сказания, которым мы не располагаем, или же она более позднее напластование - сейчас определить трудно. Возможно, эту сюжетную линию впервые ввел Мурад-хан, которому приписывается поэма, но, возможно, эта сюжетная линия - плод фантазии сказителей в угоду тем слоям общества, для которых повествование расска-

зывалось. Вероятно, со временем вся эта предистория продавца корзин, как второстепенная, была забыта и в памяти сказителей сохранилась основная канва повествования, которая начинается со столкновения бедного ремесленника с могущественной хатун.

Поэма, приписываемая Мурад-хану, состоит из четверостиший. Она написана семи-восьмисложным силлабо-тоническим стихом. Строка делится цезурой пополам, в каждой стопе по одному ударению с переменной расстановкой. В последней строке четверостишия второе ударение чаще всего падает на последний слог. В строфе обычно рифмуются три строки со сквозной рифмой четвертых строк на - оj или -оj .

Язык поэмы не отличается сложностью. Автор, наряду с использованием поэтических фольклорных образов, создал и свои оригинальные средства художественной изобразительности, в частности, контрастное противопоставление.

Можно надеяться, что изданная Г.Мукриани поэма, приписываемая Мурад-хану Баязиди, послужит ценным материалом для дальнейшего изучения сюжета "Замбильфрощ".

1) М.Б.Руденко, Коллекция А.Д.Жаба (курдские рукописи). - Труды Гос. Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Л., 1957, т.2; М.Б.Руденко, Описание курдских рукописей ленинградских собраний, М., ИВЛ, 1961; см. статью Ж.С.Мусаэлян, Поэма "Замбильфрощ" в собрании курдских рукописей ГПБ, - Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, УШ. М., 1972, с.44-48.

2) چیرۆکی زه‌مبیل فرۆش ، هه‌ولێر ، 197۷

3) Сведения о Мурад-хане дает А.Жаба в своей книге "Recueil de notices et récits kourdes", p.11: "Мурад-хан родился в Баязиде в 1150 (1737/38)гг. Он сочинил несколько эротических песен и небольших стихотворений на курманджи. Умер он в 1199 (1784/85)гг. и похоронен в Баязиде". А.Жаба и другие ученые не пишут о принадлежности поэмы "Замбильфрощ" Мурад-хану.

4) 7 ، 197۷ ، هه‌ولێر ، چیرۆکی زه‌مبیل فرۆش ،

5) См. статью Ж.С.Мусаэлян, История изучения курдского народного сказания "Замбильфрощ", - Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, VI. М., 1970, с.117-120.

- 6) Folkloqa kurmança, Yerevan, 1936, r. 491.
- 7) Фольклорный вариант помещен в указ, выше об-ке Г.Мукри-ни; см. сн.2.
- 8) O.Mann, Die Mundart der Mukri - Kurden. Teil I-II, Berlin, 1906-1909.

О.П.Петрова

СВЕДЕНИЯ О ЯПОНИИ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ЯПОНЦЕВ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

1.- В литературе до последних лет были известны имена двух японцев, прибывших в Россию при Петре I. Оба они были с потерпевших кораблекрушение японских судов, принесенных ветрами и морским течением к Камчатским берегам. Это Денбей из Осака, найденный Владимиром Атласовым в 1696 г. на реке Иче у ительменов, и Саниме с разбившегося в апреле 1710 года в Калигинской губе японского судна.

2. - О Денбее написаны Н.Н.Оглоблиным статьи: "Две сказки Вл.Атласова об открытии Камчатки" и "Первый японец в России 1701-1705 г.г.", напечатанные еще в 1891 г., так что повторять о нем излишне, но все же следует отметить, что при опросе Денбея в Сибирском приказе в 1702 г. от него получены были важные сведения о Японии, о ее политическом устройстве, о дуализме правления - о наличии духовного императора - тэнно и светского - сёгуна; о денежной системе - хождении золотых, серебрянных и медных денег, об их разменном курсе; о религии японцев с перечислением буддийских божеств; записаны были впервые 48 японских слов и получена первая японская книга.

После свидания с Денбеем 8-го января 1702 г. Петр I издал указ об обучении 3-4-х "ребят" японскому языку, положив этим начало изучения японского языка в России.

3. - О Саниме первые сведения поступили из челобитной камчатских казаков Петру I от 17-го апреля 1711 г. Согласно этим сведениям на берег Калигинской губы было выброшено штормом 10 японцев. Четверо из них были убиты, а шестерых камчадалы захватили в плен. Два пленника немного научились русскому языку и рассказали, что их родину называют Эдо, что поблизости находит-

ся 7 городов, отстоящих недалеко друг от друга, а родина их находится на острове в Пенжинском море против Камчатского мыса.

4. - У Г.Ф.Миллера в "Описании морских путешествий" об этом случае сообщается: "С этого судна высадились на берег 10 человек, четвертых из них убили камчадалы, шестерых захватили в плен, из которых четверых у них отбили казаки, один из них по имени Санима в 1714 году был отправлен в Санкт-Петербург, где впоследствии стал помощником Денбен в преподавании японского языка. В 1718 г. был представлен Петру I и имел с ним беседу".¹⁾

5. - Выяснением личности Санима занялся в наше время профессор Университета Сангё в Киото - Ситиро Мураяма, опубликовавший в 1967 г. в журнале "Ниппон Рэкиси" статью "О занесенном морским течением в Россию Саниме."²⁾ В ней профессор опирается на ряд русских сведений о Саниме и на собственные изыскания и приходит к выводу, что имя Санима - искажение японского имени Санэмон (Санимон-Санимо в северовосточных диалектах Японии), а из этого делает вывод, что происходил Санима из Хокуоку или Мацумаэ и предполагает, что он был переводчиком айнского языка. В Японии не знали, откуда дрейфовало судно Санимы и где была его родина, а поэтому приняли версию профессора Мураяма.

6. - В моем письме профессору Мураяма от 29/У-1967 г., полностью опубликованном им в указанной статье³⁾, мною дополнено его изыскание об искажении имени Санима из японского Санэмон и указано, как это могло произойти, поскольку в России у казаков было много мужских имен, оканчивающихся на а - Кузьма, Лука, Фока и т.п., по аналогии с ними искажали в просторечии и другие мужские имена: Гавриил-Гаврила, Еремей-Ерёма, Петр - Петра, поэтому и Санэмон стал у казаков Санима.

7. - В 1958 г. И.И.Огрызко в приложении к его статье "Открытие Курильских островов" опубликовал фотокопию с копии Г.Ф.Миллера "Чертежа Камчадалскому носу и Морских островов" монаха Игнатия Козыревского (ЦГАДА, портфель Миллера № 533, тетрадь 2), датированного 1726 г. Монах в прошлом был казаком Иваном Козыревским, составившим этот чертеж на основании ранних его же чертежей 1711, 1712 и 1713 г.г., сделанных в его плаваниях в эти годы.

Чертеж этот интересен пояснительными записями на нем.

Так, в районе рек Ампилова и Явина отмечено: "с разбойной (разбитой - О.П.) бусы иноземцев трех человек Ширюкея, Тиски и Сана по разным рекам брал, в показанных годах, в том числе и выкуп дал за одного. Сан - аббревиация от имени Санима.

Далее в чертеже сообщается против рек Вемячек и Березовые: "Меж сими реками, оставя бусу, в шлюпке нифонцы выехали на землю и в то время неприятельские иноземцы их в полон взяли и одного убили".

Таким образом точно датируется год, месяц и число, когда Санима попал на Камчатку, и место высадки. Еще ниже в тексте на "чертеже" в промежутке между верховьем р. Камчатки и восточным берегом полуострова Шипун написано: "В сих урочищах двух нифонцев Кисть и Китара служилые люди взяли".

Итак из записей на "Чертеже" видно, что японцев было не шесть, как указано Миллером, а пять: Широкей, Тьски, Сан, Кисть и Китара. Попытаемся восстановить эти искаженные имена по-японски: Shiryuhei (四龍平), Chosuke (長助), Sanemon (三衛門), Kishichi (喜七), Kitarō (喜太郎).

8. - От них были получены сведения, дополнительные к сведениям, сообщенным Денбеем. Прежде всего об острове Мацумаэ (Хоккайдō).

Запись гласит о том, что по "скасам" Кистя, Широкей и Сана он является местом ссылки с острова Нифон (Хонсō). Жители Мацумаэ вооружены. В городе имеются пушки, ружья и снаряды. Пролив между Мацумаэем и Нифоном опасен для плавания. При боковом ветре и приливе и отливе бусы разбиваются о прибрежные скалы. Кисть на походе сделал чертёж "к Камчатской стороне" и сказал, что иноземцы - "эдзо" с этого и других островов привозят рыбу, китовый жир, звериные шкуры и торгуют с жителями города Матмай, объясняясь с ними на своем языке. Нифонцы же далее Матмая на север не ходят.

Затем следуют записи о городах на северо-востоке Хонсō. "Город Шендай (Сэндай), особое владение родственника японскому царю". Остров против этого города является центром, где совершают моления, приносят богатые дары: золото, серебро.

Ниже следует Нанбу, отмеченное как "особливое владение подданное", откуда морские бусы ходят в Матмай и другие города.

9. - Про нифонцев сказано, что они не употребляют в пищу мяса рогатого скота и им не разрешается иметь оружие, только знать носит сабли. На военную службу выбирают людей высокого роста и обучают их в особом городе, а потом привозят в столицу. При этом говорится, что нифонцы "зело искусны в военном деле и боязливы". Записано также о том, что "близ великой губы к государству (т.е.

Эдо), есть остров караульный, который не могут миновать морскими судами, и караул стоит крепкий, и приходивших в государство и назад из государства осматривает накрепко; вначале людей и ружья и выписи на товары дают, а ежели найдут ружье и другое что, то без остатка обирают, а торговым указ чинят.....также и по земле по дорогам многие караулы стоят: близ государства (Эдо) - торговых и всяких людей накрепко осматривают".

Ю. - Все эти сведения были крайне интересны и важны для Петровского времени при завязывании торговых отношений с Японией. В этом плене отмечается, что за проливом от Матмеевского острова стоит город Цугару, куда приходят морем с Запада из Китайских городов и других владений и городов с торгами. Японцы сообщили также о прекращении междоусобной войны между феодальными владениями и о внутреннем торговом обмене.

Как записано Козыревским, все эти сведения ему сообщил японец Кисити, сделавший также чертёж Японии с японскими надписями.

Когда об этом узнали другие японцы, они очень рассердились на Кисити, и он больше ничего не мог рассказывать.

II. - Относительно того, откуда дрейфовало судно, на котором находился Санима и прочие, имеется следующая запись: "Из Кинокуни ходили в государстве оные иноземцы Кисть, Китара, Широкей, Тиски, Сан - всех 14 человек с торгом, а именно с лесом, и продав лес, купили вино, табак, гороху и возвратясь, своего города не досидели дни за три, и отнесло их ветром в море" и морским течением принесло на север к Камчатским берегам. Итэк, Санима был из провинции Кии, откуда судно, на котором он плывал, ходило с торгом в Эдо и возвращалось обратно в Кии, попав на обратном пути в шторм.

При всем фонетическом различии диалектов Токугавской Японии были в них и общие явления. Так в системе диалектов провинции Кии гласные *i* - *e* подменялись один другим, следовательно Санэмон в Кии звучало Санимон как и в северо-восточных диалектах. Происходила назализация гласных перед звонкими и носовыми. Так, Санимон звучало, как Санимо; был шипящий призвук при произношении *v* - Шендай, Широкей.

В Токугавской Японии у простолюдинов не было фамилий, а только имена, которые могли совпадать в разных провинциях Японии.

Таким образом, все встает на место. Санима так же, как Кисити и другие его товарищи, был из провинции Кии, р-на Кинки, т.е. из района близ Киото.

12. - Сведения, полученные Козыревским от Киюти и сделанный им чертеж Японии дополняют сведения, полученные ранее от Денбея. Дошедшие после экспедиции Козыревского в 1713 г. до Тобольска, они стали известными и в Москве, значительно пополнив представления о Японии в Петровское время.

- 1) Г.Ф.Миллер, Описание морских путешествий Миллера, "Сочинения и переводы", 1758 г., т.1, с. 305.
- 2) "Ниппон Рэксиси", № 232, сентябрь 1967 г., с. 69-78.
- 3) Там же, с.77.
- 4) "Языки и история народностей крайнего Севера СССР", Уч. записки ЛГУ, № 157, 1958 г., с. 167-199 и приложение к статье, с.200-207 с вкладышем-фотокопией чертежей.

М.Б.Руденко

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ ОБРЯДОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КУРДСКОМ ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Похоронные причитания, связанные с одним из наиболее консервативных и исторически-устойчивых обрядов - обрядом погребения, естественно, сохранили следы и отголоски древнейших ритуалов и представлений. В погребальных плачах содержится уникальный материал, позволяющий в ряде случаев воссоздать модели исторической этнографии, выявить исчезнувшие верования и культы. Не случайно именно этот жанр фольклора обратил на себя особое внимание В.И.Ленина, который, ознакомившись с книгой Е.Барсова "Причитания северного края", охарактеризовал народные плачи, как "... ценнейший материал", как "... подлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии"¹⁾

Без изучения народной психологии невозможно правильно осветить вопросы истории духовной культуры того или иного народа, представить процессы ее формирования.

Сохранившийся у курдов и впервые отмеченный нами обычай исполнять свадебные причитания на похоронах юноши или девушки представляет, по-видимому, реминисценцию древнего обряда имитации свадьбы на похоронах молодых, не вступивших в брак.²⁾ Ритуал этот

старый, как само человечество, встречается и в наши дни у целого ряда народов земного шара ³⁾ У одних народов обряд этот продолжает жить в полном виде, когда похороны справляют, как свадьбу; умершей (умершему) выбирают из числа живых жениха (невесту), который (которая) потом считается зятем (невесткой) родителей покойной (покойного). ⁴⁾ У других народов обряд этот сохранился частично: покойника хоронят в свадебном наряде, или просто кладут в гроб отдельную деталь свадебного наряда, ⁵⁾ или же исполняют на похоронах свадебные причитания.

У курдов, судя по проведенным нами полевым исследованиям, обряд этот в полном виде не сохранился; нет его и в памяти стариков. Однако, отражение его можно усмотреть как в отмеченном уже обычае исполнять на похоронах свадебные причитания, так и в отдельных памятниках средневековой курдской литературы, в частности в поэме крупнейшего курдского классика – Ахмеда Хани (XVII век) "Мам и Зин", где героиня поэмы – Зин, почувствовав приближение смерти, завещает обставить свои похороны, как свадьбу:

Устрой веселый пир, приготовь угощения и увеселения,
.....
Наполни блюда для нисара,
Пусть сойдутся бедняки на твой зов,
.....
Приготовь приданое и сделай все, как на свадьбе ,
.....
Сделай погребальные носилки расцвеченными и позолоченными,
И искусно разукрашенными инкрустацией. ⁶⁾

Обычай имитации свадьбы на похоронах служит удовлетворению инстинкта прокреации при народном представлении о том, что покойный продолжает загробное существование так же, как и на земле. ⁷⁾ Свидетельством тому, что у курдов существовали элементы такого представления, может послужить текст записанного нами причитания:

Gelf p'orkuġa, gulfyê xwe jêkin kekê meġa têkine do-bevsare,
Bra kekêin here nav êla giran
Bra nevêjin kekê Gulfer çî syarekî bê p'ergale!⁸⁾

⁸⁾ Записано со слов Чиле Мехо, род. в 1910, родители – выходцы из Турции, живет в Кечи-Веди (Арм.ССР), неграмотная. Пользуюсь случаем принести всем моим сказителям и информаторам –

О, несчастные,^X срежем свои косы,

Сплетем отцу нашему обруч и узду.

Когда отец наш попадет в великое племя,

Пусть не скажут: "Какой плохо снаряженный всадник - отец
Голизар!"

Отразившийся в вышеприведенной песне обычай обрезания волос, известный у многих народов, в том числе и у иранских,⁸⁾ и символизирующий ритуал убийства жены на могиле мужа, перешедший с течением времени в пожертвование женой части своего существа вместо целого (*partem pro toto*) также вытекает из стремления удовлетворить тот же инстинкт прокреации.⁹⁾ Все это говорит о том, что верования курдов о загробной жизни в известной степени отражают очень раннюю стадию цивилизации, когда народы представляли себе загробную жизнь, как продолжение жизни земной (теория продолжения) в отличие от более позднего представления, когда загробная жизнь мыслилась как награда или возмездие за совершенные при жизни дела и поступки (теория возмездия).¹⁰⁾

X X

X

Интересную деталь другого пережиточно сохранившегося у курдов погребального обряда "коталь" позволяет восстановить текст одной из записанных автором этих строк похоронных песен:

Heu lo-lo, syaro, ç'iyayê bilind berfê dilolandin,

Lê dibê t'ûmê newşenê welgeTandin

Mêrê mêrxas mêr dikuştin extirme vedigerandin.^{XX}

Хей-ло, о всадник, с высоких гор снега низвергаются,

Выкорчевывает кусты конского шавеля,

Алийе Джанго, Ахмеду Апо, Латифу Бро, Шаре Мурадовой, Задь Осмаку, а также моим помощникам в собирании полевых материалов - Морозу Мамедову, Али Авдаррахману и Сургуне Бело свои живейшую признательность.

X букв. "с обрезанными волосами".

XX Записано со слов Алийе Джаво, род. в 1892 г.; родители - выходцы из Турции, живет в Тбилиси, неграмотный. Пользуюсь случаем выразить ему, а также всем моим сказителям, информаторам и помощникам в собирании полевых материалов по фольклору и этнографии глубокую признательность.

Храбрые мужи мужей убивали, утненных коней назад
пригоняли.

Эту песню можно было бы принять за героическую, повествующую о сражении и военных набегах. Однако, привязанность ее к погребальному обряду и восприятие ее носителями языка, как песни похоронной, настораживает.

Слово "extirme" (*قتارمه*) в последней строке песни означает в тюркском "военная добыча, грабеж, контрабанда"¹¹⁾, в курдском оно получило значение "утненные кони, угон коней"¹²⁾.

Интересно, что в среднеперсидском письменном памятнике "Воспоминание о Зарере" — есть упоминание о том, что Баствар — сын Зареры — брата иранского царя, возвращает утненного коня, принадлежавшего его павшему в сражении отцу, из стана своего врага — злого волшебника — Видрафа: "Puis Bastwar enlève à Vidrafâ les ornements et le cheval que le sorcier avait pris à Zarer et retourne parmi ses compagnons".¹³⁾

Отправляясь во вражеский стан и подвергая себя большой опасности, Баствар, по-видимому, руководствовался не просто стремлением вернуть военную добычу (в данном случае коня); можно с долей вероятности предположить, что Баствару надо было непременно вернуть коня, принадлежавшего именно Зарере с какой-то определенной целью.

Видимо, существовала традиция не оставлять коня в стане врага, в случае, если владелец его был личностью выдающейся; традиция, очевидно, состоявшая в связи с погребальным обрядом. Этим участником коня, принадлежавшего убитому, было непременно.

У курдов сохранился пережиточный погребальный обряд "котэль", который состоит в том, что оседланного и взнузданного коня (на седло кладется одежда и оружие покойного) в день погребения водят перед домом умершего. Хотя в настоящее время у курдов конь, участвующий в обряде "котэль", не обязательно должен принадлежать умершему, однако, судя по свидетельству некоторых информаторов, в старину для участия в упомянутом обряде брали коня, составлявшего непременно собственность покойного.¹⁴⁾ Это обстоя-

¹¹ На связь последней строки песни с цитируемым эпизодом из "Воспоминаний о Зарере" обратила мое внимание доцент Московского университета В.Б.Никитина, которой я выражаю свою признательность.

¹² "... Roja ku c'el kin , hespe miri (niha, herge hespe

тельство наталкивает на мысль о связи между текстом цитируемой похоронной песни и "Воспоминанием о Зерере". Соответственно смысл последней строки состоит в том, что угнанных коней павших героев пригоняли назад с определенной целью: обеспечить участие принадлежавших павшим воинам коней в траурном обряде "котель".

wi t'ünebya, heşrê cınara tınin, lê berê heşr e'ise gerekê malê mirî hebya) zîn - mîsat dîkin, ç'ek - silh'ê mirî û k'incê wi davêne ser zîn..."

"... в день погребения коня покойного (теперь, если у покойного лошади не было, берут соседскую, но раньше она непременно должна была составлять собственность умершего), седлают, на седло кладут оружие и одежду покойного..."

Записано нами в 1967 г. в полевых условиях со слов Окойе Слемана, род. в 1891 г., выходец из г.Карса (Турция), живет в Корых-Бугазе (Армянская ССР), неграмотный.

1) В.Д. Бонч-Бруевич, В.И.Ленин об устном народном творчестве. Советская этнография, № 4, 1954 г., с. 118.

2) М.Б.Руденко, Курдские лирические чужбинные песни "dîlokê xerîbîyê" и их связь с погребальным обрядом. III и ПИКНВ, т. IX, 1978, с. 112-115.

3) F. Mahler, Die russische Totenklage, Leipzig, 1935, с. 391-408 (там же - библиография).

4) Л.С.Кавтаськин (Мордовский НИИЯЛЭ), Пережитки обрядов и причитаний, связанных с древним мордовским обычаем свадьбы при похоронах умершей девушки. Доклад, прочитанный в Ленинграде на всесоюзной конференции "Фольклор и этнография" в 1971 г.

В.П.Милорадович, Сборник малорусских песен Лубенского уезда Полтавской губернии, см.сб. Харьковского историко-филологического общества, т.10, Харьков, 1897, с.175.

5) Там же.

6) Ахмед Хани, Мам и Зин. М., 1962, с.192-194.

7) В.П.Милорадович, указ.соч., с.175.

8) Там же; Н.Харузин, Этнография. СПб., 1905, с.204.

9) В.П.Милорадович, указ.соч., с.175.

- 10) Н.Харузин, указ.соч., с.204.
- 11) В.П.Радлов, Опыт словаря турецких наречий, СПб., 1893, т.1, с.119; А.Д.Будегов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, Сиб., 1869, т.1, с.38.
- 12) A. Jaba, Dictionnaire kurde - français, Spb, 1868, p.8, К.А.Курдоев, Курдско-русский словарь, М., 1960, с.294.
- 13) E. Benveniste, Le mémoire de Zager. Journal Asiatique, 1932, Avril-Juin, с.287.

А.Г.Савинки

МОНГОЛЬСКАЯ ВЕРСИЯ ЛЕГЕНДЫ О ЧОЙДЖИД-ДАГИНИ

Легенда о Чойджид-дагнии (монг. Номун джиргаланг-ту дагнии)¹⁾ родилась в Тибете или, что более вероятно, в тибетоязычных областях к северу от Тибета.²⁾ Первоначально она существовала в устной форме, причем рассказчик, повествуя о скитаниях дэви Чойджид по подземному царству Эрлиг-хана, мимически изображал персонажи этой легенды.³⁾ Впоследствии эта легенда была записана и, попав к монголам в форме "Повести о Чойджид-дагнии" получила дальнейшее развитие и обработку. В ряде крупнейших монастырей Монголии, в том числе в ургинском Yeke küriye, путешествие Чойджид-дагнии изображалось в лицах во время больших религиозных празднеств и было очень любимо монголами.⁴⁾ О широком распространении "Повести о Чойджид-дагнии" среди монголов, бурятов и ойратов свидетельствует довольно большое число рукописей этого произведения.⁵⁾ Вероятно, фольклорное происхождение повести вполне может объяснить отсутствие сведений в рукописях и ксилографах об авторе и времени появления этого произведения. В.Хейсиг относит время знакомства монголов с этой повестью к XIX веку, основываясь на том, что все рукописи и ксилографы датируются этим временем.⁶⁾ Однако в колофонах бурятского ксилографа, ойратской литографии, а также некоторых рукописей, хранящихся в Ленинграде⁷⁾ сообщается, что "Повесть о Чойджид-дагнии" перевел Oyta-gu'i-yin dalai rab-byams Zay-a bandida. Речь идет об ойратском Зая-пандите (1599-1662 г.г.) и, следовательно, появление перевода повести на монгольский язык можно отнести к XVII веку. До конца XIX века это произведение существовало исключительно в рукопи-

ся и только в конце прошлого века ввиду широкой популярности этого произведения, чему несомненно способствовали устраиваемые в монастырях театрализованные представления на сюжет "Повести о Чойджид-даггине", оно было издано ксилографическим способом в ургинском *Уеке кйриуе*.⁸⁾ В настоящее время известен единственный экземпляр этого издания, хранящийся в Парижской Национальной библиотеке под номером *Mongol 150*.⁹⁾ К концу XIX века относится и бурятское ксилографическое издание "Повести о Чойджид-даггине".¹⁰⁾ В 1908 году в Петербурге литографическим способом была напечатана эта повесть на ойратском языке.¹¹⁾

Упоминания об аде и описания его часто встречаются в старой монгольской литературе.¹²⁾ Существуют также сочинения, специально посвященные путешествиям во владения грозного Эрлиг-хана.¹³⁾ Все подобные произведения относятся к буддийской апокрифической литературе и носят, несомненно, религиозно-дидактический характер. Описания ужаснейших страданий ввергнутых в ад грешников должны предостерегать верующих от греховных, с точки зрения буддизма, мыслей и действий, а также напоминать о неизбежности возмездия. Вместе с тем эти произведения дают яркую картину социальных отношений в Монголии того периода.

"Повесть о Чойджид-даггине",¹⁴⁾ принадлежит именно к произведениям такого рода и рассказывает о странствиях девушки по всем разделам ада, где она встречается представителей самых различных слоев монгольского общества. Героиня видит здесь простого мирянина, важного сановника, убийцу, старую сводницу, охотника. Не избежали ада и буддийские монахи. Среди осужденных на вечные муки она замечает ламу-врача, толстого монаха, монахию, ламу из секты Йогачаров. Чойджид-даггиня беседует с каждым из них, узнает историю их жизни, поступки, за которые они попали в царство ада.

После каждой такой беседы героиня произносит стихотворные монологи, в которых она осуждает все их проступки. Она критикует и важного сановника за притеснение простых людей, и чирянина за недостаточное усердие в делах веры. Обвиняет ламу в жадности, а охотника в убийстве животных, что противоречит буддийской этике.

Биография самой Чойджид-даггини занимает мало места в этой повести. Лишь в самом начале сообщается, что она родом из страны Лин и скончалась в возрасте 36 лет. Далее описываются ее скита-

ния по эду. Почему эта девушка была звергнута в эд, не указывается.

Сама форма описания путешествия Чойджид-даггини позволяла наглядно преподнести учение о нравственности и вместе с тем, она невольно сообщает нам существенные сведения социально-этнологического характера.

1) *Ном-ун жиргсланг-ту дагини-yin ünэн жарлиг-ун дебтер бо-лай.* (Библиотека восточного факультета ЛГУ , Д 7).

2) W.Baruch, *Un mystere tibetain. La dame Tschokuyid de Ling, Cahiers du Sud, XXIV, 1948.*

W.Heissig, *Geschichte der mongolischen Literatur, Band 1, Wiesbaden, 1972, с. 119.*

3) W.Heissig, *Geschichte der mongolischen Literatur, Band 1, Wiesbaden, 1972, с. 119.*

4) W.Heissig, *Die pekinger lamaistischen Blockdrucke, Wiesbaden, 1954, с. 3.*

5) Хадэмба, Улсын нийтийн номын сангийн бичмэл уран зохиолын номын гарчиг.

Studia Mongolica, I/fasc. 11, Ulaanbaator, 1960, n 85.

Jadamba Collection of mongolian manuscripts from the private library of His Holiness Jebtsundamba - khutuktu in the State Public Library, *Studia Mongolica, I/fasc 6, Ulaanbaatar, 1959, n 35.*

W.Heissig, *Catalogue of mongol books, 'manuscripts and xylographs, Copenhagen, 1971, с.90-91.*

Библиотека восточного факультета ЛГУ, В8, Д 7.

Рукописный фонд ЛО ИВАН, Д65,Ф 3,Ф 76,Ф 140, Ф 183,Ф 204, Q1321.

6) W.Heissig, *Geschichte der mongolischen Literatur, Band 1, Wiesbaden, 1972, с.119-120.*

7) Библиотека Восточного факультета ЛГУ, В 8, Д 7; Рукописный фонд ЛО ИВАН; Q 35, Q 1321

8) W.Heissig, *Die pekinger lamaistischen Blockdrucke, Wiesbaden, 1954. с.2.*

9) W.Heissig, *Mongolischen Handschriften, Blockdrucke, Landkarten, Wiesbaden, 1961, с. XVIII.*

10) Coyijid dagini yin tuguji orosiba, *Компюграф*, 60 хл., 44 x 9 см. СМ. Улус-ун ном-ун саяг-ун ази-йин анги-тур бүхнйи мөнг ол анги-йин бичимел ба дарумал ном бичиг-уд-ун бүхидкел, Улаганбагатур, 1937, с.178-238.

Рукописный фонд ЛО ИВАН, Q 35.

11) Erdeni Cojid-ragini enerkü sedkiliyin üüdesü eldeb amitanı buyun kilince Erlig toli bicigtü ilgagsan bolun Erlig nomiyin xan amitan - du eldeb surguli üldügsiyini ene yirtemjiner kilincesi urbuju buyu бүтэкийн тэглэ бичигсэн мөн.

См. Б.Лауфер, *Очерк монгольской литературы*, Л., 1927, с.ХУ.

12) Г.Ц.Цыбиков, *Лам-рин чэн-по*, том I, Владивосток, 1913.

Hogagan Tar-a eke-yin tuguji, СМ. Се.Дамдинсүрэнг. Mongol uran jokial-un degejü jagun bilig orosiba, *Corpus scriptorum mongolorum*, tomus XIV, Улаганбагатур, 1959, с.221. Сихула кергелгэци тегүс удха-ту састар оросiba.

См.: О.М.Ковалевский, *Буддийская космология*, Казань, 1837, с. 133.

13) Xutugtu Molon-toyin eke-dür-iyen aci xarigulgusan kemekü sudur orosiba, СМ. W.Heissig, *Die pekinger lamaistischen Blockdrucke*, Wiesbaden, 1954, с.23-27. Unen-i ügülgüci naran-u genel хоуар-ун тугуји оросiba.

См.: W.Heissig, *Catalogue of mongol books, manuscripts and xylographs*, Copenhagen, 1971, с.91-92.

14) Полное название сочинения : Erdeni-yin Coyijid dagini Erlig-ün gajar ocigad iregsen-ü namtar. Munhag-un xarangkui-yi geyigulguci bilig-ün jola kemekü sastar. СМ. Рукописный фонд ЛО ИВАН, J. 3.

15) W.Heissig, *Geschichte der mongolischen Literatur Band 1*. Wiesbaden, 1972, с.120.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ИСТОЧНИКОВ О БОРЬБЕ
АБДУЛЛА-ХАНА II ЗА ВЛАСТЬ В БУХАРЕ

Данное сообщение ставит своей целью на основе данных "Шараф-наме-йи нахи" Хафиз-и Тенгша, "Мусаххир ах-бийад" Мухаммад-йар ибн Араба, "Тарих-и Рахими" показать некоторые моменты борьбы за власть в Бухаре одного из ярких представителей Шейбанидской династии Абдулла-хана II.

В 958/1551 году после смерти Абд-ад-Азиз-хана эмиры Бухары назначили правителем города Мухаммадйар-султана, внука Шейбанид-хана. I) Вскоре прибыл в Бухару Пир-Мухаммад-хан и захватил город. Недовольные этим правители Самарканда, Ташкента и Туркестана двинули огромное войско на Мнанкаль и Бухару. В этот момент на политическую арену выступает 17-летний Абдулла-хан, сын Искандар-хана. С незначительным числом воинов он вошел в крепость Кермине, откуда бежал его отец в страхе перед врагами. Враги обложили Кермине и в течение 12 дней вели бой с осажденными, но, не сумев захватить крепость, заключили мир. Хотя сам Абдулла-хан не принимал непосредственного участия в битве, эмиры уговорили его лично не вступать в бой, однако то обстоятельство, что он, располагая лишь незначительной военной силой, отважился противостоять столь огромному войску противника, возвысило его в глазах людей. Вскоре к нему присоединился Шех-Мухаммад-султан Хисари, а также бии различных узбекских племен, таких как джеланр, катаган, утарчи, эфир и др.

После смерти Абд-ад-Латиф-хана в 959/1552 году между Шейбанидами начинается борьба за овладение Самаркандом и Бухарой.

Хафиз-и Тенгш с большой подробностью пишет о битве между войсками Борак-хана и Абдулла-хана под Фарабом, ставшей кульминационным эпизодом этой борьбы. Он рассказывает о расположении войск, перечисляет высокопоставленных лиц, участвовавших в сражении, особое внимание уделяет непосредственному участию в битве самого Абдулла-хана. В "Тарих-и Рахими" содержатся интересные сведения, относящиеся к битве при Фарабе, отсутствующие в "Шараф-наме-йи нахи" и неотмеченные в литературе. Здесь сообщается следующее: "В тот день (когда крепость была окружена неприятелем), обладатель счастливого сочетания светил Абдулла-бахадур-хан ска-

вел жителям этого селения (кариа): "Враг окружил нас так, (что) у вас нет возможности противостоять (ему) и нет сил оказать сопротивление этому войску. Если вы присоедините к нам отряд пехотинцев, и мы вместе с этим отрядом направимся (на врагов), возможно, они отступят. Жители крепости Фараб тотчас же присоединили к счастливой свите (Абдулла-хана) триста воинов". Далее автор "Тарих-и Ракими" пишет, что с помощью этих воинов Абдулла-хан быстро одержал победу и захватил неисчислимую военную добычу. В знак благодарности за помощь Абдулла-хан написал жителям Фараба жаловенную грамоту (фиёхат-наме) следующего содержания: "Если вилает славной Бухары будет завоеван нашими мусульманами, жители Фарабского вилаете будут наслаждаться покоем и будут освобождены от налогов. После победы (Абдулла-хан) над Бухарским вилаетом, принял (к нему) жители крепости Фараб и напомнили о событиях в прошлом. Сдержав свое слово, (Абдулла-хан) дал указ о том, чтобы впредь эти люди были освобождены от налогов, (чтобы) с них не взымали никаких податей.²⁾

Когда в 969/1556 году скончался Борак-хан, Абдулла-хану легко удалось отвоевать земли в Мманале, завоеванные ранее Борак-ханом. Он овладел также Самаркандом. После этого он повел войска на Бухару и окружил ее. Довеженный до крайности правитель Бухары Бурхан-султан обратился к влиятельнейшему Ходже Исламу Джуйбари с просьбой склонить Абдулла-хана к миру. Ходжа Ислам, прибыв в стан Абдулла-хана, уговорил его заключить мир с Бурхан-султаном. В ту же ночь Бурхан-султан был убит в доме одного из знатных эмиров племени кучки Мирза Ака.

Хафиз-и Танини, писавший свое сочинение по заказу, исходившему от самого Абдулла-хана, естественно, ничего не говорит о причастности к убийству Бурхан-султана ни Ходжи Ислама, ни Абдулла-хана. Однако имеются сведения, показывающие, что Ходжа Ислам сам относился враждебно к Бурхан-султану и возбуждал к нему вражду у Мирза Ака³⁾. В "Тарих-и Ракими" и в "Мусаххир ал-билад" прямо говорится о том, что Абдулла-хан убил Бурхан-султана. Поэтому есть основание полагать, что против Бурхан-султана был составлен заговор Ходжей Исламом совместно с Абдулла-ханом или с вельможе последнего.

1) "Мусаххир ал-билад" Мухаммадияр ибн Араб катанги. Рук. ИВ АН С 465, л. 86б.

2) Рук. ИВ АН Д 710, лл. 2046-2056.

3) В.Л.Вяткин, Шейхи Джуйбари. Сб. В.В.Бартольд, Ташкент, 1927, стр. 14.

О.И.Смирнова

СВОДНЫЙ КАТАЛОГ СОГДИЙСКИХ МОНЕТ (БРОНЗА)
(Информация)

Благодаря широко развернувшимся археологическим работам, охватившим за последние три десятилетия почти всю территорию Средней Азии от Каспийского моря до берегов Иссык-Куля, среднеазиатская нумизматика обогатилась тысячами монет, значение которых для развития этой важнейшей отрасли вспомогательных исторических дисциплин трудно переоценить. Равно неопенимы эти новые материалы и как памятники давно ушедших языков и письменностей народов, населявших Среднюю Азию, их истории, истории их культуры, взаимосвязей.

Новые археологические локализованные материалы впервые дали твердую базу, на которой возводится заново здание среднеазиатской домусульманской нумизматики. Разрабатываются разные ее отрасли. Одной из них, и важнейшей в настоящее время, является согдийская, монеты которой представлены двумя основными хронологическими категориями, отражающими две основные традиции среднеазиатского монетного дела, - древне- и позднесогдийской, поскольку этой последней заканчивается вся согдийская нумизматика. Типы первой восходят в основном к античным монетам, типы второй складывались под влиянием позднейших монетных систем государств Ближнего и Среднего Востока с одной стороны, Дальнего - с другой.

В настоящее время весь этот богатейший материал требует сравнительного изучения, систематизации и классификации, без которых дальнейшая работа над ним становится трудной. Эту задачу для определенной его части - позднесогдийской бронзы - решает настоящий Сводный каталог, в котором публикуются согдийские монеты, объединяемые языком надписей и письмом - национальным согдийским письмом Старых писем и мургских документов.

Медная при Куранах, позже бронзовая согдийская монета имела свой собственный путь развития, независимый от серебряной, и важность ее как нового источника по истории Средней Азии не может вызвать сомнений. Бронзовая согдийская монета в значительно большей степени, чем серебряная являлась продуктом местного творчества. В оформлении этого блестящего микропамятника искусства несли свое отражение разные ступени его развития, равно как и согдийского письма, их локальных особенностей. Свой путь развития имело и содержание монетных надписей, обозначавших власть, выпускавшую монету.

По времени материалы, представленные в Каталоге, охватывают длительный период от Куран по арабское нашествие на Среднюю Азию; территориально — большую часть Средней Азии от Древней Пухарии, (страны пухаров), выработавшей при парфиянах свои собственные устойчивые нумизматические традиции, до Ферганы и Семиречья включительно. Их систематизация позволила наметить в пределах этого обширного региона границы отдельных его нумизматических областей, отличавшихся не только своими монетными типами, но и насыщенностью монетами — количеством их находок.

В свою очередь в пределах позднесогдийского материала выделяются два основных хронологических этапа в развитии монетного дела согдийцев. Монеты первого из них характеризует многообразие их типов, древнейшие из которых оказались генетически связаны с античными. Лицевые стороны этих ранних хромовых или городских монет дают преимущественно изображения божеств и священных животных, в то время как тип их оборотной стороны составляют знаки, обрамленные надписями, — символы гарантирующего монету авторитета. Некоторые из этих типов, постепенно деградируя, доживают до арабского завоевания.

За последнее время среди монет этой ранней группы удалось выделить экземпляры, принадлежащие среднеазиатским туркам, монетное дело которых оказалось теснейшим образом связанным с согдийским. Принадлежность части согдоязычных монет древним туркам определяют содержание надписей, физический тип представленных на монетах персонажей и знаки — рунические монограммы. Древнейшие из этих монет относятся не позднее чем ко времени первого тюркского каганата, единственными письменными памятниками которого, не считая Бугутской надписи, они пока являются.

К началу УП в. картина меняется. У согдийцев, позже у тюрков появляется монета образца, господствовавшего на дальневосточном рынке с квадратным отверстием. Сложный тип монет сменяется эпиграфическим. Тип лицевой стороны монет нового образца составляют теперь знаки, оборотной — титулы рангов. Икшиды Согда фиксируют в последних свои имена собственные и свой титул царей Согда — МЛК', пенджикентские владельцы свой титул — МР'УН, который они конкретизируют названием своих владений. Свои титулы и тамги фиксируют на своих монетах тюрки. Практически удобные, эти монеты почти на два века завоевывают внутренний рынок.

Четко определяются два крупнейших экономических центра согдийцев на Зеравшане — Самарканд и Пенджикент, экономические центры тюрков в Фергане, Засырдарье и Семиречье в их крупнейших городах. Намечается нумизматический район Чаганиана.

Количественное соотношение двух основных хронологических групп согдийских монет свидетельствует о резком сдвиге в развитии товарно-денежных отношений в стране, примерно начавшемся на рубеже УI—УП вв. Наиболее показательными в этом отношении представляются самаркандские монеты УП—УШ вв., составляющие около 90% от общего их количества, учтенного в Каталоге. При всей относительности этой цифры она несомненно заслуживает внимания. Такая же была картина у среднеазиатских тюрков.

В середине УШ в. в стране появляются монеты арабских денников — первые среднеазиатские фельсы, в том числе двуязычные. После включения Заречья в сферу денежного обращения халифата — фельсы арабских чиновников на местах.

В Каталоге монеты систематизированы по территориальному признаку по соответствующим разделам. В разделах — хронологически по сериям. К сожалению, малочисленность монет некоторых типов, иногда представленных 2—3 монетами или единичными экземплярами, затрудняет их распределение по сериям, а неясность археологической информации (при отсутствии других данных) хронологически достоверное распределение самих серий. Первый раздел каталога содержит монеты Восточного Согда, подавляющее большинство которых принадлежит царям (МЛК') Согда (694 экз.) и господам Пенджикента (МР'УН) УП—УШ вв. (621 экз.). Во втором разделе собраны согдийские монеты круга вошедших в Каталог, но местом находки — знаками связанные с Западным Согдом (всего 20 экз.). Третий раздел составляют монеты из Уструшаны, четвертый — Ферганы. В сле-

дущем, У разделе выделены две группы монет, принадлежность которых определять пока трудно. Уникальный экземпляр одной из них с изображением коня и титулом $\gamma\omega\beta$ $\text{M}\delta\delta$ ним относится не позже чем к началу IV в. Вторая представлена разновременными экземплярами с именем божества Ферна (Фарро на кушанских монетах), типы лицевой стороны которых составляют, видимо, его изображения. В двух последних разделах каталога сосредоточены Засмдарьинские монеты: Чача и Отрара - в VI, в VII - Семиречья. Для полноты картины в качестве приложения к Каталогу дается описание фельсов среднеазиатских данников арабов при последних Омейядах и приверженцах Аббасидов.

Каталог содержит 1679 описаний монет (включая приложение), в том числе 105 типовых. Форма описаний табличная по рубрикам: порядковые № монет (сквозные и внутрисерийные), диаметр и вес, описания (лицевых и оборотных сторон), сохранность экземпляра, соотношение матриц (или штемпелей), местонахождение монеты и место ее находки, происхождение (откуда поступила в хранилище), примечания (ссылки на публикации и пр.). Типовые описания даются в развернутом виде, вариантов - сокращенно. Разделы дополнены списками монет (по сериям), не учтенных по разным причинам в корпусе Каталога.

Вторую часть Каталога составляют 60 фототаблиц монет, в том числе две таблицы фотографий монет из кладов, обнаруженных на городище Древнего Шахристана в Уструшане, 8 фототаблиц изображений голов божеств и других на монетах и головок среднеазиатских терракотовых статуэток, 39 таблиц прорисовок монет и пять таблиц прорисовок монетных знаков. Рисунки выполнены художницей А.Г.Израус. К Каталогу приложены графические таблицы веса монет и данные количественного спектрального анализа состава бронзы монет, систематизированные в таблицах. Анализ состава бронзы производился сотрудниками лаборатории археологической технологии ИО Института археологии АН СССР. Монеты для анализа выделялись составителем Каталога. Результаты анализа обрабатывались И.В.Богдановой-Безрезовской и составителем Каталога совместно. Введение к Каталогу содержит специальные разделы, посвященные технике литья монет, составу бронзы, из которых они изготовлялись, и метрологии.

При составлении Каталога значительные трудности представлял простой сбор его материала, потребовавший пересмотра среднеазиатских домусульманских монет музейных и других нумизматических собраний, в число которых не вошли монеты, хранящиеся в Краеведчес-

ком музее Бухары и, по независящим от составителя причинам, монет из Пенджикентского городища после 1968 г.

Изучение древнетюркских монет, выделенных в Каталоге, должно положить начало разработке новой отрасли среднеазиатской нумизматики — древнетюркской. Среди этих монет особого внимания заслуживают экземпляры с руническими монограммами на оборотной стороне, на одной из групп которых имеются изображения парм (по Е.М.Масоу — подражания византийским), типологически связанные с одной из групп монет Чаганиана (Г.А.Пугаченкова). Работа над Каталогом была завершена в 1968 г. В дальнейшем материалы его периодически пополнялись. Каталог готовится по решению XXV Международного конгресса (Москва, 1960 г.).

Э.Н.Темкин

MAṅGALA-ŚLOKA
В ТРАКТАТЕ БХАМАХИ "KĀVYĀLAŪKĪRA"

Вступительная строфа (maṅgala-śloka) Бхамехи гласит:
praṇāṃya sāṅgvaṃ sarvaḥḥam maṇo-vāk-kāya-karmabhiḥ
kāvyā-alaṅkāra ity-eṣa yathā-buddhi vidhāsyate, т.е.
Почтив Всеблагого и Всеведущего мыслью и словом и склонившись
перед Ним,
я начинаю в соответствии с разумением своим это /сочинение,
названное мной/ "Кавьяланкара"¹).

Ни вступительная строфа, ни весь последующий текст трактата не позволяют с определенностью судить о том, кто скрывается за аппелятивами sāṅgva (Всеблагой) и sarvaḥḥam (Всеведущий). Эта неопределенность, возможно, входившая в намерения автора, послужила причиной длительной и безрезультатной научной дискуссии относительно конфессиональной принадлежности Бхамехи.

Однако, maṅgala-śloka Бхамехи примечательна не только этим. Она обращает на себя внимание и необычностью оборота "praṇāṃya ... maṇo-vāk-kāya-karmabhiḥ..." (т.е. буквально — "Почтив... ментальным, речевым и телесным действиями..."), который в последующих текстах аланкарашастры в maṅgala-ślok'ax более не встречается.

Содержащаяся в этом высказывании немеренная детализация действий (...maṇo-vāk-kāya-karmabhiḥ) побуждает предположить, что Бхамеха, очевидно, исходил из некоторой известной ему и разделяе-

мой им классификации человеческих деяний. Эту, искомую, классификацию мы обнаруживаем в "Ньяясутре" Гаутамы. Если учесть, что теоретико-литературная концепция Бхэмахи сложилась под глубоким влиянием современных ему логико-гносеологических учений, то допустимо предположить, что и вступительная строфа его трактата навеяна сформулированной Гаутамой классификацией человеческих действий.

И, действительно, сопоставление текстов свидетельствует, что рассматриваемый нами оборот, взятый в сочетании с глаголом *vidhāyate*, семантически и синтаксически есть своего рода парефраз 17-ой сутры первой главы первого раздела трактата Гаутамы.

У Гаутамы сказано: "pravṛttir vāg-buddhi-śarīra-āgambha itī", т.е. "Всякое деяние имеет в начале своем речевое, ментальное или телесное действие".²⁾ *āgambha* означает здесь не только "начало", но и "действие", - и оба эти значения умело использованы Гаутамой в предельно лаконичной форме сутры.

Равенство *pravṛttir-āgambha* (действие, усилие) подтверждает Ватсьяяна в своем комментарии на "Ньяясутру" Гаутамы. У Ватсьяяны сказано: "во'уам āgambhah śarīreṇa vācā manasā.. , т.е.; "Это самое действие /совершается/ телом, речью, разумом...".³⁾ Еще определенной сказано у Вачаспатиширы: "āgambhah pravṛtṭiḥ", т.е. "āgambha /означает/ то же, что и pravṛtṭi", или, точнее, "āgambha есть pravṛtṭi".⁴⁾

Сопоставление текстов Бхэмахи и Гаутамы дает следующие соответствия: *buddhi=manas*, *śarīra=kāya*, *pravṛtṭi=karma*. Ватсьяяна это подтверждает: "mano'tra buddhir ity-abhipretam . budhate'neneti buddhiḥ", т.е. "Под словом *buddhi* здесь имеется в виду *manas*. *Buddhi* есть то, чем /человек/ мыслит".⁵⁾ Добавим, что по Гаутаме *buddhi* (=manas) есть не только то, чем мыслится, но и то, чем чувствуется и познается.⁶⁾ О соответствии *śarīra=kāya* свидетельствует Уддотакара.⁷⁾

Использованная Бхэмахой во вступительной строфе синтаксическая конструкция сочетания абсолютива (*pradāya*) с пассивом (*vidhāyate*), передающая последовательность действий (сначала почитание, потом - изложение) также может рассматриваться как семантическое соответствие тому значению "начальности", которое содержится (и имеется в виду) в сутре Гаутамы в слове *āgambha*.

О каких же именно ментальных, речевых и телесных действиях идет речь? Ватсьяяна указывает, что эти действия могут быть доб-

рими и дурими. Удйотакера уточняет: "pṛṇyā kāyena paritrāṇam paricaranam dānamiti . Vācā satyaṃ hitaṃ svādhyāyāśca iti. manasā dayā srghā śraddhā ceti" , т.е. "телом /совершаются следующие/ добрые /действия/: помощь (защита), почитание (услужение), деяние: речь – правдивое, благожелательное, приятное /слово/ и произнесение священных текстов; разумом – сострадание, удовольствие, почитание".⁸⁾

Таким образом, во всех трех видах добрых действий имеет место некоторый акт почитания. Это может быть хвала и благоговение, однако остается неясным, о каком телесном акте почитания говорит Бхамаха. Но если учесть, что √prāṇam (нагибаться) в сочетании с kāya означает "в почтении склоняться перед"., то, очевидно, что kāyakaṅga у Бхамачи есть "поклонение" в буквальном смысле слова.

Предлагаемое в данном сообщении наблюдение существенно для учета тех логико-философских учений, под влиянием которых складывалась теория литературы в древней Индии.

1) Bhāṣaḥ, Kāvyaśālikāra, ed. by K.P.Trivedi, Bombay, 1909, - "Bombay Sanskrit and Prakrit Series", - LXV, Appendix VIII; I, 1.

2) Gautama, Nyāyasūtras, ed. by B.D.Basu, - "The Sacred Books of the Hindus", - vol. VIII, Allahabad, 1913; I, 1, 17 (далее - NS).

3) Vātsyāyana, Nyāyabhāṣya, ed. by J.Sharma and D.Shastri, Benares, 1920, - "Chowkhamba Sanskrit Series", - No 281; I, 1, 17 (далее Nbh).

4) Vācaspatimīśra, Nyāyavārttikatātparyatikā, ed. by G.Sh.Tailanga, Benares, 1898, - "Vijayanagar Sanskrit Series", - vol. XIII, No 15; 160, 7.

5) Nbh., I, 1, 17.

6) NS, I, 1, 15; Nbh., I, 1, 15.

7) Udyotakara, Nyāyavārttika, ed. by V.P.Dvivedi and L.S.Dravid, Benares, 1916, - "Kashi Sanskrit Series", - No 33; 82,2 (далее NV).

8) NV, 82, 2-3.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

З.Н.Ворожейкина

ПЕЙЗАЖ В ПЕРСИДСКОМ ЧЕТВЕРОСТИШИИ XII-XIII вв.

В раскрытии специфики мировосприятия людей эпохи средних веков важную роль исследователи средневековой культуры отводят восприятию природы и ее отражению в искусстве.

Выводы ученых, системно изложенные в книге "Категории средневековой культуры" А.Я.Гуревича, сходятся на общем утверждении, что природа, как самостоятельная ценность, не занимает места в литературе и живописи в средние века. В силу господства антропоморфных представлений и отсутствия ощущения дистанции между человеком и окружающей средой, природе не являлась предметом эстетического созерцания. Описания ее у средневековых авторов были ограничены скупой топографической информацией, лишенной конкретно-локальных черт; указания на ландшафт, необходимые для ориентации действий литературного персонажа, вводились в произведение в виде традиционного перечня клишированных незыбных характеристик.

Эти выводы, полученные в основном из наблюдений над средневековой литературой западно-европейских стран, могут быть несколько расширены на материале персидской литературы XII-XIII вв.

Своеобразие восприятия пейзажа и его художественная функция в персидской средневековой поэзии весьма показательным образом прослеживаются на материале четверостиший Камал ад-Дина Исмаила Исфажани. Камал ад-Дин Исмаил (ум. 1237 г.) - последний по времени поэт, замыкающий собой домонгольский период в истории персоязычной литературы. Написанное им воплотило в себе многие конеч-

ные результаты в логическом развитии основных литературных тенденций домонгольского Ирана, в частности, и в жанре рубаи. Раздел "рубайят" Камал ад-Дина включает 867 стихотворений; столь большое количество четверостиший, почти рекордное для одного персидского автора, сообщает эрму масштабность этим тенденциям, позволяющую выявить и проследить их как бы в некотором увеличении.

Природные явления занимают ведущую роль в системе образных средств у Камал ад-Дина Иомеила, представляя собой наиболее частый компонент поэтических образований. Именно в природе персидская средневековая поэзия черпает свои основные поэтические символы. Это - традиционные красоты восточной природы - сияющая луна, кипарис, роза, нарцисс, гиацинт, также солнце, тростник, лужайка, свежая травка, цветник, тюльпаны, цветок гранатника и жасмин, утренний ветерок, облако, ручей. Чрезвычайно широко обыгрываются контрастные понятия - день и ночь. Перечисленные явления образуют развитую и устойчивую систему соответствий, главным образом с красотой внешнего облика предмета любви и с переживаниями лирического героя четверостиший. Прочно закрепленные ассоциативные связи перевели их в категорию предметных образов - символов. Слова, обозначающие эти природные явления, выступают опорными словами для подавляющего числа любовных четверостиший; многие из них претерпели расширение своего семантического поля, слившись в поэтическом языке с образно обозначаемыми ими понятиями: "луне" и "кипарис" в стихах - значит "красавица", "нарцисси" - "глаза красавицы", "гиацинты" - ее кудри и т.д.

Вместе с тем, их нельзя отнести к разряду столь характерных для средневековых литератур "окаменелых" эпитетов и образов. Традиционные образы живут в творениях персидских классиков напряженной внутренней жизнью. Каждый большой поэт заново решает творческую задачу - дать еще одно развернутое доказательство той или иной метафорической формуле, состоящей из двух наиболее частых компонентов: природа - человек. И нельзя не заметить, что поиски и находки новых существенных общностей, подтверждающих родство двух традиционно сравниваемых явлений, сопряжены с пристальным созерцанием природы, с ее эстетической оценкой.

Так, одна только роза получила в четверостишиях Камал ад-Дина десятки образных истолкований, многие из них включают поэтическое описание цветка. Метафорические переосмысления розы идут

по двум, характерным для персидской поэзии, направлениям. По ряду светлых ассоциаций, связанных с любовью и красотой возлюбленной, — образы здесь строятся на неизменном утверждении безуспешного соперничества розы с цветом лица красавицы (роза каждый год собирает сотни ликов в своих лепестках, в тщетной надежде, что хоть один из них сравнится с лицом возлюбленной поэта — № 361; бутон потому так сжал губы своих лепестков, что хочет прижать их поцелуем к ногам красавицы — № 451 и др.).

И по ряду противоположных ассоциаций: роза — как символ короткости жизни, мимолетности и обреченности красоты, уязвимости и страдания. Так, бутон с круто свернутыми лепестками ассоциируется со сжавшимся сердцем и скорбным лицом (551); нераспустившаяся роза с красными краями лепестков воспринимается поэтом как образ сердца в кровавых рубцах горя (401), а когда эта роза раскрывается, красные края ее лепестков рождает у поэта представление о крови, выступившей из-под ногтей в непосильной для розы попытке защититься от ветра, рвущего ее одежды (468) и др.

Сравнения как правило обратимые: природа одухотворена, наделена человеческими качествами и чувствами, в своих состояниях и переживаниях поэт легко находит четкий символ в том или ином природном явлении. Поэт проецирует пейзаж на себя: "не мертвый и не живой я, как ветер науруза" (347); сам небесный свод и тысячи звезд на нем — это глаз поэта и его несчетные слезы (151); а если склоны горы красны от цветущих тюльпанов, то это кровь, которую пролило каменное сердце горы, слышащее стоны поэта (272).

Природа дает аналогии и более общим и сложным явлениям жизни: в затяжной весне, с запоздалым цветением, поэт усматривает общий для всех страх перед несправедливым побором: даже ветвь не решается "извлечь из кармана цветения серебро своих листьев" (332).

Вместе с тем, в отдельных четверостишиях описание природы становится уже самоцелью, вне сопоставления. Взгляд поэта улавливает красоту природы в ее движении. Посмотри, — говорит поэт: — плотно сжатый вчера, — "хмурый" — бутон сегодня расцвел — раскрыл в смехе губы своих лепестков, вот он склонил головку, словно изнемогая от смеха:

314 آن غنچه گل نگر چه چمت افتادست * برداشته آخر و نشت افتادست
دی روی چنان فرام آورد دژم * و امروز چنین ز خنده است افتادست

- Посмотри на этот бутон розы: как изящно он изогнулся,
Вытянулся снизу, а сверху склонился.

Вчера лицо свое вот так сжал он, скорбя,

А сегодня вот этак, изнемогая от смеха, склонил голову.

Во многих четверостишиях Камал ад-Дина природа не абстрактна,
не статична, поэтический образ рождает ощущение живой реалисти-
ческой детали:

آن لاله نگر جو سامری آمده خرد * یک نیده از آن صافی و یک نیش درد
وان شینم بین شسته بر مارش گل * گوئی که پیاله حل شد و می بفسرد 44I

- Посмотри на этот тальпан - он словно уменьшенная чаша,
Наполовину в нем - чистота, наполовину - осадок.

И на эту росу взгляни, осевшую на ланитах розы:

Словно пиала растворилась и вино застыло, [приняв ее
форму].

Деталь, с гипертрофированным вниманием к ней, отдельный
штрих к пейзажу, поражающий тонкостью художественного письма,
преобладают в стихах Камал ад-Дина Исмаила, но некоторые четверо-
стишия - это уже развернутые и одухотворенные пейзажные зарисов-
ки:

این خشک گیا که زرد چون روی منست * ریزنده و جای جای چون موی منست
827 و این طاق پل شکسته و آب روان * گوئی که مثال چشم و ابروی منست

- Эта сухая трава, желтая, как мое лицо,

Поредевшая местами, как мои волосы,

И эта арка обвалившегося моста и ручей под ним,

Скажи, не похожи ли на глаза мои и брови? ...

Или:

از باد بچین شکوفه راشبگیران * لزنده شده چو دست و پای پیران
306 و آن سایه برگ بید بر روی شمر * همچون ماهی بشت ماهی گیران

- На ветру - взгляни - цветущие ветви об утреннюю пору

Дрожат словно руки и ноги стариков,

И эта тень листьев ивы над водоемом

Как будто рыба в сетях у рыбака ...

Четверостишия Камал ад-Дина Исмаила Исфахани позволяют сде-
лать еще один вывод. Образы природы в его стихах не только реал-
листичны, но и по особому пластичны, "визуальны". Они как бы кон-
кретно-зримы в момент чтения стихов. В четверостишиях часто зву-

чит приглашение поэта "взгляни!", в сочетании с указательными местоимениями "тот" и "а этот", — строки стихов словно бы сопровождаются указующим жестом, призывающим слушателя взглянуться и самому оценить точность найденной метафорической формулы для того или иного явления окружающей действительности.

"Ситуационный" характер подобного рода описательных четверостиший позволяет видеть в них стихи, приуроченные самим авторским замыслом к моменту созерцания природы (скажем, к праздничным собраниям, протекающим, как мы знаем из описаний и миниатур, часто на лоне природы), или даже экспромты, рожденные в процессе любования.

Л и т е р а т у р а :

В.Б.Никитина, Природа в литературе иранского Возрождения. — Иранская филология. М., 1971, с.102—115.

А.Я.Гуревич, Категории средневековой культуры. М., 1972, с.55—61 и др.

Н.Б.Гафурова

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ СЕКТЫ "КАБИРПАНТХ"

Большинство произведений, приписываемых Кабиру, собрано в рукописях и изданиях секты религиозных последователей поэта — "кабирпантх". Библиотеки секты есть во всех храмах, посвященных поэту (Бенарес, Джайпур и др.). Почти все хранящиеся в них рукописи — поздние, самые старые из них относятся к первой половине прошлого века. Некоторые сочинения, приписываемые Кабиру, изданы на основе подобных же рукописей. Принадлежность этих произведений Кабиру в изданиях подтверждается только тезисом "слово гуру не имеет границ". В них собраны тексты, более или менее соответствующие духу учения поэта. Как отмечает Тивари,¹⁾ одной из причин появления среди произведений Кабира текстов более позднего происхождения было то, что духовным наставникам секты приходилось изменять учение в соответствии с насущными требованиями времени и "освящать" свою проповедь авторитетом Учителя.

Несомненно, среди сочинений, приписанных поэту, есть и его подлинные творения, которые должны были передаваться как устной, так и письменной традицией секты. Задача исследователя — разо-

браться в изданном материале и попытаться выделить подлинные строки поэта из многочисленных поздних подделок. Единственный путь разрешения этой задачи в настоящее время - изучение литературы секты "кабирпантх", круг которой до сих пор еще окончательно не определен.

По форме и содержанию сочинения, приписанные Кабиру и изданные сектой, можно разделить на несколько групп:

1/ Сборники "саххи" - двустийий - наиболее характерный вид сочинений. По всей вероятности, среди двустийий должно быть больше всего подлинных высказываний поэта.

2/ "Беседы" и "Диспуты" - богословские сочинения, призванные продемонстрировать превосходство учения секты над всеми другими течениями. В них язвительный диалог обычно кончается поражением оппонента. В произведениях этого жанра обильно включены легенды. Дух религиозной нетерпимости, которым пронизаны эти произведения, исключает принадлежность большинства из них Кабиру.

3/ Тексты, содержащие наставления и проповеди, обращенные к представителям других религий, историческим и легендарным личностям и даже к мифическим существам.

4/ Произведения, восхваляющие бога и вероучителя - Кабира.

5/ Произведения, раскрывающие космологические и "исторические" воззрения секты, - эклектическая смесь ведических и пуранических представлений. В них же содержатся легендарные жизнеописания Кабира.

6/ Наставления в религиозной и житейской практике, описания ритуала, правила поведения, регулирующие жизнь членов секты. Названия разделов в некоторых из таких сочинений расположены в алфавитном порядке.

В литературе "кабирпантх" имеются также переложения классических религиозно-философских текстов предшествующих эпох, в первую очередь, "Бхагавадгиты".

Язык и содержание большинства произведений "кабирпантх" носят следы сравнительно позднего происхождения - XIII, XIX и даже XX вв. Многие произведения противоречат основным принципам, провозглашенным Кабиром, - веротерпимость, равенство людей перед богом, пренебрежение к ритуалу, канонам и догмам.

Подлинные стихи Кабира, по всей вероятности, вкраплены почти во все сочинения секты, но выявить их пока не представляется возможным.

Наибольшую ценность для исследователя представляют последние по времени издания произведений малых форм - "сакхи" и "пад".²⁾ Их начали публиковать с конца прошлого века. Изданные в традиционной манере, без какой-либо попытки критической оценки, классификации материала и указания на его источники, эти публикации не дают возможности судить об аутентичности входящих в них произведений. Тем не менее богатство собранных в них стихов позволяет привлечь их наряду с более старыми собраниями к исследованию литературного наследия Кабира.

Наибольший интерес представляют следующие издания:

1/ "Собрание 2128 сакхи" (сгруппированы по 84 разделам), издательство "Бельведер прес", Аллахабад.³⁾

2/ "Собрание 3872 сакхи" (84 раздела, по заглавиям отличающиеся от предыдущего издания).⁴⁾

3/ "Собрание 615 пад, I рамайни и I кякехра (т.е. произведения, в котором стихи расположены в алфавитном порядке)", издательство "Бельведер прес", Аллахабад.⁵⁾

1) पारनाथ तिवारी, कबीर-ग्रंथावली, पृ० ३६

2) पारनाथ तिवारी, कबीर-ग्रंथावली, पृ० ३१-३३,
५२-५२, १०६-१११, ११६-१४१.

3) कबीर साहेब की साखी-संग्रह, भाग १-१,
संशोधित-संस्करण, बेलवेडियर प्रेस, इलाहाबाद,
१९१६ ई०

4) सदगुरु कबीर साहेब की साखी-ग्रंथ, महलश्री
निवारदास शास्त्री कृत विरल टिका-सहित, कबीर-
धर्म-वर्धक-कार्यलय, सीयाबग बड़ौदा सन १९३५ ई०

5) कबीर साहेब की शब्दावली, भाग १-४, बेलवेडियर
प्रेस, इलाहाबाद सन १९०६ ई०

ТВОРЧЕСТВО ПАДЕЙТАЯЗЫ КАК НОВАЯ СТУПЕНЬ
РАЗВИТИЯ БИРМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. В истории бирманской литературы Падейтаязе (1684—1754) принадлежит особое место, потому что именно этот писатель наметил пути дальнейшего развития отечественной литературы.

Одним из самых известных произведений писателя является поэма "Туза пью" (1741), в основу которой положен фольклорный сюжет, взятый из сборника "Пятьдесят сказов Зинме". Тем самым Падейтаязе нарушил традицию. Для жанра "пью" обязательным считался религиозный сюжет. В поэме повествуется о любви принца и киннари (мифической девушки-птицы), об их разлуке, страданиях и долгожданной встрече. Поэт нарушил традицию еще и потому, что отобразил в поэме реальную жизнь своего времени, национальные бирманские обычаи. Очевидно, эти нарушения существовавших строгих поэтических правил и послужили причиной того, отмеченного профессором У Пей Маун Тином факта, что некоторым современникам Падейтаязы его поэма не понравилась.

В "Туза пью" есть и другие отступления от строгих канонических правил. Писатель ввел в текст поэмы сведения автобиографического характера — о своем отце и деде, о первой жене. Он приводит названия написанных им ранее сочинений и указывает точную дату завершения поэмы: месяц "касхоун" восьмого числа 1303г., т.е. приблизительно май 1741 г.

Писатель вводит много нового и в структуру поэмы. Он пользуется диалогом, песней, придает персонажам черты характерной, бытовой и речевой достоверности. Все это приближает "Туза" к драме. И не случайно именно Падейтаяза стал автором первой драмы в истории бирманской литературы.

II. В основу этой драмы ("Манике", 1743) положен сюжет, также взятый из "Пятидесяти сказов Зинме". На волшебном коне Манике перелетает принц вместе с возлюбленной из страны духов на родную землю, где и становится королем. Сам автор определил "Манике" как "пьязат", что в буквальном переводе означает "показываемая джатака". Позднее так стали называть любые драмы и сейчас "пьязат" соответствует слову "пьеса".

В "Менике" - тринадцать картин, приблизительно равных по объему. Перед началом каждой сцены даются указания, где именно будет происходить действие: в мире богов, в мире людей, в мире духов. В тексте содержатся ремарки: "поет", "говорит", "поет сиамскую песню", "говорит, плача" и пр.

И. У Пей Маун Тин в своей "Истории бирманской литературы" назвал Падейтаязу поэтом-экспериментатором. Можно добавить, что это относится не только к форме произведений писателя, но и к их содержанию. Падейтаяза решительно и смело вводит в некоторые свои произведения людей труда. Так, стихотворение "Крестьянин" он посвятил простому труженнику, его заботам и радостям. Писатель его несколько не приукрасил: голова крестьянина обвязана полотенцем (именно так и сегодня повязывает голову каждый деревенский житель); в зубах у него неизменная трубка, а на руках - голые ребятишки. Наступил долгожданный дождливый сезон, и он, крестьянин, вместе со всей семьей ходит вдоль рисового поля, ловит крабов, улиток, лягушат, собирает листья и корни. Дома вся семья дружно садится за стол:

" -...Ш-и-ш! Дома до сердца
Вся горечь шанского перца!"

Яркой бытовой зарисовкой является и стихотворение "Сборник сока". Герой взбирается на пальму тодди, обрубаёт листья, делает на стволе зарубки, чтобы напоить всю семью пальмовым соком. Отец приносит и пойманную в лесу дичь. Детишки с нетерпением ждут его возвращения. Писателю, бесспорно, удается включить читателя в атмосферу труда и отдыха простой крестьянской семьи.

Падейтаяза не рассказывал в своих стихах о тяжести жизни бирманского крестьянина, однако он ввел человека труда в поэзию и показал, что объектом искусства могут быть и крестьяне, их труд. И это было значительным шагом вперед в развитии бирманской эстетической мысли. Поэт сумел сделать этот шаг благодаря своему глубокому уважению к труду и внутренней связи с народом.

IV. В своем творчестве Падейтаяза выступал и как продолжатель традиций бирманской поэзии, в частности, панегирической. Немало стихов он посвятил царствовавшей в Бирме династии и особенно - последнему своему покровителю Маха Дхамма Раджа Дипати.

Крупный государственный сановник, Падейтаяза обогатил поэзию народными выражениями, пословицами, поговорками. Именно он возглавлял борьбу за новый литературный язык, основанный на живой разговорной речи. Многие фразы из стихов поэта стали крылатыми.

Падейтаяза оставил много песен, вошедших в фонд классической музыки Бирмы. И здесь, в области песенных форм, он также шел впереди своего времени. Многие его песни исполняются и сегодня.

Богатое стихотворное наследие Падейтаяза оказало влияние на дальнейшее развитие бирманской поэзии. Его стихи отличаются высоким мастерством, чеканностью форм, богатством художественных средств и народностью. Поэт смело нарушал традиции, если они, по его мнению, сковывали дальнейшее развитие поэзии. Он выступил и как новатор, посеявший первые зерна на неизведанном для бирманской литературы поле драматургии.

А.Е.Мартынец

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ СТИХА ЮНУСА ЭМРЕ

Обычно образцы тюркского аруза, анализируемые с целью обнаружить в языке необходимые потенции для освоения арабо-персидского стихосложения, рассматриваются как уже канонизированные тексты, где отклонения от нормы только подтверждают сложившееся правило.¹⁾ При этом исследователи не принимают во внимание возможность существования доканонических текстов, некоторые черты которых могли бы дать новые данные о развитии аруза.

Ниже речь пойдет об особенностях рифмовки в стихах Юнуса Эмре (маловизийского поэта конца сельджукской эпохи), не укладывающихся в рамки правил нормативной поэтики.

В произведениях, написанных многостопными размерами, Юнус Эмре постоянно пользовался дополнительной внутренней рифмой, которая позволяла представить бейты как четверостишия. Например:

CVI Ben jürürem jana jana
Çaak bojadu beni Kana
Ne âkilam ne divâna
Gel gör beni aşk neyledi²

Я брожу, страдая и сокрушаясь,
Любовь обогрила меня кровью.
Я не разумный, не сумасшедший,
Приди взгляни, что сделала со мною любовь.

В газель, написанную метром реджаз-и мусаммен-и салим Онуэ Эмре звезд дополнительную рифму на восьмом слоге, а границы стоп совместил со словоразделами. Подобный прием Онуэ Эмре использовал довольно часто, что, видимо, дело повод некоторым исследователям определять его стихи как силлабические.³⁾

Аналогичным приемом пользовались также староосманские поэты Султан Велед, Гольшехри, Кайгусуз Абдал.

Существование в рамках бейте таких четверостиший можно было бы объяснить как применение формы мостезад газель или влиянием народной поэзии, как это часто делают.⁴⁾ Однако нерегулярность использования этого средства не позволяют принять такое объяснение. Нормы рифмовки, присущие жанру мостезад газель (aa, bbba, ccca и т.д.) или народному жанру кюмме (aaab., cccb, dddb ... при этом в первом четверостишии возможны и другие типы рифмовки) Онуэ Эмре постоянно нарушаются. Сравните:

XLIX

Eger gerçek âşıkisan	a
Boymundagi menşur nedür	b
Nak yolına sadıkisan	a
Yanlış sanu tezvîr nedür	b

Если ты действительно любишь,
Зачем тебе пустые заботы?
Если ты крепче на пути истины,
К чему ложь и заблуждения?

XLVIII

Gözüm seni görmek için	a
Elüm sana irtmeğ için	a
Bugün sanum yolda kodum	x
Yarın seni bulmağ için	a

Мои глаза - чтобы видеть тебя,
Мои руки - чтобы дотронуться до тебя.
Я сегодня отправился в путь,
Чтобы найти тебя завтра.

Зачастую рифма при постоянном монориме используется непоследовательно, т.е. рифма в одном, а иногда в двух бейтах (или четверостишиях) опускается.

Подобные нарушения в области признаков жанровой принадлежности, которые встречаются также у Султан Веледа, не характерны для средневекового искусства с его строгой иерархией жанров и литературным этикетом.⁵⁾

Недо сказать, что В.А.Гордиевский упоминал народные песни со схемой рифмовки *aaab* и характеризовал подобные конструкции как "искажение основного типа строфы, забытой в устах простолюдина".⁶⁾ Однако наблюдения В.А.Гордиевского над турецким стихом относятся к периоду, когда в народной поэзии уже начался процесс отказа от обязательного функционирования всей суммы признаков конкретной ритмо-метрической конструкции и постепенного ослабления запретов на метриал. Поэтому его свидетельство, вероятно, не может иметь отношения к произведениям сельджукской эпохи.

По-видимому, описанную выше особенность рифмовки стиха Юнуса Эмре можно интерпретировать как стремление использовать факультативное ритмическое средство, не предусмотренное каноном и связанное со спецификой раннего этапа аруза.

В пользу этой посылки можно привести следующие соображения:

1) Стихи Юнуса Эмре, в целом ориентированные на аруз, не обладали достаточно четким ритмическим рисунком, т.е. противоречие между метром и эмпирическим стихом было настолько велико, что с учетом только условных признаков аруза текст, видимо, не всегда мог осознаваться как поэтический. В этом случае внутренняя рифма служила дополнительным сигналом его поэтической принадлежности, и участвовала в создании эмпирической реальности стиха помимо абстрактного конструкта.

2) Многосложные размеры, видимо, воспринимались Юнусом Эмре как монотонные ряды. Вводя внутреннюю рифму, он резко выделял паузу в середине мисра и клаузулу, по схеме аруза не обозначаемую в нечетных строках. Таким образом резко повышался "рифмовой коэффициент"⁷⁾ и ритмообразующая потенция рифмы. Основная рифма, вероятно, была прежде всего композиционным элементом, о чем свидетельствуют многочисленные акустические и графические нарушения.

Подводя итог сказанному, хотелось бы подчеркнуть более высокую информативность поэзии Юнуса Эмре в сравнении с более поздними образцами турецкого аруза, что в некоторой степени также обуславливало определенную свободу построения текстов на выразительном уровне.

1) И.В.Стеблева, Развитие турецких поэтических форм в XI в., М., 1971. X. Уманов, К характеристике ритмического строя турецкого стиха, НАА, 1968, № 6, с. 98-108.

2) Yunus Emre, Risâlat al-Nuahiyya ve Divân , Abdülbâki Gâşî-pınarlı, - Ünsüz - Uğat - Acilama. Istanbul, 1965.

3) W.Bjorkman, Die Altosmanische Literatur, PhT, II, p.411.

4) St.Rymkiewicz, Beitrag zur Entwicklung des Reims in der türkischen Kunstliteratur. R.O. T.XXVII. Z.I. Warszawa, 1963, p.49.

5) Д.С.Лихачев, Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 112-113.

6) В.А.Гордлевский, Из наблюдений над турецкой песней. - Этнографическое обозрение, 1908, кн. 79, с. 15.

7) В.М.Хирмунский, Рифма, ее история и теория. шг., 1923, с.39.

О.Л.Финман

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РАССКАЗАХ ДАНЬ МЭЯ

Большинство исследователей китайских народных верований отмечает удивительное единообразие религиозных представлений, свидетельств которых сохранились в прозе малых форм на протяжении более чем 18-ти веков (от Хань до Цин); видимо, это обстоятельство может служить объяснением той бросающейся в глаза повторяемости сюжетов и сверхъестественных персонажей, которая имеет место не только в сборниках фантастических рассказов разных авторов разных эпох, но даже и в пределах сборника рассказов одного писателя.

Во многих рассказах из коллекции "О чем не говорил Конфуций" известного поэта и писателя Дань Мэя (1716-1797) можно обнаружить остатки архаичных представлений китайцев. Попытка реконструкции этих представлений в некую систему позволяет сделать вывод о том, что в целом система народных верований, сохранившихся в данном памятнике XVIII в., мало чем отличается от религиозных представле-

ний древнего Китая, особенно когда речь идет о пантеоне богов и ритуализованных формах поведения. Следует, правда, оговорить, что в древности ритуализованные формы поведения относились не столько к отдельному человеку, сколько к коллективу (членом которого являлся человек), в рассказах же Дань Мэя мы чаще имеем дело с отдельным человеком (в меньшей степени связанным с семейным коллективом, чем, например, в рассказах современника Дань Мэя — автора коллекции "Заметки из хижины Великое в малом" Цзи Юя).

Наблюдения и выводы исследователей белорусского мифа и ритуала¹⁾ применимы и к нашему материалу: ритуализованные формы поведения, в частности, обряды, связанные с мертвыми, преследуют цели "сохранения и продолжения во времени жизни человека ... охранение живых от мертвых, получение надежной уверенности в том, что мертвые не будут мешать живым и даже будут к ним благосклонны". Эта черта проявляется в одном из самых устойчивых и важных в китайской культуре (мы принимаем положение о том, что религия является частью культуры народа и в то же время интерпретацией этой культуры²⁾) культе — а именно культе предков, согласно которому "забота об умерших и точное исполнение в их честь всех обязательных ритуалов была главной обязанностью потомков ... главная задача живых — это забота об убоготворении мертвых".³⁾

Значительное большинство рассказов Дань Мэя так или иначе связано с оппозицией "живой—мертвый". В качестве персонажей фигурируют души мертвых (гуй), которые могут вселиться в живого человека и говорить его устами, или вселиться в тело другого мертвеца, возродиться к жизни в чужом облике, мстить виновникам своей смерти, требовать их наказания властями, искать себе "замену" (склоняя людей к самоубийству); души мертвых следят за жизнью своих близких, сохраняют прежние симпатии и антипатии, привычки и увлечения, помогают в беде своим родным, просят людей о помощи (например, о захоронении), карают дурных людей, помогают невинным и т.п.

Помимо веры в существование душ мертвых, в сборнике "О чем не говорил Конфуций" можно выделить следующие элементы народных верований:

1. Наличие у человека нескольких душ позволяет одной из них существовать вне тела ее обладателя и являться людям в форме, идентичной покинутому ей телу; человек может выпускать свою душу на волю, или, уклоняясь от наказания, спрятать ее в сосуд.

2. После смерти человека его душа попадает в Подземное царство, где получает новое перерождение; варианты возможных перерождений являются следствиями поступков, совершенных при жизни.

3. Человек и при жизни может превратиться в животное, рыбу или птицу.

4. Смертная женщина может родить чудесное существо (дракона, цилиня, яку).

5. Существуют оборотни (чаще всего это - лисы), которые могут являться людям в человеческом облике и вести себя дружелюбно или враждебно (часто, хотя и не так часто, как в коллекции Цзи Юя, сверхъестественные персонажи являются своего рода судьями поступков людей).

6. Существуют духи растений, являющиеся в облике людей и мстящие за вред, причиненный человеком дереву или цветку.

7. Помимо злых духов (гуи), есть духи добрые (шэнь), помогающие людям в беде, охраняющие их от нечисти.

8. Существует пантеон богов со своей иерархией и своими функциями. Причем, мир сверхъестественных сил является как бы копией социального устройства мира людей. Боги и духи награждают людей за их добрые дела и карают за злые.

9. Между сверхъестественными силами и людьми есть своего рода посредники (ляги, шаманки, гадатели, вызывающие духов умерших людей, геоманты и т.п.).

10. Люди могут узнать свою судьбу не только из предсказаний и гаданий, но и из вехих снов и предзнаменований.

II. В повседневной жизни людей происходят всякие чудесные и странные случаи.

Суммируя эти элементы религиозных верований и суеверий, можно сделать вывод, что Юань Мэя интересовал скорее низший уровень религиозной системы (народная религия), чем высший.^X

^X Здесь мы придерживаемся классификации, принятой Вяч. Вс. Ивановым и В.Н.Топоровым,⁴⁾ противопоставляющими Бога, который входит в "пантеон" (т.е. "в высший уровень мифологической системы") "мифологическому существу", представителю более низких уровней, принадлежащему к группе "существ чудесной природы". Последние фигурируют в рассказах Юань Мэя гораздо чаще, чем представители пантеона или основатели религии и деифицированные исторические деятели. Примечательно и то, что в сборнике Юань Мэя есть рассказы (подобных которым нет у Цзи Юя), где люди осуждают

Любопытным подтверждением отмеченной нами в коллекции Дань Мэя устойчивости народных верований (характерной не только для китайских рассказов о сверхъестественных существах^X) дает проведенное В.Эберхардом⁶) обследование историй о духах, рассказываемых в наши дни китайцами на Тайване и в Сан-Франциско и включающих в себя ряд тех же типов (и подтипов), что и выделенные нами в коллекции Дань Мэя.

Во многих рассказах Дань Мэя встречаются мотивы, широко распространенные в мировом фольклоре: "чудесное рождение", "сказочное вредительство", "волшебное дерево", "чудесный помощник", "благодарное животное", брак со сверхъестественным существом, воскрешение из мертвых, путешествие в Подземное царство и многие другие. В ряде рассказов отражены народные представления о сверхъестественных существах (тело беса не отбрасывает тени, в глазах водяного духа нет зрачков, при появлении нечисти поднимается холодный ветер, души мертвых превращаются в мух, дух Грома имеет петушиные шпоры и клюв), и рассказам подобного типа применим термин Отто Блера⁷) "folk-beliefs stories", под которыми понимаются "рассказы, в которых элементы народных верований появляются в контексте специфических событий, якобы действительно имевших место, и в них выражены сохранившиеся в момент рассказывания народные верования" (в отличие от "folk-beliefs legends", под которыми понимается повествовательная проза, содержащая элементы уже не существующих народных верований).

Наличие отдельных персонажей и мотивов, общих с произведениями китайского фольклора, обилие мотивов, находящих типологические параллели в фольклоре других народов, дали основание В.Эберхарду отнести 25 рассказов Дань Мэя к сказкам.⁸) Между тем, одно только наличие сказочного мотива или персонажа из того набора, который является общим и для сказок, и для фантастических рассказов, и для народных верований китайцев, еще не делает текст сказкой или разоблачают духов, плохо исполняющих свои обязанности, или берущих взятки, или занимающихся шантажом.

^X Так, исследователь несказочных форм норвежской народной прозы Р.Грембе отмечает, что если бы люди потеряли интерес к сверхъестественным существам и больше не верили в них, то "повествовательная традиция о них скоро утратила бы свою ценность, изменила бы свою природу и исчезла..."⁵).

кой и не указывает на сказку как на непосредственный источник или образец рассказов Девя Мэя. Только когда эти мотивы организованы в повествовательную цепочку, подчиненную специфическим законом "морфологии сказки" (не обязательно именно той "морфологии", которую разработал В.Я.Пропп на материале европейской сказки), когда сочетание фольклорных мотивов находится в определенной системе, подчиненной композиционной структуре, которая является постоянной для жанра сказки, можно говорить о жанре сказки и ставить вопрос о неоригинальности текста.^X

^X А именно так и ставит вопрос В.Эберхард, считавший Девя Мэя "собирателем" рассказов, включенных в коллекцию "О чем не говорил Конфуций".⁹⁾

1) Вяч. Вс.Иванов, В.Н.Топоров, К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале), - *Sign, Language, Culture*. The Hague, Paris, p. 322.

2) Т.К.Шрюок, *The Origin and Development of the State Cult of Confucius*. N.Y., 1960.

3) Д.С.Васильев, *Культы, религии, традиции в Китае*. М., 1970, с. 131.

4) Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров, *Славянские моделирующие семиотические системы*. М., 1965, с.189.

5) R.Grembo, *Guilt and Punishment in Norwegian Legends*. - *Fabula*. II Band, Heft 3. 1970, p.269.

6) W.Eberhard, *A Study of Ghosts Stories from Taiwan and San Francisco*. - *Asian Folklore Studies*. Tokyo, 1971, vol. XXX, N 2.

7) O.Blehr, *The Analysis of Folk Belief Stories and its Implications for Research on Folk Beliefs and Folk Prose*. - *Fabula*, 9 Band, Heft I-3, p. 259.

8) W. Eberhard, *Typen Chinesischer Volksmärchen*. - *Folklore Fellows Communications*. N 120. Helsinki, 1937.

9) W.Eberhard, *Die Chinesische Novelle des 17-19. Jahrhunderts (Eine Soziologische Untersuchung)*. 1948. Verlag Artibus Ascona (Schweiz).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С.И.Баяевский

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ПЕРСИДСКИХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ

Средневековая персидская лексикографическая литература, насчитывающая свыше 200 сочинений, значительная часть которых дошла до нашего времени, предоставляет исследователю редкую возможность проследить последовательно совершенствование методов словарной работы на протяжении тысячелетия.

Основные принципы составления персидского толкового словаря (фарханга), а именно: разделение лексического материала на главы, алфавитный принцип, определяющий как выделение глав, так и порядок их следования, иллюстрирование толкования документированными стихотворными примерами — были введены в персидскую лексикографию уже автором "Дугат-и фурс" — самого раннего из сохранившихся фархангов, поэтом XI в. Асади Туси. Автор "Дугат-и фурс" был, вероятно, первым персидским лексикографом, расположившим толкуемые слова по одному — алфавитному — принципу; эту заслугу Асади Туси отметил его последователь, лексикограф XIV в. Мухаммад Хиндушах Нахчивани. При построении словаря Асади Туси взял за основу последнюю букву толкуемых слов.

Построение словаря по последней букве вокабулы было основным структурным принципом для персидских фархангов раннего периода, который условно можно определить XI—XIV вв. Этот принцип находился в прямой связи с основным назначением раннего фарханга — быть словарем-справочником для чтения поэтических произведений. Со-

ставляемые, как правило, поэтами и предназначенные главным образом для поэтов, фарханги, включая лексику поэтических произведений, воспроизводили структурный принцип диванов - сборников стихов, где стихотворения, внутри разделов, следовали в алфавитном порядке конечных букв рифм.

Точно повторила структуру "Дугат-и фурс" - 21 глава, выделенная по последней букве - ранний фарханг "Миййар-и Джамали" (XIV в.) и, позже, "Даниш-наме-йи Кадар-хан" (XV в., 22 главы). Этот же принцип положен в основу и некоторых более поздних словарей, толкующих лексику отдельных литературных произведений, в частности, большой словарь к "Бустану" Саади - "Гуддесте-йи фарханг-и Бустан" (XVII в.) и краткий "глоссарий малоупотребительных слов у Саади" - "Хал-и дугат-и шейх Саади".

Уже один из первых фархангов, следующих за "Дугат-и фурс", а именно словарь "Сихах ал-фурс", составленный в 728/1328 г. Мухаммедом Хиндушахом Нахчивани, ввел в лексикографическую практику более совершенный структурный принцип: главы, выделенные соответственно последней букве вокабулы, подразделены на разделы соответственно первой букве толкуемых слов. Мухаммад Хиндушах упорядочил расположение вокабул и внутри разделов: они следуют в алфавитном порядке вторых и третьих букв.

Принцип построения словаря по последней букве, образующей главы (баб), разбиты на разделы (фасл) по признаку первых букв, нашел, однако, продолжение только в отдельных лексикографических трудах. Это фарханг XVII в. "Фараид ал-фаваид" и еще несколько словарей к отдельным литературным произведениям: к поэме Джалал ад-Дина Руми - "Шарх-и дугат и Маснави" (XVI в.) и к "Гулистану" Саади - "Фарханг-и Гулистан" (XVII в.).

С XV в. этот принцип прочно сменяется новым: персидские лексикографы строят словник, руководствуясь первой буквой толкуемых слов; внутри глав вокабулы следуют по разделам в алфавитном порядке соответственно последним буквам. Введение этого принципа правомерно, по-видимому, связать со словарем середины XIV в. "Дастур ал-афазил" и близким к нему по времени "Фарханг-и Зафар-гуя ва Джахангуйа". Все последующие лексикографы следовали неуклонно этому новому порядку. Для персидских фархангов XV-XVI, тем более последующих веков, характерны рост объема толкуемой лексики (ср., например: "Дугат-и фурс" - 1700 вокабул, "Миййар-и Джамали" - 1600 вокабул, в словаре XVI в. "Тухфат ас-саадат" ок.

14000 толкуемых слов) и значительное расширение состава этой лексики - включение многоязычных слов, диалектизмов, разговорной лексики, фразеологии. Последовательное расположение слов по их начальным буквам обеспечивало более быструю и надежную ориентацию для пользующегося фархангом.

Вторичным структурным признаком при организации лексического материала - при ведущей первой букве - лексикографы избрали конечную букву толкуемого слова. Так построены многие известные крупные фарханги: "Нараф-наме-йи Ахмад Мушйари" (XV в.), "Тухфат ал-ахбоб" (XVI в.), "Мушйид ал-фузала" (XVI в.), "Мадар ал-афзали" (XVI в.), "Фарханг-и Мирза Ибрахим" (XVI в.), "Тухфат ас-саадат" (XVI в.), "Мадиме ал-фурс Сурури" (XVII в.), "Кашф ал-лугат ва-д-истилахат" (XVII в.), "Хафт кулзум" (XIX в.), а также словарь к "Маснави" Джалаал ад-Дина Руми - "Датаиф ал-лугат" (XVII в.).

С середины XVII в. словник в фархангах строится на последовательном учете начальных букв слова: первой, второй и т.д. По этому принципу построен уже самый обширный толковый словарь XVII в. "Бурхан-и кети" (1652 г.), насчитывающий 20 000 слов, и составленный годом позже словарь "Фарханг-и Рашиди". Этот метод построения словаря, продолженный фархангами "Чираг-и Хидайат" (XVII в.), "Гийас ал-лугат" (XIX в.) и "Фарханг-и Андарадж" (XIX в.), становится обязательным для персидских толковых словарей XIX в. Интересно, однако, заметить, что первый опыт такого близкого к европейскому - построения словника (по первой и второй буквам) имел место в персидской лексикографии уже в начале XV в.: так построен в первой своей части, содержащей толкования простых слов, фарханг "Адат ал-фузада" (1419 г.).

Совершенно особое место с точки зрения структуры занимает в истории персидской лексикографии словарь XVII в. "Фарханг-и Джахангири". Автор его построил словник, насчитывающий около 7000 слов, ориентируясь на вторую букву вокабулы; внутри глав, обретенных по второй букве, толкуемые слова расположены относительно первой буквы. Распространения этот сложный принцип не имел, однако сам словарь "Фарханг-и Джахангири" занимает почетное место в персидской лексикографии: его, как один из самых авторитетных и полных словарей, учитывают все последующие лексикографы. Оригинальный структурный принцип, проведенный "Фарханг-и Джахангири", был повторен лишь одним из лексикографов XVIII в. в малоизвестном словаре "Бурхан-и джаме".

Алфавитный принцип был, безусловно, главенствующим в практике составления персидских толковых словарей. Можно отметить только одно отступление от него — это один из фархангов XIV в. "Фохр-и Каввас", построенный по тематическому признаку. Словарь "Фохр-и Каввас" делится на пять частей (бахш) соответственно пяти темам: 1) то, что на небе, 2) земля, 3) растения, 4) животные, 5) то, что сделано человеком. Эти пять тематических частей делятся в свою очередь на главы (гуне), также по темам; так, в I-й части содержатся главы: об именах бога, об ангелах, о небе и звездах и др.; в 3-й части: о травах, о цветах, о деревьях и пр. Этот опыт, напоминающий древние словари и списки идеограмм (шумерские в аккадском, арамейские в среднеперсидском) хорошо известный в лексикографии многих народов (в том числе в арабской), в персидской лексикографии позднее повторения не нашёл. Но и алфавитный принцип, оставаясь ведущим, нередко сочетался в фархангах с другими структурными элементами.

Наблюдения над сложным словарным составом персидского языка побуждали составителей фархангов к поиску средств классификации материала и его лексикографической трактовки. Не владея ещё системой помет и гнездовым способом построения словарной статьи, персидские лексикографы с начала XV в. практикуют нередко классификацию толкуемых слов по языковому признаку, раздельно помещая арабские, персидские и тюркские слова. Осуществляется и более сложная классификация по лексикологическому и грамматическому принципу. Новатором в этой области выступил составитель словаря "Фарханг-и Зафангуйа"; по оригинальности построения этот фарханг занимает особое место в персидской лексикографической традиции.

Словарь "Зафангуйа" разбит на семь частей (бахш). В трёх из них толкуются арабские, тюркские и греческие заимствования, составляя, по существу, отдельные словарики. Остальные части классифицируют собственно персидскую лексику: слова простые, слова сложные, в отдельную часть выделены инфинитивы.

Стремление классифицировать лексику проявилось и в другом фарханге начала XV в., "Адат ал-фузела"; словарь разбит на две части (кисм); первая из них разъясняет простые слова, вторая — словосочетания и выражения.

Выделение иноязычных, прежде всего арабских и тюркских заимствований в виде структурно обособленных частей внутри фарханга можно наблюдать и в нескольких других словарях XV—XVI вв., в

частности, в таких известных лексикографических трудах, как "Шараф-наме-йи Ахмад Муниари", "Муеййид ад-фузала", "Мадар ад-фазил". В словаре к "Гулистану" Саади выделена особо встречающаяся в тексте произведения турецкая лексика. В двух других больших толковых словарях - "Тухфат ас-саедат" и "Фарханг-и Рашиди" - проведена собственно лексикологическая классификация: каждый из разделов делится на два подраздела, где толкуются простые слова и словосочетания.

Фразеологические и идиоматические выражения иногда выносились составителями за пределы глав, в своеобразное приложение к словарю. Первый опыт такого рода опять-таки можно наблюдать в "Фарханг-и Зафангуей", приложение к которому составляет краткий словарик фразеологизмов. Подобного же рода приложения - метафорических и идиоматических выражений - есть и в более поздних словарях, например, в известных фархангах "Тухфат ал-ахбаб" и "Маджа ал-фурс" (Сурури). Встречаются и иные приложения; в приложении к словарю "Адат ад-фузала" даны арабские фразы из "Гулистана" Саади, в "Мадар ал-афазил" - свод некоторых грамматических правил; целую систему приложений разработал для своего словаря автор "Фарханг-и Джахангири". Приложение к "Фарханг-и Джахангири" состоит из пяти самостоятельных глоссариев, где толкуются:

1) метафоры и поэтические термины, 2) сложные слова, образованные из персидских и арабских слов, 3) слова, содержащие одну из характерных арабских букв, 4) слова "зендские" и "пезендские", 5) слова иноязычные: турецкие, индийские, греческие. Есть приложение и у словаря "Бурхан-и кати", включающее пояснения к словам иноязычным и именам собственным.

Количество глав в персидских фархангах варьирует от 20 до 31, в зависимости от варианта алфавита, положенного в основу. Ранние словари содержат обычно 20-24 глав (в ранних фархангах чаще всего опущены буквы, характерные для арабских слов:

ع, ط, ظ, ض, ص, ح, ث. Дополнительные буквы, введенные в арабский алфавит для персидского языка (پ, چ, ژ, گ), объединяются с предшествующими им буквами в одну главу; так, слова на па толкуются в главе на ба, слова на чим в главе джим, и т.д. В поздних словарях персидский алфавит в реестре глав соблюдается более последовательно.

ОПЫТ ВЫДЕЛЕНИЯ КЛАССОВ СЛОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ II—У вв.

С ПОМОЩЬЮ СИНТАКСИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ
(на материале сутры Бай ий цзин) ¹⁾

Цель работы — попытаться выделить в китайском языке II—У вв. разряды слов, различающиеся между собой по грамматическим признакам.

Работа выполнена на материале сутры Бай ий цзин. Выбор источника определялся близостью языка произведения (У в.) к разговорному языку того времени, а также некоторой филологической обработанностью памятника и наличием описания его грамматических особенностей. ²⁾

Предлагаемая нами классификация основана на синтаксическом критерии, который мы понимаем как реализацию лексико-грамматических свойств слова в синтаксических связях слов в предложении и словосочетании. Такой подход к проблеме выделения частей речи был предложен еще в 1937 г. известным китайским лингвистом Лу Чжи-вэем, который, основываясь на наиболее характерной функции слова, распределил по частям речи однословную лексику пекинского диалекта. В советском Китае подобным критерием выделения частей речи пользовался А.А.Драгунов (применительно к современному китайскому языку) ³⁾ и С.Е.Яхонтов (на материале древнекитайского языка). ⁴⁾

Для исследователя, занимающегося выделением классов слов в языке II—У вв., трудность заключается в том, что в языке этого времени большинство слов выступает во многих функциях. Разрешить эти трудности можно, если учесть два момента: 1) для определения принадлежности слова к части речи следует принимать во внимание не единичную функцию, а совокупность функций, возможных для данного слова; 2) среди функций следует различать главные и второстепенные, ибо только главные, "диагностические" функции позволяют отличить слова одного класса от слов другого.

Для распределения по частям речи знаменательных слов исследуемого памятника надлежит осуществить несколько операций.

Первая операция состоит в том, чтобы установить список функций и конструкций, в которых могли употребляться знаменательные слова, для чего необходимо обратиться к структуре предложения

в языке исследуемого памятника.

Как и в древнекитайском языке, предложение состоит из двух основных частей - группы подлежащего (подлежащее с определениями к нему) и группы сказуемого (сказуемое и подчиненные ему слова):

愚人食鹽 'Дурак ел соль'.

Группа подлежащего может отсутствовать, тогда предложение начинается с группы сказуемого: 不知避去 'Он/ не догадался убежать'.

В начале предложения перед подлежащим может стоять слово, обозначающее время: 昔有愚人 '...Некогда жил-был дурак...'

Подлежащее могло обозначать действующее лицо (愚人食鹽 'Дурак ел соль'.) или носителя качества (尾何以白? 'Почему хвост белый?').

Сказуемое могло быть бессвязочным, или предикативным (二子分財 'Два сына делили богатство'; 尾何以白? 'Почему хвост белый?') и связочным; в качестве связки встречается как морфема 是, так и старая глагольная связка 为 (我是汝妻 'Я есть твоя жена'; 共为夫妇 'Вместе они стали мужем и женой.').

Бессвязочное сказуемое может быть простым и сложным. Простое сказуемое выражается одним словом (見之 'увидел это'; 王...即大怒 'Правитель ... тотчас очень разгневался'; 賊盡持去 'Все унесли воров'.⁵⁾). Сложное сказуемое состоит из двух слов (我當飲之 'Я должен выпить ее'; 其難得 'Такое редко встречается'; 願吾為我削 'Прошу разрешить мне побрить тебя').

В качестве первой части сложного сказуемого употребляются слова 當 'быть должны', 得 'мочь', 能 'мочь', 肯 'желать', 願 'желать' и др. Некоторые слова из числа употребляющихся как первая часть сложного сказуемого могут выступать и как самостоятельное сказуемое (願但教我 'Хочу лишь, чтобы ты научил меня').

Бессвязочное сказуемое может иметь различные дополнения, как беспредложные, так и с предлогом. Беспредложное дополнение может обозначать объект, который изменяет свое состояние под влиянием направленного на него действия (療衆生 'лечить все сущее'), объект мысли, чувства или адресат речи (人聞其語 'человек услышал эти слова'; 習其速食 'Он привык, что тот быстро ест'; 白王 '... сказал правителю ...), наконец, такое дополнение может обозначать место (入地獄 'попал в ад').

После бессвязочного сказуемого может стоять обстоятельство времени, обозначающее длительность действия⁶⁾ (經七日 'прошло семь дней').

Дополнение может также вводиться с помощью различных предлогов.⁷⁾

Особое место среди членов предложения занимает дополнительный член. Дополнительный член заключает в себе другое название лица, обозначенного подлежащим или дополнением (各地弟兄 'называл другого братом'), или указывает, во что превращается подлежащее или дополнение в результате действия (燒之作炭 'снег, превратив в пепел'), - такой дополнительный член зачастую трудно отличить от именной части сказуемого; дополнительный член может также обозначать постоянный признак, возникающий у подлежащего или дополнения в результате действия, вырезанного сказуемым (詐現清白 'притворился чистым и добрым'; 云何得清 'как сделать холодным'). Дополнительный член почти всегда обязателен, если сказуемое обозначает побуждение к действию (請靈源泣 'просил докторе подечить его').

Наконец, существуют три разновидности определения: 1) определение к подлежащему и дополнению (白身 'белая лошадь'; 多子 'много сыновей'; 體乳 'одиное молоко'; 後世 'будущая жизнь'), 2) определение к предикативному сказуемому, которое также называют обстоятельством; оно может обозначать место действия - обстоятельство места (上下著板 'сверху и снизу наложили доски'; 市得一矢佳 'Он/ достал на базаре фазана'); время действия - обстоятельство времени (夜半中喚 'ночью он стонал'; 秋果熟 'Осенью поспели плоды'), признак или способ совершения действия - обстоятельство образа действия (王甚暴虐 'Правитель очень жесток'; 永失其善 'навсегда пропадет его совершенство'; 口誦乘船法 'скандировал /букв. ртом произносил / законы выхода в открытое море'); существует также обстоятельство отношения (心歡喜 'душой обрадовался'; 王眼目閉 'Правитель моргает глазами); 3) определение ко всему предложению: сюда в первую очередь относятся отдельные слова и словосочетания со значением времени, стоящие в начале предложения; кроме уже упомянутого 昔 'прежде', в такой функции употребляются слова 時 'тогда', 往 'давно', 過去 'некогда в прошлом' и др. По смыслу к предложению в целом относятся слова, выражающие модальность (果 'в самом де-

ле', 有, 'непрерывно', 反 'напротив' и др.). Поскольку нет формальных оснований считать эти слова определениями к предложениям, то мы называем их просто обстоятельственными словами, понимая под этим термином как определения 2-го, так и определения 3-го типов.

Специально следует охарактеризовать предложения с глаголом 有 'иметь'. Вслед за А.А. Драгуновым⁸⁾ мы будем считать, что среди предложений с 有 в исследуемом памятнике выделяются предложения наличия и предложения обладания: у первых исходным пунктом является обстоятельство места (前有大河 'Вперед - большая река'), у вторых - название предмета, обычно совпадающее с подлежащим (我有金钱 'у меня есть / букв. я имею деньги'). Но если в современном китайском языке слово, стоящее после 有 в предложениях наличия, считают зависимым подлежащим, то для языка исследуемого памятника мы условимся, что и в предложениях наличия, и в предложениях обладания слово, стоящее после 有 и обозначающее предмет, будем считать дополнением (таким образом и 河 'река', и 金钱 'деньги' - дополнения).

Вторая операция заключалась в составлении картотеки знаменательных слов исследуемого памятника, в которой при каждом слове указаны все функции, в которых данное слово встретилось в памятнике.

Третья операция состояла в объединении слов с одинаковым набором основных функций. В результате последней операции получаем 6 групп (классов) слов, каждая из которых характеризуется своим набором функций. Слова, входящие в каждую из групп, имеют общее грамматическое значение.

Полученные группы, или классы слов следующие:

I. Слова, обозначающие действия, для которых главной является функция сказуемого без связки; кроме того, они отмечены как вторая часть сложного сказуемого и дополнительный член. Для некоторой части слов этой группы главной является функция первой части сложного сказуемого (эти последние можно выделить и в отдельную группу).

II. Слова, обозначающие качества, для которых главными являются функции бессвязочного сказуемого и определения к подлежащему и дополнению. Слова этой группы часто выступают как определения к бессвязочному сказуемому. Они также встречаются в функции дополнительного члена, обозначающего постоянный признак.

III. Слова, обозначающие предмет в широком смысле, для которых главными являются функции подлежащего, дополнения, именной части сказуемого. Иногда эти слова выступают как обстоятельства (места, времени, отношения). Они встречаются в функции дополнительного члена, "похожего" на именную часть сказуемого.

IV. Слова, обозначающие характеристику действия или качества, для них характерна только одна функция - определение к сказуемому или к предложению в целом.

V. "Послелог", для которых основными являются функции обстоятельства места или времени, а также определения к подлежащему или дополнению. Как обстоятельства места и времени они выступают также, сочетаясь со словами III группы (последние являются определениями к ним).

VI. Слова, обозначающие число, выступают как различные определения и обстоятельства.

1) Статья представляет собой сокращенное изложение одного из разделов выполненной нами монографии "Классы слов в китайском языке II-V вв."

2) Нами выполнен комментированный перевод сутры Бэй вэй цзинь, а также составлен полный указатель слов и выражений, встретившихся в памятнике. Характеристика памятника как литературного произведения дана Л.Н.Меньшиковым во вступительной статье к нашему переводу (работа сдана в печать в 1971 году). Основные грамматические особенности памятника описаны в работе: И.С.Гуревич, Очерк грамматики китайского языка II-V вв. М., 1974 (далее: Гуревич, Очерк грамматики...).

3) См.: А.А.Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, М.-Л., 1952.

4) См.: С.Е.Яхонтов, Части речи в древнекитайском языке, - "Вестник ЛГУ", № 14, серия ИЯЛ, вып.3, Л., 1960, с.113-124.

5) См.: С.Е.Яхонтов, Категория глагола в китайском языке. Л., 1957, с.67 (далее: Яхонтов, Категория глагола...).

6) Яхонтов, Категория глагола..., с.27.

7) См.: Гуревич, Очерк грамматики..., с.143-164.

8) А.А.Драгунов, К вопросу о классификации простых предложений современного китайского языка, сб. "Некоторые вопросы китайской грамматики", М., 1957, с.21.

И.М.Дунаевская

ВЫЯВЛЕНИЕ ИЕРАРХИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК СРЕДСТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАБЫТЫХ ЯЗЫКОВ

Данное сообщение посвящено "технологии" интерпретации забытого языка. Речь идет именно об интерпретации, а не о дешифровке, потому что подразумевается язык, письменность которого уже известна по ставшим доступными ранее памятникам другого языка.

Один из крупных специалистов по истории и теории дешифровки забытых языков и письменностей И.Фридрих сказал: "Из ничего нельзя ничего дешифровать", т.е. нужны какие-то, хотя бы косвенные данные, комбинируя которые можно подступиться к незнакомой письменности. Перефразируя эти слова, мне хотелось бы сказать: "Из ничего нельзя ничего интерпретировать", т.е. опять-таки нужны какие-то, хотя бы косвенные, данные, комбинируя которые можно было бы подступиться к интерпретации незнакомого языка, языка мертвого, забытого, сохраненного до нашего времени древнеписьменными памятниками. В этом смысле мы могли бы даже говорить о комбинаторном методе, уже не дешифровки, а интерпретации.

Чем располагали исследователи, приступая к работе над хаттским языком?

Около 150 клинописных текстов, в подавляющем большинстве мелкие фрагменты, часто без начала и конца или с отломанными начальными или конечными частями строк. Все тексты - культовые. Будучи однородными по назначению, они однообразны также по содержанию и лексике, в известной мере и по грамматическим формам.

Поскольку процесс чтения как такового, без понимания, не вызывает здесь особых затруднений (тем более, что хаттские тексты, по счастью, имеют словоделение), то и сколько-нибудь явно выраженное родство с известными языковыми семьями было бы вскоре обнаружено, как это случилось с хеттским-неситским и лувийским, которые оказались индоевропейскими.

Среди полоторасте текстов на хаттском языке имеется несколько билингв. Без этих двуязычных хаттоко-хеттских текстов мы бы, вероятно, вообще никогда ничего не поняли бы в хаттском. Ведь и сегодня, в итоге 60 лет изучения, нельзя понять ни одного хаттского текста, не снабженного переводом в древности, так что и после трудов ряда ученых, прежде всего Форрера, Ларона и Камменкубер, хаттский язык и ныне предстает перед нами как "глокая куздра", т.е. как язык, в грамматические отношения которого в какой-то мере удалось проникнуть, хотя лексика его остается преимущественно непонятной.

Не буду здесь говорить о том, как проводилось сравнение параллельных хаттских и хеттских контекстов, как отождествлялись отдельные хаттские слова с хеттскими, как выявлялись хаттские имена и глаголы, как путем сопоставления хаттской версии билингв и хеттских одноязычных текстов с привлечением разнообразных комбинаторных соображений удалось выявить довольно большое количество бесспорно глагольных форм.

Особый интерес представляли те глагольные формы, в которых основе предшествовал длинный ряд показателей - префиксов; к тому же такие формы благодаря их характерному виду легче отличить от имен. Возникла надежда, что именно эти глагольные формы позволят понять грамматические связи, существующие в хаттском предложении.

Но как следовало подступиться к этим глаголам? Здесь помогла носившаяся в начале 50-х годов "в воздухе" идея строгой последовательности грамматических показателей как универсалии. Эта идея легла в основу эмпирических попыток Свайзера понять строение хурритского языка (E.A. Speiser, *Introduction to Hurrian*, 1941г.). Значительно позднее, в 1969 г., И.Дж.Гельб не только применил соответствующую методику для реконструкции протоаккадского языка, но и обосновал такое применение теоретически (I.J. Gelb, *Sequential reconstruction of Proto-Akkadian*).

В 1952 г., еще не зная работ Свайзера, я решила воспользоваться указанной идеей, чтобы "укатегорить" многочисленные показатели хаттского глагола. Я стала выяснять последовательность их размещения по отношению к основе и друг к другу, которая вовсе не была очевидной, так как в каждой конкретной глагольной форме из 7 принципиально возможных префиксов обычно присутствует одновременно не более 2 - 3, а больше 4 вообще не бывает.

Техника комбинаторного анализа сводилась к следующему. Выбрались префиксы, которые пусть в разных глаголах, но встречаются в сочетаниях б + а или а + основа (префиксы здесь обозначены буквами русского алфавита в направлении от основы к началу слова); сопоставление этих сочетаний позволило установить место префикса а относительно префикса б и основы; затем определялось место префикса б поском сочетаний б + а и в + б; это дает нам последовательность префиксов б + а + основа, и т.д.

Иными словами, для установления последовательности префиксов необходимо, чтобы каждый префикс был представлен совместно с префиксом, непосредственно предшествующим ему по месту, или с префиксом, непосредственно следующим за ним. Если такие сочетания не обнаруживаются, то место в цепочке может быть определено только приблизительно, т.е. "не ближе такого-то места от основы" или "не дальше такого-то места от нее"; иногда оказывается, что материал дает только одну из этих координат: либо "не ближе", либо "не дальше".

Есть немногочисленные примеры взаимных перестановок префиксальных показателей. Если сопоставить это явление с аналогичной структурной ситуацией в адыгейском (письменном) языке, то оказывается, что там в одних случаях такого рода колебания в пределах 2-3 смежных позиций могут не менять значения глагольной формы, а в других оказываются связаны с выражением залоговых значений. Что это в хаттском, сказать пока нельзя. Важно, что доля слова на сегменты, вычленимые соотносительно (первоначально без учета их значения), мы не рискуем "потерять" форманты, на которые нам не дает прямых указаний перевод, сделанный на язык другой системы.

В результате исследования глагольных форм при помощи описанного приема выяснилось, что в хаттском языке постоянная последовательность глагольных префиксов проявляется в том, что они располагаются цепочкой, причем позиция может быть либо свободна, либо занята. Занимать эту позицию может либо один и тот же префикс, либо разные префиксы альтернативно.

Полученная картина имеет поразительное - и принципиальное - сходство с описанием, предложенным в 1941 г. Н.Ф.Яковлевым и Д.Амхамфом для адыгейского языка (Грамматика литературного адыгейского языка, с. 353): "На наших схемах дается максимальный состав личных и др. префиксов, какой только может существовать в адыгейском языке при данном залоге. В действительности в отдельных глагольных формах префиксов будет значительно меньше....."

сколько бы глагольных префиксов ни было в наличности в данной форме глагола, порядок этих наличных префиксов всегда остается таким же, каким он был бы и в максимально-возможной, наибольшей по числу префиксов форме. Это позволяет разбирать по приведенным схемам порядок расположения префиксов в любой глагольной форме, независимо от их числа. При этом необходимо только вычеркнуть в приведенной схеме те префиксы, которые по смыслу отсутствуют в разбираемой глагольной форме. Оставшиеся префиксы и будут указывать тот порядок их расположения, который мы в ней найдем⁴.

От установления позиции хаттских глагольных префиксов стало возможно перейти к изучению значения префиксов, закрепленных за определенной позицией. Это позволило во многих случаях выяснить грамматические значения, которые не удавалось установить простым сопоставлением хаттских и хеттских глагольных форм.

Здесь следует заметить, что полнота успеха комбинаторной методики, примененной к изучению хаттского, и выявившееся сходство структуры глагольных показателей хаттского и адыгейского могут отчасти быть связаны с тем, что хаттский язык оказался агглютинативным (не нужно, однако, упускать из виду, что категории лица и числа, выраженные адыгейскими глагольными префиксами, в хаттском глаголе отсутствуют).

Однако в процессе дальнейшей работы появились новые трудности: оказалось, что одни и те же локативные показатели хаттского глагола, которые, как представлялось, должны были бы встречаться в одной позиции, на самом деле систематически появлялись в двух, а при некоторых основах даже в трех позициях. Анализ этой ситуации показал, что указанное противоречие является кажущимся, так как постоянство позиции грамматических показателей сочетается с подчинением одних показателей другим (локативных показателей субъектным, объектным и т.п.), а локативные префиксы, стоящие перед основой, вообще оказались словообразовательными элементами (превербами).

Таким образом, было выявлено иерархическое деление хаттских префиксов и была уточнена структура префиксальных цепочек, которые состоят из смежных групп, включающих взаимосвязанные в пределах группы показатели.

ИЗ ПЯТОЙ ЧАСТИ "КИТӀБ АЛ-МУНТАМИЛ"
(гл. IV и V).¹⁾

В опубликованных ранее статьях нами была сделана попытка определить специфические черты во взглядах караимского филолога первой половины XI века Абу-л-Фараджа Харуна ибн ал-Фараджа, и выявить такие положения в его сочинениях, которые отсутствуют в произведениях других грамматистов. В настоящей заметке сопоставляются некоторые разделы неопубликованного сочинения Абу-л-Фараджа Харуна "КитӀб ал-мунтаamil" (1026 г.)²⁾ с аналогичными главами в известном сочинении Абу-л-Валида Мервана ибн-ДжанӀха "КитӀб ал-лума"³⁾, написанном, очевидно, через 12-15 лет после "КитӀб ал-мунтаamil".³⁾

Речь идет о тех главах сочинений Абу-л-Фараджа Харуна и Ибн-ДжанӀха, в которых рассматривается порядок слов в предложениях, и "слова, в которых перемещены согласные, но значение которых при этом не изменилось". В начале четвертой главы 5-й части "КитӀб ал-мунтаamil" Абу-л-Фарадж Харун говорит, что арабские ученые (имеется в виду, возможно, Сибзвейхи) установили 14 случаев, когда перестановка слов в предложении недопустима. Далее автор указывает, что в древнееврейском языке таких случаев девять и в девяти параграфах излагает и комментирует те синтаксические конструкции, в которых перестановка слов недопустима. Таких положений в сочинении Ибн-ДжанӀха мы не нашли.

4-я глава "КитӀб ал-мунтаamil" завершается двумя подразделами, в которых автор разбирает случаи, когда перестановка слов во фразах Ветхого Завета желательна и даже необходима. Абу-л-Фарадж Харун объясняет перестановку слов в соответствующих фразах, исходя из "общепринятых норм" языка. Например: порядок слов во фразе *וַיִּשְׁמַע יְהוָה בְּקוֹל יִשְׂרָאֵל* (Ное I4,3) 'прости всякое беззаконие' должен быть, по его мнению, таков: *יִשְׂרָאֵל וַיִּשְׁמַע יְהוָה*, ибо, как он полагает, "частица" *וַ* не может находиться перед глаголом, а может стоять только перед именем. Абу-л-Фарадж Харун перечисляет более двадцати фраз из Ветхого Завета, где необходимы перестановки слов.

Ибн-Джанāх посвящает вопросу о желательных и необходимых перестановках слов во фразах Ветхого Завета вторую половину 31-ой главы и всю 32-ю главу сочинения "Китāб ал-дума^С".⁴⁾ Он перечисляет несколько десятков случаев, когда необходимо изменить порядок слов и приводит ряд лингвистических и семантических доводов в пользу таких перестановок. При сравнении материала этого раздела "Китāб ал-дума^С" с соответствующим разделом "Китāб ал-муштамил" выяснилось, что в сочинении Ибн Джанāхе имеются лишь два примера из книги Абū-л-Фараджа: 1) *שָׁמַיִם וְאֲדָמָה אֵינָם* (Ис 16, 20) 'и заведлись черви, и [хлеб] сгнил', по мнению Абū-л-Фараджа Харūна и Ибн Джанāха, должна быть перестроена следующим образом: *אֲדָמָה וְשָׁמַיִם שָׁמַיִם*. При этом Ибн-Джанāх дает смысловой анализ этого предложения в доказательство необходимости перестановки, а у Абū-л-Фараджа Харūна доказательств в данном случае нет; 2) По мнению обоих грамматистов, фраза *וַיִּזְרַח עַל הָאָרֶץ* (Lev 14, 3) 'и вот язва прокази исцелилась у прокаженного' должна быть перестроена следующим образом: *וַיִּזְרַח עַל הָאָרֶץ* 5).

5-я глава этой же части "Китāб ал-муштамил" специально посвящена вопросу о перемещении согласных в слове при сохранении одного и того же значения (*אֶבֶן - אֶבֶן*; *עֵשׂוּ - עֵשׂוּ* и др.). Таких случаев Абū-л-Фарадж Харūн насчитывает 20. В "Китāб ал-дума^С" вопросу о перемещении согласных посвящена лишь начальная часть 31-ой главы. При сравнении материала оказалось, что соответствующие примеры сгруппированы у обоих авторов по-разному, но на 20 случаев перемещения согласных, которые имеются в "Китāб ал-муштамил", 8 встречаются в "Китāб ал-дума^С" (*אֶבֶן - אֶבֶן*; *עֵשׂוּ - עֵשׂוּ*; *אֶבֶן - אֶבֶן*; *אֶבֶן - אֶבֶן*; *אֶבֶן - אֶבֶן*; *אֶבֶן - אֶבֶן*; *אֶבֶן - אֶבֶן*; *אֶבֶן - אֶבֶן*).⁶⁾

Такое явление не может быть результатом случайного совпадения, а является, по-видимому, фактом заимствования.

Ибн Джанāх знал труды иерусалимца Абū-л-Фараджа Харūна, ибо он в "Китāб ал-дума^С" ссылается на него, хотя и не приводит имени автора по религиозным соображениям.⁷⁾ В тех разделах "Китāб ал-дума^С", о которых здесь идет речь, ссылки на "иерусалимца" отсутствуют вовсе, хотя Ибн-Джанāх заимствовал у караимского филолога большое количество примеров.

Не исключено, что Ибн-Джанāх, достигший более высокого уровня лингвистического мышления, использовал труды Абū-л-Фараджа Ха-

руна гораздо шире, чем он на это намекает, особенно в тех разделах, в которых не затрагиваются проблемы морфологии корня. Доказательством тому служит раздел о перестановке согласных. Но Ибн-Джанāх, по-видимому, воздерживаясь привлечь библейские примеры Абū-л-Фараджа Харūна, в которых необходима перестановка слов, ибо опасался упреков со стороны своего единоверца и противника Самуила Нагйда. Поэтому он построил этот раздел, почти не заимствуя примеров из сочинения караима-вероотступника.

Разумеется, наше предположение о широком использовании Ибн-Джанāхом произведений Абū-л-Фараджа Харūна должно быть подкреплено анализом произведений обоих авторов во всем их объеме.

1) Сочинение "Китāб ал-муштамил" дошло до нас в виде двух больших связок разрозненных фрагментов, хранящихся во втором собрании Фирковича. (ГПБ им. М.Е.Салтыкове-Щедрина). Фрагменты 5-ой части сочинения, в которых мы обнаружили полное оглавление, находятся в относительно хорошем состоянии.

2) О дате см.: *Revue des études juives*, № 60, 1895, p.258.

3) П.К.Кокорцов, Новые материалы... II, с. 104.

4) *Le livre des parterres fleuris, Grammaire hébraïque en arabe D'Abou'l-Walid Merwan Ibn Djanah de Gordoue, publiée par J. Derenbourg. Paris, 1886, pp.339-345.*

5) Там же, с. 339.

6) Там же, с. 337, 338.

7) W.Bacher, *Die Anfänge der hebräischen Grammatik*, ZDMG, Bd.49, s.389.

И.Т.Канева

ОРУДИЙНО-ОТЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В ШУМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Падежные отношения в шумерском языке выражаются с помощью последующих показателей. Показателем значений орудийно-отложительного падежа является послелог -та.

В составе шумерской финитной глагольной формы выступают специальные форманты, выражающие пространственные падежные от-

ношения. Эти форманты, именуемые в кумерологии "пространственными префиксами", состоят из местоименного элемента, указывающего на лицо или класс косвенного объекта, и соответствующего падежного показателя. Имена, выступившие с последним орудийно-отложительного падежа, отрываются в глагольной форме с помощью пространственных префиксов: местоименный элемент **+ta-** или **-tam-**.

2. Пространственный префикс в составе глагольной формы может заменять собой имя в соответствующем падеже. В этом случае он становится единственным показателем грамматических отношений имени и глагола (абсолютное употребление).

3. В грамматических значениях орудийно-отложительного падежа выделяются две основные сферы: I выражение орудийности; II выражение аблативных отношений.

В сфере I обнаруживаются следующие значения:

а) Орудие действия:

$\tilde{g}is \acute{s}inig \tilde{g}is \acute{y}eg$ An $\acute{u}$ -tud-ta $\acute{e}$ -ninnu im-ta-sikil-e-ne im-ta-zalag-ge- $\acute{e}\check{s}$ "Они очищают храм Эннинну какими-то растениями, которые создал Ан, они сделали его сверкающим" (Gud. Syl. B IV 10-12); galla e-ne $\acute{y}u$ -ta ba-ab-sig-sig-ge- $\acute{m}e$ - $\acute{e}\check{s}$ "Демоны избili его руками" (IDNW, UET VI 11, 56); DU-a-ni-ta a-gim ni ba-an-te "Как ты мог напугаться его приходом?" (GA 37); $\acute{d}En$ -lil-...-ke $\check{d}$ inim-gi-na-ni-ta $\acute{d}in$ -gir-su $\acute{d}Sara$ -bi ki e-ne-sur "Эниль разграницил своим справедливым словом Нингирсу и Шару". (Ent.28 I 1-7); lú-Urme ki -ra $\acute{E}$ -an-na-túm-me sa- $\acute{y}u\check{s}$ -gal $\acute{d}En$ -lil-lá e-na-sum nam e-na-ta-tar "Я, Заннатум, дал людям Уммы большую сеть Эниля (и) ею (-ta-) им поклонился (или "ею их проклял")" (Ean.I XVI 12-17).

б) Причина действия:

ama-ugu-né nam-ki- $\acute{a}\check{g}$ - $\acute{g}\acute{a}$ -ni-ta $\acute{d}Zuen$ -ra n: e- $\acute{e}\check{s}$ nam-u-un-e "Его мать-родительница из-за своей любви говорит ласково Сузну". (MNS 14, 25-26); $\acute{d}G\acute{a}$ -túm-dug nin-a-né Lagas $\check{v}ki$ uru-ki- $\acute{a}\check{g}$ - $\acute{g}\acute{a}$ -ni-ta umu- $\acute{y}u$ -ba-a mu-ni-tud-da-a "Его госпожа Гетумдуг родила его в каком-то святилище из-за (ради) Лагаша, своего любимого города" (Gud. St. F I 12-16).

в) Обозначение материала, из которого сделан предмет (чаще при выражении этого значения употребляется локативный падеж):

$\acute{e}$ -mu kur-Dilmun mu-me-a $\tilde{g}is$ $\check{v}$ $\acute{g}is$ $\check{v}$ immar-ta ba-an-tud $\acute{I}$ -si-

-ia ki kur-Dilmun nu-me-a šī^všīšimmar-ta ba-an-tud "Мой дом я соорудил из пальмы, хотя страны Дильмун не было, Ис-сини я соорудил из пальмы, хотя страны Дильмун не было" (AET 6 № 20-21 = 7,81-82).

В сфере П выделяются значения:

г) Выражение исходной точки в пространстве:

má-ta lú-má-lab₄ e-ta-šub "Он удалил от корабля молодчика" (Ukg. 5 УП 27); an-ta hé-šál ba-šu-га-ta-gin "Пусть придет к тебе с неба изобилие" (Gud. Сул.А XI 8); ama^dba-ū š-tar-sir-sir-ta Gū-dé-a nam-til nu-na-sum "мать Бау дала Гудеа жизнь из храма Этарсироп" (Gud. St.Н II 2-5); nu-sar-га-bi ab-ta-gír-a "тот, кто сотрет с нее (отупки -bta-) написанное на ней имя" (Van. 62 IУ 4); š-nig-га-za kišib ū-mi-kúr šīš ū-ma-ta-гар "измени печать в своей сокровищнице, унеси из нее (-та-) деревья" (Gud. Сул. А VI 16); nigin ... ^dšin-gír-su-ke₄ ab-ta-kú-a "сосуд ..., из которого (-та-) есть Нингирсу" (Ent. 34, 15);

д) Обозначение предмета, через который совершается движение:

nuš-zar-га-gin hur-sag-ta im-me-го-bal-bal "подобно каким-то змеям они перевалили через горы" (Lb 252); inim ū-bi-dug₄ a-ba ib-ta-bal-e "если я скажу слово, кто переступит через него (-bta-)" (Lb 103-104);

е) Паритивность:

itud-ta ud-22 ba-ta-га-zal "из месяца прошло 22 дня" (Schneider, AnOr УП 84, II-12); itud-bi ud-3-ām im-ta-zal "из этого месяца прошло 3 дня" (Gud. Сул.В II 8); (itud-bi < *itud-bi-ta); umun-e ... dim-me-er-šēš-zu-ta gaba-rī nu-tuku-ām владыка не имеет соперника из богов, своих братьев" (MNS 168, 34);

ж) Дистрибутивность:

mī-ud-bi-ta-ke₄-ne nitab-2-ta ḷ-tuku-am₆ "прежние женщины имели по два мужа", Ukg. 6 № 20-22"; 3 ma-na sig-ta i-ba-e-ne "они выдают по три мины шероти" (Gud. St. I II 78, II 2-3);

з) Аблативно-темпоральные отношения:

I) при именах существительных, обозначающих временной отрезок:

ud-ul-lí-a-ta numun-éd-a-ta

"с древних вре-

мен", отроду", (Ukg. 5 III 3-4, Gud. St. В УИ 27-28);

Ya-dug₄-ga-ta zi-mu mu-ri-tám "со вчерашнего дня я
у тебя нику опесения" (Lb I25, I29); Lugal-ma ú-tud-

da-ni-ta men-da tám-ma "мой господин предназначен
к короне со своего рождения" (ЭЛА I81);

2) при отглагольных именных формах и субстантивни-
зированных финитных глагольных формах:

é-kur é-d^dEn-líl-lá-šè tur₅-da-ni-ta igi-d^dEn-líl-
-lá-šè ir im-ma-šeg-šeg "после того как он во-
шел (войдя) в храм Экур, в храм Энлиля, он эблилал
перед Энлилем" (IDNW I80-I81); ba-gar ...im-ti-a-
-ta ninda gí^v bí-tag "после того как он подошел к
храму Бегар, он принес жертву" (Gud. Cyl. A II 7-8).

AnOr	-	Analecta Orientalia
ЭЛА	-	S.N.Kramer, Enmerkar and the lord of Arat- ta, Philadelphia, 1952.
En., Ent., Ukg.-	-	E.Sollberger, Corpus des inscriptions "roya- les" présargoniques de Lagas ^v , Geneve, 1956.
GA	-	S.N.Kramer, Gilgamesh and Agga, American Journal of Archaeology, vol. LIII.1, 1949, 1-29
Gud. Cyl. A, B	-	F.Thureau-Dangin, Les cylindres de Goudéa, Paris, 1925.
Gud. St.	-	E. de Sarsac, Découvertes en Chaldée, Pa- ris, 1884-1912.
IDNW	-	S.N.Kramer, Descent to the nether world, Journal of Cuneiform Studies, vol. V, 1, 1951, 1-17.
IDNW UET VI	-	S.N.Kramer, New textes for "Inanna's descent to the nether world. Proceedings of the Ame- rican Philosophical Society, vol. 107, 6, 1963, 511-516.
Lb	-	G.Wilcke, Das Lugalbandaepos, Wiesbaden, 1969.
MNS	-	A.Sjöberg, Der Mondgott Nanna-Suen in der sumerischen Überlieferung, I, Teil, Stock- holm, 1960.

К.К.Курдюев

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА *çûn*
В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Курдский глагол *çûn* 'идти', 'уходить', 'становиться' родственен персидскому *šodân* (древнеиранское *šyav-*), который первоначально (древнеперсидский, авестийский, среднеперсидский языки) также означал 'идти', 'уходить', а позднее стал употребляться в значении 'становиться' и активно участвовать в образовании сложномысленных глаголов с медиальным значением (перс. *mîst šodân* 'пьянеть', *rog šodân* 'наполняться', *dahel šodân* 'входить', *fâqir šodân* 'беднеть') и форм страдательного залога от переходных глаголов (*nevešte šodân* 'быть написанным', *gerefte šodân* 'быть пойманным', *xâride mîšvâd* 'продается'). В таком употреблении еще ощущается прежнее значение персидского глагола *šodân* - движение или переход из одного состояния в другое. Примечательно, что в ранненовоперсидском в образовании форм пассива выступал, наряду с *šodân*, и глагол *amšadân* 'приходить'. В курдской диалекте багдинани для *çûn* представлены варианты *çivîn civîn*, в зеза и гурани - *şîn* (осн. наст. вр.). Можно полагать, что эти формы отражают тот же древнеиранский прототип *šyav-* (ср. осет. *sâwun*, хорезм. *çiya-*, афг. *šwal /swal*, турк. *saw-*, орм. *saw-*, сак. *tsu-* и т.д.).

Вариант с начальным *ç-* от той же основы в курманди выступает в глаголе *çivandin /şandin* 'посылать', 'отправлять'; в сорани ему точно соответствует *çewandin*. Учитывая соответствие *ç(iv)andin/çewandin*, нет основания возводить этот глагол к древнеиран. *šam-* 'отправлять', 'послать'. Он представляется нам как образование от вариантной основы глагола *çûn* / посредством суффикса каузативности *-an* от основы *çiv-/çew-* (*çivan*, *çewan*) / и, вероятно, первоначально означал 'заставить идти', 'заставить уходить'.

В плане историческом глагол *ç(iv)andin* и его диалектный вариант *çewandin* являются производными. (Не учитывая эту воз-

возможность объяснения глагола *şandin*, И.И.Цукерман относил его к производным глаголом.¹⁾

2. Выступая в качестве компонента сложного глагола, *şîn* может выражать переход из одного состояния в другое или перемещение в пространстве, как и перс. *šodān*, ср.: *hevtaş şîn* 'подниматься', *der şîn* 'выходить', *berjêr şîn* 'спускаться', *reşda şîn* 'продвигаться', *reşda şîn* 'отодвигаться'. Однако, в отличие от персидского *šodān*, курд. *şîn* служит для выражения значений направленности, а также завершенности прошедшего действия. На эти особенности *şîn* следует прежде всего обратить внимание специалистов.

Так, глагол *firîn* 'летать' (вообще) в сочетании с *hatin* (*firîn hatin*) означает 'прилететь', а в сочетании с *şîn* (*firîn şîn*) 'улететь'. На эти явления в курманджи обратила внимание Ю.Ю.Аваляни. Рассматривая сочетания ряда глаголов с *hatin* и *şîn*, она пришла к выводу, что *hatin* служит для выражения значения приближения, а *şîn* - для выражения удаления.²⁾ С этим выводом можно согласиться лишь с некоторыми оговорками.

Глагол *şîn* употребляется в парном сочетании с переходными и непереходными глаголами, среди которых встречаются глаголы движения, состояния и действия. Если внимательно проследить значения *şîn* в парных сочетаниях, то обнаруживается, что значение удаления он выражает лишь при немногих глаголах движения или перемещения в пространстве. Что же касается глаголов речи, состояния и других глаголов действия, то при них *şîn* в речи простого прошедшего времени подчеркивает, что действие (или состояние) завершилось в прошлом, до момента речи.³⁾ (Аналогично употребляется глагол *şudan* в таджикском языке, ср.: *Borovikov bo telefon gap zada şud*, *az sari stol kest* "Боровиков, кончив говорить по телефону, встал из-за стола").⁴⁾

Приведем некоторые примеры:

а) *şîn* в сочетании с глаголами речи:

min got şî 'я (уже) сказал'; *me gazî wî kir şî* 'мы (уже) позвали его'; *ewan şiro kir şî* 'они (уже) разъяснили'; *me gilî kir şî* 'мы (уже) рассказали'; *me pîra kir şî* 'мы (уже) спросили'; *we heber da şî* 'вы (уже) говорили' и т.п.

б) *şîn* в сочетании с глаголами состояния:

goşt keliya şî 'мясо (уже) сварилось' (ср. *goşt keliya*

'мясо сварилось'); *berf helfya çû* 'снег (уже) растаял' (ор. *berf helfya* 'снег растаял'); *gumê xirab bû çû* 'село (уже) разорилось'; *ew ji hal ke çû* 'Он (уже) выбился из сил'; *wala wî xirab bû çû* 'Он (уже) разорился'; *roj hilhat çû* 'солнце (уже) поднялось' и др.

в) *çûn* в сочетании с переходными глаголами, выражающими различные действия:

Min hesp bir çû (PK 18) 'я (уже) увел лошадь'; *min kitêb xwend çû* 'я (уже) прочел книгу'; *nalbend hesp nal kir çû* 'кузнец (уже) подковал лошадь'; *me xanf çêkir çû* 'мы (уже) построили дом'; *min name nivîsî çû* 'я (уже) написал письмо'; *min av vexwer çû* 'я (уже) выпил воду'; *ewî got çû* 'он (уже) сказал' и др.

Глагольная форма *nivîsî çû* внешне - по структуре и составным элементам - совпадает с перс. *nevešte šod*. Однако по значению они расходятся: *nevešte šod* означает "написан" (Pass.), тогда как курдская форма значит "он (уже) написал" (Akt.). Структурное совпадение персидской и курдской форм здесь, вероятно, отражает не только генетическую связь их составных элементов, но и их семантическую близость в прошлом. Это предположение переходит в уверенность, если учесть, что (пассивное) причастие перфекта в древнеиранских языках, образовывавшееся с помощью суффикса *-ta-*, послужило материалом для возникновения прошедших основ глагола в средне- и новоиранских языках, в том числе в персидском и в курдском. Таким образом, курдская модель *got çû* исторически равнозначна персидской *goft šod*, курд. *girt çû* - перс. *gerefte šod*, курд. *kirî çû* - перс. *xârîde šod*, и т.д.

Таким образом, персидский глагол *šodân* и курдский *çûn*, имевшие первоначально общее значение - 'идти', 'уходить', приобрели различное грамматическое значение. В курдском *çûn*, сохраняя свое прежнее значение, приобрел значение детерминатора, служащего для выражения удаления и для обозначения завершенности (перфективности) действия.

Конструкции типа *ewî got çû*, *min bir çû*, *te nivîsî çû* и т.д. И.И.Цукерман рассматривает как результат переориентации форм спряжения непереходного глагола на формы спряжения переходного глагола в прошедшем времени⁵⁾. Ту же мысль относительно переориентации форм спряжения непереходного глагола высказывает Ю.Ю.Авалиани в упомянутой выше работе⁶⁾. Однако приведенные выше

материалы показывают, что это мнение - ошибочное, указанные конструкции должны рассматриваться в связи с анализом сложных глагольных форм, в которых *сид* выступает в качестве детерминатора.

- 1) И.И.Цукерман, Очерки курдской грамматики, М., 1962, с.28.
- 2) Ю.Ю.Авадзани, Особые парные глагольные сочетания в курдском языке, Самарканд, 1961.
- 3) К.К.Курдоев, Курдско-русский словарь, М.1960, с.174.
- 4) В.С.Расторгуева, А.А.Керимова, Система таджикского глагола, М., 1964, с. 274.
- 5) И.И.Цукерман, Очерки курдской грамматики, Сб. "Иранские языки", т.П, М.-Л., 1950, с. 96-97.
- 6) Ю.Ю.Авадзани, ук.соч., с.40.

В.В.Кушев

ИЛӀХӀЯР-ХӀАН И ЕГО ЧЕТЫРЕХЪЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ
"АДӀА'ИБ АЛ-ДУГӀАТ"

Первые грамматико-лексикографические работы о языке пашто написаны афганцами в конце XVIII - начале XIX века. Среди них особое место занимают сочинения "РийӀӀ ал-махӀаббат", "Фарханг-и ир-тиӀӀ'й" и "АдӀа'иб ал-дугӀӀат". От всех других они отличаются большим объемом заключенной в них лексики, более глубоким исследованием грамматических явлений, а также тем, что все они были составлены в Индии представителями двух пуштунских племен, некоторые подразделения которых переселились туда в XVIII веке. Несмотря на то, что каждая из этих работ имеет свои неоспоримые достоинства, в афганском мире и среди европейских востоковедов сочинения были известны в очень разной степени. "РийӀӀ ал-махӀаббат", содержащее первые и очень интересные грамматические и фонетические наблюдения, огромный материал по грамматике афганского глагола и пашто-персидский словарь, сохранилось в наибольшем числе списков и было широко использовано исследователями языка пашто на Западе.¹⁾ "АдӀа'иб ал-дугӀӀат" представлено тремя рукописями, одна

из которых принадлежала Х.Г.Раверти и была им привлечена к составлению словаря пашто,²⁾ а "Фарханг-и иртияд'и" - только одной³⁾, не привлекая к себе внимания ученых. Между тем, эти две работы, особенно первая из них, заключают в себе много сведений разнообразного характера, которые делают их важным источником для изучения лексики, диалектов и истории языка пашто, лексики персидского языка и даже истории афганцев.

Составитель словаря "‘Аджа’иб ал-лугāt" ("Чудеса слов") Мухаммад Илāхйār-хāн был одним из многочисленных сыновей известного вождя афганских племен в Индии Хāфиз Рахмат-хāна (ум. 1188/1774) и младшим братом Навзāба Махāббат-хāна (ум. 1223/1808), автора упомянутого "Рийāз ал-махāббат". Словарь был закончен в 1228/1813, как явствует из помещенных в конце работы пяти хронограмм - на хиндустани, пашто, персидском (две) и арабском языках; они составлены разными лицами, в том числе афганская - самим Илāхйāром.

Собственно словарю автор предпослал краткое предисловие и введение с автобиографическими сведениями и историей написания труда. Илāхйār б. Хāфиз Рахмат-хāн б. Шāх ‘Алам-хāн происходил из рода бададзи подразделения котяхел племени барец ветви сарбатов. Родиной предков был район селений Писин и Шорабак, откуда они перешли на земли камалазев (за подробностями Илāхйār отсылает читателя к генеалогии "Хулāсат ал-ансāб", составленной его отцом). В правление Хāфиз Рахмата барецы поселились в Индии, одновременно туда мигрировали представители некоторых других племен, пожелавшие служить под его началом.

Илāхйār, по его словам, в знании пашто не уступал не только афганцам Индии, но и жителям пуштунских территорий. Находясь вдали от родины, он с детства стремился к тому, чтобы ежедневно разговаривать с соотечественниками на родном языке, и постоянно занимался с учителями из "вилаята" (т.е. Афганистана). После гибели отца все члены семьи были пленены и заточены в аляхабадскую крепость, где в течение восьми месяцев братьям лишь изредка, тайком от индийской стражи, удавалось переброситься несколькими фразами на пашто. Затем они были освобождены из плена, три года прожили в Лакхнау; здесь, в иноязычной среде, братья встречались и беседовали по-афгански. Позднее, переехав в Барейли и оставаясь там до конца своих дней, Илāхйār регулярно навещал Махāббата, ко-

торый в последние годы жизни занимался сочинением грамматики и словаря. Кончина старшего брата и главы семьи глубоко опечалила Илāхйāра, и он искал утешения в работе, которая стала продолжением начатого Махаббатом. Он составил большой четырехязычный словарь, основанный на словнике хиндустани, с переводом на пашто, персидский и арабский. Автор адресовал работу "своим детям и афганцам Индии", чтобы они изучали по ней пашто, "так как язык — это основной признак народа, и только им определяется принадлежность к народу".

Во введении (муқаддима) автор, говоря о традиционном делении афганского народа на бар-пуштунов, чей язык, по утверждению Илāхйāра, имеет черты, общие с персидским, и лар-пуштунов, язык которых якобы обладает особенностями, сближающими его с хинди, приводит границы их расселения. Первые населяют районы Кабула, Кандагара, Кветты (Шорабак и Пишин), вторые живут в Рохе (Страна Гор), который простирается с востока на запад от кашмирского Свата до реки Гильменд и Герата, а с севера на юг — от Кāштāра (вероятно, имеются в виду верховья Кунара в Читрале) до реки Бхаккер. (Илāхйāр приводит также аналогичные сведения из "Фарханг-и джехāнгирй" и "Наурус-нāме"). В Рохе живут группы племен сарбони (в "сама", т.е. низменной равнине) и карлани (в "гаре", т.е. горной местности), и их языки различаются настолько, что многие слова одного непонятны носителям другого.

Значительная часть введения посвящена особенностям графики, орфографии и фонетики пашто, изменению имен существительных. Здесь приведены специфические афганские буквы и описаны обозначаемые ими звуки; отличие некоторых афганских слов от родственных персидских рассматривается как результат изменения последних, заключающегося в "изменении огласовок", "изменении букв", "сокращении"; стечение двух согласных в начале слова объяснено выпадением гласного между ними ("из-за быстроты речи") и отпадением начального гласного; обращено внимание на обилие морфологических омографов (в этом месте, по необходимости, определено произношение "зваракая" — как "фатхи, близкой даме", но в самом словаре при указании чтения слов "зваракай" заменяется обычно другими гласными).

Словник "Адждā'иб ал-лугāt" основывается, как отмечает автор, на лексике индийского диалекта городов области Катхер: Хафиезабеда (Пилибхата), Барейди, Анвалы и других, а также включает в

себя слова из лексикона сельских жителей (главным образом терминологию, связанную с сельским хозяйством), с отражением их произношения. Слова хиндустани написаны арабской графикой с огласовками. Переводы на пашто сопровождаются словесными обозначениями каждой буквы и огласовки афганских слов. Илāхйār указывает, что он сохраняет написание этих слов, принятое в "Махзан ал-ислām" Дарвезы, "Фавв'ид-и шарй'ат" Ахунда Кāсима и в других прозаических и поэтических сочинениях афганцев; и так как их читают только образованные пуштуны, а персам и арабам они неизвестны и недоступны, чтение слов обозначено по-персидски, хотя и этого недостаточно, чтобы объяснить индийцам произношение звуков: "речь не укладывается в письмо", пишет Илāхйār, ее нужно слушать, тем более, что афганские звуки трудны. За афганским переводом следует перевод на персидский язык, который сопровождается указанием чтения, пространным толкованием, нередко синонимами, близкими по значению словами и производными; приводятся ссылки на словари и цитаты из них, различные варианты одного и того же слова. Значения иллюстрируются стихами персидских и афганских поэтов. В конце словарной статьи дается арабский эквивалент. Многие включенные в словарь лексические и грамматические формы особенно интересны тем, что передают отличительные черты диалекта автора.

Материал словаря разделен на 28 глав (бāб), каждая из которых объединяет слова, начинающиеся с одной и той же буквы, и, в свою очередь, делится на фāсды по второй букве слова.

Кроме уже названных историко-генеалогических работ, Илāхйār использовал большое число персидских фāрхангов и арабских словарей разного времени. Основными источниками ему служили "Кашф ал-лугāt" (1543-4) и "Фāрханг-и джахāнгйрй" (1608-9). Помимо них он ссылается на "Нисāб ас-сибйāн" (1220-1), "Сурāх" (1282-3), "Фāрханг-и Каввās" (XIII в.), "Фāрханг-и Шамс-и Фахрй" (1344), "Зэфāнгййā" (кон. XIV в.), "Лисāн аш-шу'арā" (нач. XV в.), "Камūs" (нач. XV в.), "Канз ал-лугāt" (1465-6), "Шарāф-нāма" (1473-4), "Му'аййид ал-фузудā" (1519), "Мадār ал-афāзил" (1593), "Шарх-и лугāt/-и маснавй/" (XVI в.), "Латā'иф ал-лугāt" (1622-3), "Мунтахаб ал-лугāt" (1635), "Бурхāн-и кāти" (1652), "Фāрханг-и рашидй" (1653), "Сирāдж ал-лугāt" (1734-5), "Гарā'иб ал-лугāt" (1736-7), "Фāрханг-и садидй", "Ал-киннйā", "Нисāб ал-ахаван", медицинские словари и справочники "Ал-афāз ал-адвййā", "Рийāз ал-адвййā", "Дастūr ал-утабā".

Одна из рукописей "Адх'иб ал дуг'ат" хранится в Библиотеке Риан в Рампуре, две - в Британском Музее. Мы располагали копией списка Британского Музея (шифр От. 399)⁴⁾, датированной 28 раджаба 1284/18 мая 1819. В ней 274 листа, предисловие занимает лл.2б - 4б, введение 4б - 11б, словарь начинается с л.11б.

Рассмотренный здесь труд Ил'хй'бра вместе с двумя другими, близкими ему по тематике, времени, месту их сочинения и условиям, в которых они писались, составляют значительный этап в развитии афганской лексикографии. Авторы этих произведений предстают перед нами как весьма образованные люди, кроме паhto и персидского знавшие арабский, хинди и английский языки. Они были знакомы с широким кругом источников, в первую очередь - персидских толковых словарей, рукописи которых, распространенные в Индии, вероятно, имелись в их собственных собраниях.

1) В.В.Кушев, Грамматико-лексикографическое сочинение "Рий'б аз-махаббат" и его место в афгановедении. "Письменные памятники Востока", 1970, М., 1974, с. 73-82.

2) H.G.Baverty, Remarks on the origin of the Afghans, - JASB, vol. 23, p.571; A dictionary of the Puk'hto, Pashto or language of the Afghans by major H.G.Baverty, London, 1867, p. 21.

3) Catalogue of the Arabic and Persian manuscripts in the Oriental Public Library at Bankipore, vol. IX. Prepared by Maulavi Abdul Muqtadir, Calcutta - Patna, 1925, No.839.

4) Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum by Charles Rieu, vol. II. London, 1881, p.517; Catalogue of Pashto manuscripts in the libraries of the British Isles by the late J.F.Blumhardt and D.N.Mackenzie. London, 1965, No. 61.

Х.М.Муздган

ИНФИНИТИВ В МАЗАНДЕРАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Мазандеранский язык относится к прикаспийской группе северо-западных иранских языков; на нем говорит в настоящее время около 1 млн. человек. Территориально границы его распространения ограничены областью Мазандеран (площадь последнего 320 км. с востока на запад и 96 км. с севера на юг).¹⁾

Утверждения, высказанные в специальной литературе о том, что мазандеранский язык не имеет письменности, требует некоторой оговорки. Персидская графическая система, применявшаяся для фиксации мазандеранских текстов, не может отразить достаточно полно фонетический строй этого языка, однако известно несколько рукописей произведений на мазандеранском языке²⁾ средневекового периода, а применение этого языка в творчестве его носителей не ограничивается, очевидно, только устным фольклором.

Мазандеранский относится к числу наименее исследованных иранских языков. Посвященные ему работы — краткие очерки грамматики и фонетики, небольшие словари, основанные на диалектологических записях, — дают только самую общую его характеристику³⁾. В частности, еще только начато изучение сложной системы мазандеранского глагола.

Настоящая статья ставит своей целью характеризовать основные типы инфинитивов в мазандеранском языке. Следует заметить, что даже в таких хорошо и давно изученных языках, как персидский и таджикский, классификация инфинитивов до сих пор продолжает вызывать споры. Большинство исследователей делит персидские инфинитивы на две группы, соответственно суффиксам (= т ā н и = д ā н⁴⁾), однако ряд авторов считает более правомерным выделять один суффикс =ā н, примыкающий к основе прошедшего времени⁵⁾; наряду с этим высказывалось мнение о существовании трех групп персидских инфинитивов соответственно исходам на = т ā н, = д ā н и =и д ā н,⁶⁾ или четырех, с добавлением еще инфинитивного суффикса =о с т ā н⁷⁾.

Инфинитивы, как и причастия прошедшего времени, в мазандеранском при синхронном их рассмотрении обнаруживают соотношенность как с основой прошедшего, так и с основой настояще-будущего времени, они характеризуются особыми суффиксами (часть из них совпадает с персидским) и, что особенно важно, префиксами. Можно выделить следующие основные классы инфинитивов:

I. Основа настояще-будущего вр. (она же в повелительном наклонении) + суффикс =тāн, примыкающий как к гласному, так и согласному исходу основы:

	<u>ПРОШ. ВР.</u>	<u>ПРИЧ. ПРОШ. ВР.</u>	<u>ПОВ. НАКЛ.</u>
day=tən 'загораться'	day=tə	day=tə	day(x)
heniḥ=tən 'сидиться'	heniḥ=tə	heniḥ=t	heniḥ
dekoḥ=tən 'скакать'	dekoḥ=tə	dekoḥ=t	dekor
demos=tən 'заостряться'	demos=tə	demos=tə	demos
bau=tən 'говорить'	bau=tə	bau=tə	bau

2. Основа настоящего-будущего времени + суффикс -dən ; этот тип засвидетельствован главным образом у глаголов с исходом основы на -r :

	<u>ПРОШ. ВР.</u>	<u>ПРИЧ. ПРОШ. ВР.</u>	<u>ПОВ. НАКЛ.</u>
bavər=dən 'нести'	bavər=də	bavər=də	bavər
bur=dən 'уходить'	bur=də	bur=də	bur
biyər=dən 'приносить'	biyər=də	biyər=də	biyər
baḥər=dən 'кушать'	baḥər=də	baḥər=də	baḥər

Особый подкласс представлен в глаголах типа:

bamər=dən 'умирать'	bamər=də	bamər=də	bamir
---------------------	----------	----------	-------

3. Основа прошедшего времени + суффикс =ən ; этот тип характерен для глаголов с основами прош.вр. на =o , =u :

	<u>ПРОШ. ВР.</u>	<u>ПРИЧ. ПРОШ. ВР.</u>	<u>ПОВ. НАКЛ.</u>
heresə=ən 'стоять'	heresə	heres=o	heres
hedo=ən 'давать'	hedo	hedo	hode
bimə=ən 'приходить'	bimə	bimə	bəru
dingu=ən 'бросать'	dingu	dingu=ə	dingun
bazo=ən 'рождать'	bazo=ə	bəzo	bəzo

Для основ с исходом на =i и =u выступает алломорф =уэн :

baci=уэн 'собирать'	baci=уə	baci(уə)	baci=ən
daci=уэн 'расставлять'	daci=уə	daci=(уə)	daci=ən
badi=уэн 'смотреть'	badi=уə	badi(уə)	bavin
baу=уэн 'становиться'	baу=уə	baу=уə	bav(aḥ)

4. Основа настоящего-будущего времени (чаще всего с исходом на =s , =ḥ , =r , =n , =ḫ) + суффикс =iyən :

barərs=iyən 'спрашивать'	barərs=iyə	barərs=iyə	barərs
bakəḥ=iyən 'тянуть'	bakəḥ=iyə	bakəḥ=iyə	bakəḥ
horeḥ=iyən 'смотреть'	horeḥ=iyə	horeḥ=iyə	horeḥ
batərs=un=iyən 'пугать'	batərs=un=iyə	batərs=iyə	batərs
barəs=iyən 'достигать'	barəs=iyə	barəs=iyə	barəs

bəməj-iyən	‘бехать’	bəməj-iyə	bəməj-iyə	bəməj
bəpic-iyən	‘свертывать’	bəpic-iyə	bəpic-iyə	bəpic

В этот класс входят главным образом каузативные глаголы.

5. Основа настоящего-будущего времени (исход на -р, -н, -т)

+ суффикс -əstən :

bəxor-əstən	‘чесаться’	bəxor-əstə	bəxor-əstə	bəxor
bəxun-əstən	‘читать’	bəxun-əstə	bəxun-əstə	bəxun
bəmun-əstən	‘оставаться’	bəmun-əstə	bəmun-əstə	bəmun
bəspor-əstən	‘поручать’	bəspor-əstə	bəspor-əstə	bəspor
bəymor-əstən	‘считать’	bəymor-əstə	bəymor-əstə	bəymor

Алломорф -əstən выступает в глаголах, основы которых имеют исход на -ə и -и :

bəco-əstən	‘простуживаться’	bəco-əstə	bəco-əstə	bəco
dəxo-əstən	‘возвять’	dəxo-əstə	dəxo-əstə	dəxo
bəxo-əstən	‘хотеть’	bəxo-əstə	bəxo-əstə	bəxo
bəsu-əstən	‘толочь’	bəsu-əstə	bəsu-əstə	bəsu

Часть мазандеранских инфинитивов, соответствующих первым двум названным выше группам, с суффиксами -stən и -dən, наиболее близки персидским инфинитивам; сходные типы представлены и в гиланском.

МАЗ.		ПЕРС.	ГИЛ.
bəxor-dən	‘кушать’	xor-dān	xur-dən
bəvər-dən	‘нести’	bor-dān	bər-dən
bīyar-dən	‘приносить’	avār-dān	avər-dən
bəmər-dən	‘умирать’	mor-dān	mər-dən
bən-tən	‘говорить’	gof-tān	gof-tən
bəy-tən	‘брать’, ‘получать’	geref-tān	legif-tən
dāvəs-tən	‘закрывать’	bās-tān	dəvas-tən (dəbəs-tən)
dəkob-tən	‘сахать’	kaš-tān	kaš-tən.

Особенностью мазандеранского инфинитива, отличающей его от персидского и таджикского, является почти неизменное присутствие того или иного глагольного префикса.

Наряду с простыми глаголами, мазандеранский язык располагает большим количеством сложных глаголов. Они образуются сочетанием именной части (обычно это существительное, прилагательное, наречие) и одного из служебных глаголов.

Отрицательная форма в простом и сложном глаголе образуется путем замены инфинитивного префикса на отрицательную частицу, на-

пример: *baværdæn* 'нести', *naværdæn* 'не нести', *hedææn* 'давать', *nedææn* 'не давать', *hakærdæn* 'делать', *æar hakærdæn* 'начинать', *æar nakærdæn* 'не начинать'.

- 1) کیهان . سمعد . جغرافیای فصل ایران ، تهران ، ۱۳۱۱ ، جلد ۲ ، ص ۲۸۲
- 2) دین . برنهارد و محمد شفیع مازندرانی ، کنز الاسرار مازندرانی ، بطر بروج ، ۱۳۱۶ ، ص ۲۸۲ ؛
کیا . صادق . واژه نامه طبری (ایران کوده ، شماره ۹) ، تهران ، ۱۳۱۶ ؛ "سخن" ،
تهران ، ۱۳۱۶/۱۳۱۴ شماره ۴ ، ص ۴۳۴ ؛ سال ۱۳۴۴/۱۳۴۵ شماره ۱ ، ص ۸۲-۸۳ ؛
شماره ۶ ، ص ۶۱۴-۶۱۵ ؛ "پام نسو" ، ۱۳۲۵ ، ص ۶۴ .
- 3) В.И.Завьялова, Фонетика таджикского и мезендеранского языка . (Автореферат), Л., 1954; Сб. "Современный Иран", М., 1957, с.82; Berezin, E., "Recherches sur les dialectes persans." . Caen , 1858, pp. 75-99; "مجموعه مقالات تحقیقی خاورشناسی اهدا" به آتای پروفسور هائری ماسه" ، تهران ، ۱۳۴۲ ، ص ۱۱۰ .
- 4) Мирзае Джаффар, "Грамматика персидского языка", М., 1900, с.73; Касеев, Сокращенный курс грамматики иранского языка. М., 1936, с. 3; А.З.Розенфельд, Глагол ("Очерки по грамматике современного таджикского языка", вып. 4), Сталинабад, 1954, с.28;
همایون فرخ . عبدالرحیم ، دستور جامع زبان فارسی ، تهران ، ۱۳۲۷ ، ص ۸۹-۱۰۲ .
- 5) В.С.Расторгуева, А.А.Керимова, Система таджикского глагола, М., 1964, с. 138; نکست سعیدی ، محمد نسیم . دستور زبان معاصر دری ، کابل ، ۱۳۴۸ ، ص ۲۷
- 6) مشکور . محمد جواد ، دستور نامه در صرف و نحو زبان پارسی ، تهران ، ۱۳۰۰ ، ص ۷۲
- 7) معین . محمد ، فرهنگ برهان قاطع ، تهران ، ۱۳۲۰-۲۵ ، ص ۱۴۱-۱۴۲-۱۴۳ . ۱۹۰۰

Н.И.Носова

НЕЙТРАЛЬНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ИМЕННЫЕ ПРИЗНАКИ

В бирманском языке существует достаточно четкая грань между основными частями речи - именем и глаголом. Например, в отличие от русского языка, где отрицание имеет универсальный способ выражения, независимо от категориальной принадлежности слова ("не

человек, не идет, не хороший, не хорошо"), в бирманском показателе отрицания с именами не сочетается.

С другой стороны, отмечается и прямо противоположная тенденция, когда различные глагольные формы, оставаясь в рамках парадигмы глагола, обнаруживают в той или иной степени именные черты.

По-видимому, в наименьшей степени это относится к нейтральной форме глагола (см. ниже). Однако и здесь отмечается, как будет видно из дальнейшего, частичное приобретение именных признаков.

Под нейтральной формой глагола в бирманском языке имеется в виду такая глагольная словоформа, которая лишена так называемых конечных показателей (-ти², -ми², -йивя¹, -йан² и т.п.), образующих первичные формы глагола.¹⁾ Эти первичные формы образуют глагольную парадигму. Нейтральная форма тоже является одной из первичных форм глагола, но показатель нейтральной формы - нуль. Имеется в виду отсутствие конечных показателей, а не показателей вообще.

Нейтральная форма полифункциональна. В зависимости от грамматического контекста она может выполнять различные функции.

Одна из основных функций нейтральной формы - это ее употребление в роли сказуемого независимого предложения (или членного цитатности). В указанном грамматическом контексте нейтральная форма выступает как императив. Такой вид императива означает приказание, просьбу, обращение к слушающему. Например: тва³ "Иди!".

Нейтральная форма глагола, функционирующая как императив, может иметь при себе частицу вежливости -па², "эфоническую" частицу -дэй² (обе они не являются ни специфически глагольными, ни специфически именными) и именную эмфатическую частицу -по¹. Других именных частей и показателей нейтральная форма глагола в этом случае не принимает.

Нейтральная форма глагола изредка может выступать также в функции второстепенного сказуемого. При этом в письменном языке обычно с ней сочетается частица вежливости -па² с последующей именной эмфатической частицей -му². Например: нга² ти² лу²йива² хнай⁴ пхи⁴ па²му² лу² тоу¹ ти² нга¹ а³ лу²йоу⁴ ма² чи³ ху¹ пий⁴ тин² ка¹ йа¹ ча¹ йа² и² "Окажись я среди людей, люди наверняка назовут меня низким человеком".

Иногда в функции второстепенного сказуемого употребляются два глагола в нейтральной форме с "вторичным" показателем -лай⁴ и синтаксическим показателем -пхйин¹ после второго глагола. Эта конструкция передает значение перемежающихся действий.²⁾ Например: ми³ хмэй⁴ лай⁴ пхйин¹ лай⁴ пхйин¹ ачхэ⁴ пэй³ ти¹ акха² "Когда подали знак, то гася свет, то зажигая его..".

Очень распространено употребление нейтральной формы глагола в качестве сказуемого субстантивированной конструкции. Здесь с полным набором именных свойств выступает вся конструкция, что обеспечивается употреблением особого служебного слова - субстантиватора (-чхин³, -йэй³, -хму¹ и т.п.). Сама же нейтральная форма каких-либо именных свойств не проявляет.

Нейтральная форма глагола может использоваться в качестве предикативного члена связочного сказуемого, что является уже примером именного употребления этой формы. Здесь выделяются два случая. Первый, довольно редкий - это употребление одиночного глагола в нейтральной форме в функции предикативного члена. Более распространен другой случай, когда в качестве предикативного члена употребляются два или более глаголов в нейтральной форме с "вторичным" показателем -лай⁴ и синтаксическим показателем -пхйин¹ или -хнин¹ после последнего глагола. В качестве связки в таких конструкциях употребляются ши¹ или нэй². Эти конструкции передают значение перемежающихся действий. Например: ту² ти² эйн² вин² лей⁴ эйн² тхвэ⁴ лей⁴ хнин¹ нэй² ти² "Он то входил в дом, то выходил из него".

Следует отметить также существование особой конструкции с участием нейтральной формы глагола, которая служит для подчеркивания действия, выражаемого глаголом, обычно для эмфатизированного отрицания. Схематически наиболее распространенную разновидность этой конструкции можно изобразить так; Г коу² (таун²) маГ (Г-глагол). Например: са¹ коу² (таун²) маса¹ тай³ пху⁴ "Даже еще не начинал". Здесь при нейтральной форме глагола употребляется именная усилительная частица коу² (омоним показателя дополнения коу²) или частица таун² "даже".

Таким образом, можно заключить, что даже нейтральная форма глагола в бирманском языке проявляет ряд именных свойств. Можно сказать, вероятно, что за исключением того случая, когда нейтральная форма функционирует как сказуемое субстантивированной кон-

струкции, любая форма бирманского глагола, будучи употреблена синтаксически – как член предложения или часть члена предложения, приобретает те или иные именные свойства.

Л и т е р а т у р а

1) См.: В.Б.Касевич, Краткий очерк грамматики бирманского языка – В кн.: Бирманско-русский словарь, "Советская энциклопедия", М., (в печати).

2) В.Б.Касевич, ук.соч.

И.М.Оранский

ТАДЖ. АДРОВ 'СУПРЯГА'

В современном таджикском языке и – с незначительными фонетическими вариантами – в таджикских говорах зарегистрировано слово адров с указанным в заголовке значением. Таджикские словари приводят это слово с пометой уст./аревшее/ и дают ему следующее толкование: «супряга (рабочий скот, обычно разных хозяев, запряженный вместе для совместной обработки земли); адров кардан (намудан) 'объединять волов в одну пару (для совместной обработки земли)'. Согласно Н.А.Кислякову, у горных таджиков Вахио-Боло (верховья р. Хингоу) термином alɔov обозначался обычай объединять на время пахоты двух быков, принадлежащих разным хозяевам. Зафиксированы также бад. и кер. alɔoɔ 'супряга' (А.Э.Розенфельд), хардур alɔov (sic l) (М.Эшннйэзов), шугн. alɔɔw (И.И.Зарубин; согласно Зарубину, в alɔɔw могут соединяться и несколько быков, принадлежащих разным хозяевам, при этом не только для совместной пахоты, но и для молотбы), ягн. alɔɔw vu- 'объединяться во время пахоты' (А.Л.Хромов), язг. alɔɔw 'совместная пахота на волах' (Д.И.Эдельман), сар. (Ташкуртан) alɔɔw ɕɔɔɔ(ɔw) 'помогать' (Т.Н.Пахалина), вах. alɔɔw, alɔɔwkarɔ 'супряга' (указано И.М.Стебляным-Иаменским) и – за пределами иранского – узб. уст. адров 'супряга', 'взаимный обмен скотом' и кирг. ист. адгоо (alɔɔ) 'взаимопомощь в сельском хозяйстве (предоставление друг другу скота для обработки земли или оказание друг другу помощи своим трудом)'¹⁾.

В словарях, отражающих лексику языка персидско-таджикской классической литературы, как и в словарях современного персидского языка это слово не зарегистрировано, и это обстоятельство, как и в других подобных случаях, может указывать на то, что слово *ауоц* является словом местным, среднеазиатским, ведущим свое происхождение из древних восточноиранских диалектов Средней Азии и сопредельных районов. Такое предположение подкрепляется и предлагаемой этимологией этого слова, которое могло бы восходить к др.-ир. **hada-gav-*. Обе части сложения хорошо известны: др.-ир. *hadā*, *hada* 'вместе с', 'совместно с' (AIWb., I755) + др.-ир. *gav-* 'корова', 'бык' (AIWb., 505 f.), и сочетание их могло бы выступать в указанном выше значении " (соединенные) вместе воды", "супруга". Для истории интересующего нас слова наиболее показательны переходы *-d->-l-(hada->al-)* и *g->ǰ-* (*gāv->ǰov*, *ǰoǰ*). Второй из них (*g->ǰ-*) характерен для восточноиранских языков в целом (согд. *ǰ'w*, ягн. *ǰu*, афг. *ǰwā*, язг. *ǰew*, ишк. *ǰa*, осет.-диг. *ǰog* и т.д.); первый (*-d->-l-*) - для восточноиранских языков и диалектов ареала древней Бактрии: афг. *salorbolai* 'четвероногое' (< др.-ир. **śa'wār-pāda-*), мундх.-ийдга *palo* 'нога' (< др.-ир. *pāda-*), современный топоним *Bajlān* (Сев. Афганистан) и *ВАГТОЛАГТО* 'святилище' в языке знаменитой бактрийской надписи из Сурх-Котеля (оба из др.-ир. **baga-dāna-*, **baga-dānaka-*) (W.B. Henning), ср. также *Balaxān* (Истахри, X в.) 'Бадахшен'.²⁾ Характерно для языков и диалектов этого ареала также падение начального *h*.

С учетом чередования *h/v*²⁾ во второй части этого композита можно было бы видеть также др.-ир. *gāma-*, н.-перс. *gām* 'шаг' (предложено М.Н.Боголюбовым), и в таком случае рассматриваемое сочетание означало бы "с (общим, совместным) шагом", "совместно шагающий (-е)", что в семантическом и словообразовательном отношении даже предпочтительнее. Известный наш специалист по этнографии Средней Азии Е.М.Пещерева любезно сообщила мне, что в районе Ленинабада (б. Ходжент) слово *ауоц* употребляется как синоним тадж. лит. *хашар* (коллективная работа для кого-нибудь на основе добровольной общественной взаимопомощи, русск. уст. *помочь*, ср. узб. *адгов*, кирг. *алгоо*), т.е. в значении, которое вполне может вытекать из предложенной этимологии. Ср. совр. перс. *hāngāme/* тадж. *hangoma* 'скопище', 'толпа', 'веселая компания', где во второй части имеем этот же элемент (др.-ир. *gāma-*'шаг'), а в первой -

синонимичное *hada-* др.-ир. *han-/han-* 'вместе' (AIWb, I772). Ср. также *хардурн хайрав /хайрав* 'обычай совместной работы при рытье каналов' и т.п. (М.Эшинов), в первой части которого также может скрываться др.-ир. *hada-* 'вместе', 'совместно'.⁴⁾ Не сюда ли и тадж. обл. (Канибадам) *alɣow-dalɣow kardān* 'смешивать' (= арабск *кардан*)? (указано М.Ф.Фазыловым; ср. узб.разг. алғов-далғов 'беспорядок' 'суматоха').

Независимо от того, какой компонент составляет вторую часть сложения в предлагаемой этимологии (**hada-gav-* или **hada-gāma-*) слова *alɣow*, фонетический облик этого слова свидетельствует о том, что оно проникло в таджикские говоры и в таджикский литературный язык из древних восточноиранских диалектов, вероятнее всего из диалектов, распространенных на территории исторической Бактрии.

1) Об обычае алғов у горных таджиков и других народов Средней Азии см. М.С.Андреев, *Таджики долины Хуф*, вып. II, Сталинабад, 1958, с. 58, 62; Н.А.Кисляков, *Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахисо-Боло*, М.-Л., 1936, с. 30; "Таджики Каратегина и Дарваза", вып. I, под ред. Н.А.Кислякова и А.К.Писарчик, Душанбе, 1966, с. 68 и 322 (прим. 10); М.Р.Рахимов, *Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период*, Сталинабад, 1957, с. II7-II8.

2) Спорадически отмечается этот переход также в ишканимском и некоторых дардских языках. См. Д.И.Эдельман, *Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков*. М., 1968, с. 85. Ср. также засвидетельствованное Геродотом название царствующего скифского рода *Παρκάτα* (< др.-ир. **para-dāta-*, ав. *paraḍāta-* букв. "первозданные" или "впереди, во главе поставленные"). См. В.И.Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, I, М.-Л., 1949, с. 175.

3) К чередованию *m/v* в таджикско-персидских диалектах ср. тадж. обл. *almastī/alvastī* 'ведьма' (тадж. лит. *albasti*), тадж. обл. *ɣamjīdan* 'мять', 'скручивать', 'выжимать' (Бадахшан)/*ɣavjīdan* (Бадахшан, Дарваз, Кулябская обл.), *nm'z* 'иолитва' (н.=перс. лит.) *dm'z* (в одном из сочинений XV в. на ширазском диалекте), тадж. лит. *vabo* 'холера'/каб. *lobā*, тадж. лит. *ovard* 'принёс'/тадж. обл. *omard* (Шеартуз), *amord* (в таджикской речи среднеазиат-

ских арабов), тадж. лит. *nawīst* 'написал' /каб. *nawēst* (ср. *nimīstān* 'писать' у туркменских белуджей, *nimīstān* в таджикской речи гиссарских перья) и т.д. Ср. также совр. перс. *šomā*, тадж. *šomo*, бел. (зап.) *šoma*, *šma* /бел. (вост.) *šawa* 'мы' /последний пример заимствован из работы: Д.И.Эдельман, Основные вопросы лингвистической географии, стр. 87. Там же сообщается (к сожалению, без приведения материала) о переходе *m > w* в ряде индоиранских языков⁷. Переход *m > w* засвидетельствован и в древних иранских языках Средней Азии, в частности в согдийском (*-ām- > -āw-*) и, между прочим, как раз в интересующей нас основе: согд.-будд. *'mū'w* 'поспешность' (< **ham-gāma-*). См. I. Gershevitch, A Grammar of Manichaean Sogdian, Oxford, 1961, §§ 351 и A 351. См. также: В.И.Абеев, Несколько случаев чередования *m/w* в индоевропейском. В кн.: "Восточная филология", Тбилиси, 1969, с. 100-101.

4) Переход *-d- > -u-* широко распространен во многих таджикско-персидских говорах. Этому вопросу предполагается посвятить отдельное сообщение.

И.М.Стеблин-Каменский

О ВАХАНСКОМ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

В 1974 г. завершается составление этимологического словаря бесписьменного восточноиранского языка - ваханского. Работа состоит из двух частей: вводной, содержащей списки сокращений, "Предисловие" и "Очерк ваханской фонетики", и собственно словаря с указателями. В "Предисловии" приводятся сведения о территориальном распространении и диалектном членении ваханского языка, о районах и условиях его бытования на Западном Памире и Восточном Гиндукуше, а также уточняются некоторые детали в истории изучения этого языка (история изучения ваханского языка в целом до-

статочно подробно освещена в опубликованных обобщающих очерках в работах В.С.Соколовой, А.Л.Гринберга, Д.И.Эдельман и Т.Н.Петухиной).

В "Предисловии" содержится характеристика использованных материалов и излагаются принципы построения словаря: состав словника, план словарной статьи, приемы подачи материала.

Общее количество зафиксированной ваханской лексики превышает в настоящее время 5 тыс. слов. Все эти слова, как извлеченные из записей текстов, так и записанные отдельно, вошли в составленный ранее автором этой автоаннотации ваханско-русский словарь (часть сданной в 1969 г. в печать работы; А.Л.Гринберг, И.М.Стеблев-Кеменский. Ваханский язык. Тексты и словарь).

В этом словаре все многочисленные заимствования из таджикского (дарь, персидского), возникшие в условиях интенсивного ваханско-таджикского двуязычия, снабжены пометой т. (таджикское), чем, в подавляющем большинстве случаев, и может исчерпываться их этимологическое разъяснение применительно к целям изучения истории ваханского языка.

В этимологический словарь эти заимствования не включены (равно как и некоторые новейшие заимствования из русского языка, имеющие в ваханско-русском словаре помету р.). Таким образом, в состав словника этимологического словаря вошли далеко не все употребляемые в ваханском языке слова.

В этимологический словарь включена исконная, унаследованная от древнеиранского, лексика и давние заимствования (из индоарийских языков, бурушаски и др.), а также слова неясного происхождения. Из таджикских заимствований включены только те, которые полностью усвоены ваханским языком, что определяется в основном по двум критериям: 1) отсутствие соответствующего собственно ваханского эквивалента; 2) принадлежность слова к ряду реалий, существенных в жизни ваханцев (в историко-этнографическом плане). Всего словарь насчитывает около 2 тыс. статей.

Словарю предшествует "Очерк ваханской фонетики", к параграфам которого даются отсылки в словаре при необходимости объяснения того или иного фонетического явления как синхронного, так и диахронического порядка. Очерк содержит разделы о вокализме и кон-

сонантизме, которые завершаются схемами исторического развития ваханских гласных и согласных фонем от древнеиранской модели к современному состоянию.

Для удобства читателей к словарю предполагается приложить указатель древнеиранских корней и основ, русско-ваханикий глоссарий (указатель тем) и дополнительный список ваханских слов, которые часто цитируются в литературе по сравнительно-историческому иранскому языковедению, но существование которых в ваханском не было подтверждено опрошенными информаторами. К словарю прилагается карта Вахана, а также рисунки, схемы и фотографии отдельных реэций. Топонимы в словарь не включены, так как их предполагается издать в особой работе.

Приводим в качестве примера несколько словарных статей.

abáw (реже uobáw , uobá , см. §§ 65,78) 'вьючная лошадь'.

Займств.; тадж. uoba 'лошовая лошадь', 'вьючная лошадь', видимо, из араб. ua'būb 'большая, быстрая лошадь' (Kazimirski II 148: a'est de se mot que vient sans aucun doute le mot persan ياابو; Lane I 1932c; Hovson-Jobson 975); ср. аналогичные займств.: инд. uobá 'лошовая лошадь', инд. uābū 'пони', афг. uābá 'вьючная лошадь', пер. uābū, пен. ābū 'мул', бел. ābū 'лошадь' (Elfenbein. Val.11).

afət в соч. afət wəz(ə)u- 'жалеть', 'сожалеть'.

Займств.; Д. Лоример сопоставляет с бур. afəat , шина, хов. afaat 'поврежденный', 'разрушенный' (Lor. Wakhi II 2), возможно, также 'огорченный', 'обиженный' (Lor. Bur. II I), ср. верм. auzat , afəat 'разоренный (?)'. Сар. afaat (в неясном контексте) 'обманутый' (?). Искаженное тадж. afsūa (перс. afsūa) 'сожаление'? ср. вех. (из тадж.) afəma wəz(ə)u- 'жалеть', 'сожалеть'.

almastí 'алмасты' - фантастическое существо, согласно поверьям ваханцев, - безобразная волосатая и грязная женщина с отвислыми грудями, перекинутыми за плечи. Алмасты приписывается прожорливость и людоедство, она вредит беременным, роженицам и маленьким детям (также домашним животным во время родов и их детенышам). Защитой от алмасты могут служить разного рода амуле-

ты (см. *tíshór*), заговоры (*dəstóv*), огонь и горящие уголья. Помимо многих поверий об алмасты, распространенных повсеместно в Средней Азии, вахенцы рассказывают также, что алмасты по ночам ходит вокруг дома и, размахивая руками, обмеряет его, чем приносит вред обитателям. См., в частности, об алмасты в представлениях горных таджиков: Бобринской 104-105; Зарубин. Рождение 363; Андреев. Панджшир 34-35, 89-93; Хуф I 53-55, 78-82; Поз. СЭ 1959 № 4, 61; Андреев. Ягноб 167-168; Гринберг. Мдж. 140-145.

Займств.; тадж. *albasti* , бад. *almaste* , *almasti* , вандж. *almasti* ; в других памирских языках: ишк., шугн. *almastí* , руш., хуф. *alamasti* , язг. *almastí* , сар. *albasti* , мдж. *almāstēyika* (мдж. *almastí* в сложении - Зарубин. Мдж. 135) 'алмасты'. Слово распространено очень широко: узб. *alvasti* , кирг. *albarsti* , уйг. *albasti* , *alwaste* (Jarring 20), араб. (бух.) *albastīya* (Винников 19), см. также сводку названий - Андреев. Панджшир 89-90; Doerfer , TM II 524; ср. русск. албастый, лобастый (у В.Даля), албаст(а) (Vasmer.REW I 11).

После сопоставления О.Олуфсена "алмасты" - Ахура-Мазда (Olufsen 199), неоднократно сравнивалось с именем древнеиранского верховного божества (ср., например, В.Н.Топоров АВИСИЯ 20), однако после выводов М.С.Андреева (Хуф I 78-79) и, в особенности, после статьи Э.Бенвениста, специально посвященной этой проблеме (JA CСXLVIII 65-74), в которой он независимо от М.С.Андреева пришел к аналогичным результатам, можно считать выясненным, что слово *almasti* // *albasti* является сложением двух основ: 1. **āla-* , видимо, еще индоиранское или даже более широко распространенное название демона или болезни, опасной для рожениц и детей (собственно **āla-* 'красный', ср. в русск. названиях детских болезней "краснуха", "скарлатина", последнее, в конечном итоге, из итал. *scarlatto* 'ярко-красный'); 2. *-basti* - тюрк. *basti* 'задевил(а)' ("удушила"). Непосредственным источником памирских слов следует, видимо, считать тадж. (в котором из тюрк. - Doerfer. TLW 10).

andárc̣ (реже *andárc̣* , *antárc̣* , *antárc̣*) 'жены братьев по отношению друг к другу'. Вах.=тадж. *zanewár* (< *zan-i owár* 'жена деверя'), ср. *lakstkónd*.

Др.=ир. *antaračī - букв. "внутренняя" (о женщине внутри большой неразделившейся семьи, характерной и для современного Вахана), ср. неп. antari 'пятая или шестая старшая дочь в семье' (Turner.Нер. I5, 222).

IIFL II 514: < *yantr= , но отпадение у- нерегулярно (см. § 66). И.=е. *ienäter= 'ятровь' (IEW 505) предполагает др.=ир. *yātr= , ср. афг. uor 'жена деверя' (BVP I00), др.=инд. yātṛ= , кети, вейг. yāri (CDIAL I0458), прс. irī 'жена многоженца' (Mrg.NTS XV 249).

samdārc 'бечевка, привязывающаяся к вертикальным палочкам на ярме под шеей вола; завязки ярма' (см. рис. I. Пахотное орудие). Бад. irḡolband , ilḡorband .

Во второй части - darc 'бечевка из козьей или ячьей шерсти' (см.). В первой части - sam- < *sam(i)-палочки ярма', ср. др.=инд. śamya- 'палочки ярма' (KEWA III 302; CDIAL I2317; ср. паш. śamār , śamaṇ 'палочки ярма' IIFL III I64), авест. simā= , əmī= (< *samī= -Gersh. Mithra 274, др.=греч. κάρμιν 'шерсть'), перс. sīm (Horn № 764; Hübischmann.FSt. 79). Мдж. sām 'планки ярма', sāmāsika 'завязки ярма' (IIFL II 247), язг. əmbōis завязки, əmbōrk , əmbōrk 'палочки ярма', хуф. sīm (Хуф II 43). К этой же основе, возможно, семнани surma-mīl 'палочки ярма' (если по народной этимологии из *suma= -Mrg.NTS XIX 90), а также соответствующие термины для палочек ярма (со вторым элементом тадж. =чуб, =чуп 'палочка') и для завязок (со вторым элементом тадж. банд 'завязка') в узбекских и таджикских говорах: савачуб, саванчуп, суми, самия (узб., Южн. Хорезм), шамиянчуп (узб., Дехканбад и Бешкент) - термины приводятся у Л.А.Фирштейн СМАЭ XXVI I62; см. также Н.А.Кисляков СЭ I969 № 3, I20. Турк. saban 'парная упряжка волов', 'пахота' (ДТС 478), возможно, из иран. (согд.?) *saman=? См. samsung 'планки ярма', əndvər < *sam(i)=bara-ярмо'.

samsung (редко sam) 'вертикальные палочки ярма, планки ярма' (см. рис. I. Пахотное орудие). Бад. ilḡorčub, irḡolčub, Во второй части - sung 'дерево (материал)', 'палка' (см.), к первой части см. samdārc 'завязки ярма'.

saṃyā́ 'поспешно'.

Важность? ср. кирг. sabūla- 'спешить в возбуждении'.

saṃ: sat= 'подниматься', 'идти вверх'. Основы перф.,
киф. sāl= , sa= (перф. sālək , aṃək , киф. sālək , aṃək).

Др.-ир. saṃ(a)=: sata= , ср. согд. saṃ:st= (яги. saṃ: :
sāta= 'подниматься' - ЯТ 318), хот. saṃ= , sata= 'подниматься'
(Bailey, PZ 355), перф. saṃ= (Ghilain 55,92), инк. saṃ:sad=
'подниматься', пугн., руш., хуф. sōṃ:sōnt= , барт. sōṃ:sōnt
'поднимать' (< *sāpaṃa= , ср. яги. saṃ:sāṃta= 'поднимать',
согд. saṃ= < *sāpaṃa-ЯТ 320; Gersch. GMS § 543), язг. saṃ:
sūd/t= 'восходить (о небесных светилах)', 'расти (о растениях)',
sāṃ:sānt 'вырастить' (< *sāpaṃa=), пэвип:пэвūd= 'под-
ниматься низко (о небесных светилах)' (< *ni=saṃ=), мдж.
saṃ: saṃbu= 'подниматься', осет. sṃwopṃ 'толкать' (*ham-
saṃ= МЭСОЯ I 189).

IFL II 540; H.W. Bailey BSOS IX 77; Gersch.Mithra 254.

И.И.Цукерман

ХОРАСАНСКИЙ КУРМАНДЖИ. ИССЛЕДОВАНИЕ И ТЕКСТЫ. (Автоаннотация)

Аннотируемая работа (22 авт.л.) ставит своей целью дальнейшее исследование хорасанского курманджи, т.е. говора курдов Хорасана (Иран) и Советской Туркмении, относящегося к северному наречию курдского языка. Изучение этого диалекта начато еще в середине прошлого столетия нашим соотечественником - известным ориенталистом М.Н.Березиным и продолжено в весьма ценных исследованиях В.А.Иванова, В.С.Соколовой и Ч.Х.Бакаева¹).

Подготовленная к печати книга состоит из введения (с.1-5), исследовательской части (с.6-325), текстов, собранных автором (пословицы, народные трехстишия, повествования, с. 326-418), и избранных текстов из школьных учебников Г.Г.Пехлеви (G.G.Pehlewi), изданных в первой половине тридцатых годов в Ашхабаде (с. 419-525).

Исследование основано на материалах языка курдов Туркменской ССР по его состоянию в тридцатых годах, когда во всех курдских семьях языком домашнего обихода был главным образом курдский. Правда, и тогда взрослое курдское население — недавние выходцы из Хорасана — было двуязычным и даже многоязычным. Курды=мужчины обычно знали персидский, и едва ли не все говорили на одном из тюркских диалектов. Некоторые из них неплохо объяснялись и по=русски. Разумеется, все это накладывало отпечаток и на их родной язык.

Автор изучал на месте язык туркменских курдов в течение трех месяцев осенью 1936 г. Тогда же были зафиксированы прилагаемые тексты. Пословицы и трехстишия записаны у разных лиц, повествования — только у жителя Фирюзы (близ Ашхабада), замечательного сказителя Азиза Ходжамамедова (Eziz). В целом наши тексты со стороны языка в существенных чертах мало отличаются от текстов Ч.Х.Бакаева, но они несомненно в меньшей степени нормализованы.

В исследовании в полной мере учтены не только наши записи, но и тексты Ч.Х.Бакаева. Однако главным объектом изучения был курдский язык вышеупомянутых учебных пособий. Г.Г.Пехлеви принадлежит первая и — насколько нам известно — единственная попытка фиксации носителем хорасанского курманджи своей речи средствами специально приспособленного для этого фонемного алфавита в масштабе по крайней мере шести книжек разнообразного содержания — при полном отсутствии хоть сколько=нибудь отстоявшихся норм письма и орфографии. Бесспорно талантливый человек, Г.Г.Пехлеви отразил свою речь с исключительной непосредственностью, и неудивительно, что его тексты отличаются самой разнообразной вариантностью. Это в равной мере относится ко всем сторонам языка — фонетике, грамматике, лексике, как и способов отражения в письме звуков, морфем, слов и словосочетаний.

Однако для целей лингвистического анализа именно непредвзятость, неустоявшиеся нормы и вариантность представляют особую ценность. Это соответствует разделяемой автором и развитой им в ранее опубликованных статьях²⁾ основной методологической установке, согласно которой язык как развивающаяся, точнее — саморазвивающаяся, система не может быть понят и описан без учета вариантности некоторого числа составляющих его единиц разных уровней. Доречиты языковых единиц, обнаруживаемые в синхроническом срезе языковой системы любой подробности (в к л ю ч е я р е ч ь

отдельного человека - идиолект) соотносятся не только синхронически, но и диахронически, как архетипы с неотипами. Языковая система не может изменяться, минуя вариантность, так как любому переходу от архетипа к неотипу обязательно предшествует период сосуществования архетипа с неотипом (или с конкурирующими неотипами). Таков механизм изменчивости языка, и, следовательно, совокупность варьирующих единиц составляет диахронический лимит языковой системы, позволяя судить о действующих процессах в языке и о возможных направлениях его структурных изменений.

Такого рода подход к языковой системе и ее деталям пронизывает всю работу автора, все ее разделы без исключения, но, может быть, ярче всего учет динамических процессов функционирующего языка выявлен в разделе фонетики (в частности, в описании обнаруженных процессов конвергенции и дивергенции некоторых фонем), в парадигмах склонения имен существительных, в анализе глагольных основ и окончаний и др. Читателя, как нам представляется, должны заинтересовать в особенности морфологические процессы перерасположения, установленные для синхронически функционирующих форм некоторых глаголов хорасанского курманджи (не только системы в целом, но и идиолектов Г.Г.Пехлеви, Азииза и информантов Ч.Х.Бакаева). Ср. de+ketm /> de+k+em /> de+k+im 'делаю', с возникновением согласной основы em в составе неотипа на месте основы с гласным исходом основы etm в составе архетипа. (Сочетание знаков /> означает 'чередуются с неотипом').

Из сказанного логически вытекает и следующий вывод: при анализе варьирующих деталей общего языка недопустимо беспорядочное сопоставление данных разных идиосистем, при котором вполне возможно ошибочное построение, например, парадигмы спряжения - с привлечением, скажем, одного из конкурирующих неотипов для первого лица, другого - для второго лица и архетипа для третьего лица. Целесообразно в основу анализа положить одну - наиболее полно и адекватно представленную - идиосистему, при том, конечно, условии, что ее детали регулярно сравниваются с данными других систем, тем более, что идиолекты нередко представляют разные ступени в соотношении архетипа с неотипом (неотипами). Так, в текстах Г.Г.Пехлеви неотип dekim явно превалирует, хотя

вполне возможен и архетип *dekem*. Напротив, в речи Азиза еще преобладает форма *dekem*, и лишь окказионально возникает вариант *dekim*. В записях же Ч.Х.Бакаева (возможно, вследствие нормализации текста) форма *dekem* встречается крайне редко, тогда как строго соотносительная с ней форма *deke* 'делает' является (как и во всех других источниках) единственно возможной.

В аннотируемой книге отправным для исследования является идиолект Г.Г.Пехлеви, с которым систематически сравниваются не только идиолект Азиза, но и полностью ученые тексты Ч.Х.Бакаева.

В заключение следует отметить, что в подготовленной к печати работе приводятся только новые сведения, касающиеся фонетики и грамматики хорасанского курманджи. Факты — главным образом, из других говоров, — которые так или иначе отмечены в предшествующих исследованиях, привлекаются только в тех случаях, когда это необходимо для выявления общих свойств системы. Это относится ко всей работе в целом и каждой ее части в отдельности, но, может быть, в аннотации целесообразно выделить:

в разделе фонетики — процесс сближения переднего гласного *e* с передне-смешанным *i*, протекающий коррелятивно далеко продвинувшемуся процессу конвергенции заднего *o* с задне-смешанным *u*; вопрос о соотношении фонем *q* — *x*; явление геминации согласных *h*, в частности, подключение к процессу геминации общекурдского противоположения *h* — *h̄*;

в разделе морфологии — наблюдения над сочетаниями имен существительных с указательными местоимениями *wa* 'этот', *ew* 'тот'; освещение вопроса о конкурирующих моделях косвенного падежа единственного числа имени без артикля, о генерализации окончания множественного числа *-an*, об употреблении показателей множественного числа с неисчисляемыми именами существительными; значительную часть работы, посвященную классификации глагольных основ, вариантам префикса длительности, глагольным окончаниям и препозитивной форме глагола; выделение формы настоящего сильного *dekevine* в отличие от формы настояще-будущего времени *dekevin*; обоснование соответствия формы прошедшего длительного *deketim* форме будущего II *wê biketama* в других говорах курманджи.

Новым является также описание посессивного предложения в хорасанском курманджи.

"Не можешь достать, возьму да совсем уйду". Мать заплакала:
"Подожди, схожу уж, посмотрим, что царь скажет".

Из текстов Г.Г.Пехлеви:

Şefalek mirişkek dizî wê revvî. Xadiyê mirişkê dekirre ç'iri: "Way, mirişkê min 10 girwanke goştî xe hewû!..." Ew tenêk we dû şefalê bezzî, nagîşte wî, vegeyîya.

Şefal le çolê we rêvviyekva rû we rû wû. Wan we hevra hal =ehwal k'ir, p'aşê şefal we rêvviyêra got: "Bro, to temaşeyî in-saf we tohmetê xelk'ê k'e. Mirişk'ê ki 2 girwanke zêdetir goştî xe tonne, dewin ki 10 girwanke goştî xe heye!"

Rêvviyê temaşeyî mirişk'ê k'ir û got" : Ka mirişk'ê le herdê doyn, ta ez wî wezn k'im". Şefalê mirişk'ê le herdê danî. Rêvviyê mirişkê hîlanî. - "Birangê min, ba şûnê 10 girwankan le ser min 20 girwankan hesaw k'in!" - wîyan got we rêvvi, çû.

Шакал украл курицу и побегал. Хозяин курицы завопил: "Вэй, в моей курице десять фунтов мяса было! Вэй, моя курица весила десять фунтов!.." Он некоторое время бежал за шакалом, но не догнав его и вернулся.

В поле шакал встретил лису. Они поздоровались, и после этого шакал говорит лисе: "Сестричка, ты только посмотри на людей, какие они клеветники. О курице, которая едва потянет два фунта, они говорят, что она десять фунтов весит".

Лиса взглянула на курицу. - "Ну-ка, положи, я посмотрю, сколько она весит". Шакал положил курицу на землю. Лиса подняла ее. - "Братец мой дорогой, да пусть они отнесут на мой счет не десять, а хоть двадцать фунтов!" Сказала - и была такова.

1) E.Berésine, Recherches sur les dialectes musulmans. II.

Recherches sur les dialectes persans, Casan, 1853; W.Ivanow, Notes on Khorasani Kurdish, - "Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal", 1927 (New Series), vol. XXIII, N 1, pp. 167-236; В.С.Соколова, Очерки по фонетике иранских языков. I. М.-Л., 1953, с. 78-103; Ч.Х.Бакаев, Говор курдов Туркмении. М., 1962.

2) См.: Вариантность как диахронический лимит языковой системы, - "Палестинский сборник", 1969, вып.19(82), с.56-68; Вариантность в языке и тексте. - "Краткое изложение докладов У годичной научной сессии ЛО ИВ АН", 1969, с.158-160; Глагольные

окончания в хорасанском курманджи. Диахроническая направленность вариантов, - "Палестинский сборник", 1970, вып. 21(84), с.114-120.

Э.А.ДСУПОВА

ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ EWA И WA В ЮЖНОМ НАРЕЧИИ КУРДСКОГО ЯЗЫКА

Частицы *ewa* и *wa* в южнокурдском наречии характеризуются следующими употреблениями¹):

1. Выступают в функции указательных частиц со значением "вот", "вон":

(1) *bawîm ewa eme kuîme w emeş birame* 'отец мой, вот это мой сын, а это мой брат'; (2) *xot biçe , ewa lew koîanen* 'иди-ка сям, вон они на той улице'; (3) *wa em jinane êsta be ni-nyan wut* 'вот эти женщины только что сообщили мне...'; (4) *wan le koîana yarî eken* 'вот они играют на улице'.²)

2. С глаголом в форме настояще-будущего времени подчеркивают:

а) значение настоящего наблюдаемого действия (или состояния), часто вводимого предваряющим глаголом "видит": (5) *kiçke biçkoîeke gurc faereîê w îd ekate nizgewteke, ke egate ewê ebînê ewa her-dî xîşkekey le xoyan eden u egrîn* 'младшая дочь поспешно встает и направляется к мечети, придя туда, она видит: обе сестры ее плачут, убиваются'; (6) *kit-u riî seuryan kird ewa kuîe lew lawe berew awayî xo ekutê* 'вдруг видят они: вдова оттуда идет в сторону деревни'; 7) *Çojêk eçê bo lay genmekey seurt eka wa le nizk genmekey ewewe şwanêk xerîke bilwêr lêda* 'однажды идет он к (скотой) пшенице и видит: возле пшеницы сидит какой-то пастух и играет на свирели'.

В указанном значении частицы *ewa* и *wa* могут употребляться и с предикативной связкой настоящего времени: (8) *ke eçîwe ewê , wa helpeîkêye* 'когда он пришел туда, (видит) - танцы'; (9) *zor eÇofîtin , le jêr gelakulekeyekî pana westan , temaşayan kird wa baîndekeykî wurdîle xerîkî teîê guay barîke* 'долго шли они, остановились под листвой белой акации, видят: какая-то птичка плетет веревку из травы'.

б) значение настоящего ненаблюдаемого действия (в этом значении частицы употребляются реже): (I0) *emeu pè lawé, ewa b'ray xou le ge'le, ba ew b'batewe* 'так нельзя, при ней (сейчас) ее брат, пусть он и возьмет ее'; (II) *kake, ewa xurçe be xou u dâ keaf tir le haw'ekanyewe le wê danîştûn ça exonewe* 'братен, (сейчас) Хурша и еще двое его друзей сидят там и пьют чай'; (I2) *e'îen ewa kabra jini heye w eçê jinêki tir dênêt* 'говорят у (этого) человека есть жена, а он идет и другую жену приводит'. Важно отметить, что основное значение - подчеркивание протекания действия в момент речи, выступает вполне отчетливо и в этой серии примеров.

в) значение ближайшего будущего (с модальностью готовности): (I3) *eger twanit bizanft kam çawim zaxe w kamyan çûdeye, ewa çtê paret edême* 'если ты сможешь определить, какой глаз у меня здоровый, какой стеклянный, я (тут же) дам тебе денег'; (I4) *pe-Iam dâ aga tazem des kewtwe, ewa eyangê'imewe botan* 'однако у меня есть две новости, (сейчас) я расскажу вам о них'; (I5) *bi-gam çahîdit bêne, - be ser çaw wa eçim bo çahîd* 'Брат мой, приведи своего свидетеля. - Пожалуйста, (вот) иду за свидетелем'; (I6) *bo nandûn mindalîne ? emir ekey daye gyan wa enbun* 'Почему вы не спите, дети? - Изволь, мамочка, (сейчас) уснем!'

2. С глаголом в форме перфекта (как и с формой настоящего времени, см. выше, пункт а) подчеркивают значение наблюдаемого в данный момент действия или состояния: (I7) *beyanfeyek kabray haw-îê hate mişgewt seuyî kird ewa zûtir hatête mişgewteke* 'как-то утром приходит (его) друг в мечеть и видит: тот раньше его пришел в мечеть'; (I8) *temaşay kird mêrdleyek xerfke be nixenfx ewa danegenmeşanfeyeke be kêş kirdûwe* 'видит: один муравей, криктя, тащит кукурузинку'.

Привлекает внимание случаи употребления частиц в указанном значении с формой перфекта и настоящего времени одновременно: (I9) *ewa çairîş her çawî bîfîwete dize w pây p'ekene* 'а поэт уставился на вора и смеется над ним'; (20) *fate ke çû temaşay kird wa le kwêreşêwekeda xurçe w dâ zelami tir danîştûn u çayan exonewe* 'когда Фате пришла (туда), видит: в ложбине Хурша и еще двое мужчин сидят и пьют чай' (ср. прим. II); (21) *ke egate ewê ebîne ewa xuşke gewrekey be dîyar kanfeyekewe danîştûwe egrî w le xou eda* 'когда она пришла туда, видит: ее старшая сестра сидит у родника, плачет, убивается'.

Ср. аналогичное употребление глаголов без частицы: (22) *ewa-ge ke hatewe tamaqay kird jineke le naw lêfe w doşeke kewtêwe w enalêna* 'вечером, когда он вернулся (домой), видит: жена лежит в постели и стонет'.

Анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Частицы *ewa* и *wa* употребляются в семантически идентичных контекстах.
2. Помимо самостоятельного употребления в качестве указательных частиц они выступают в функции показателя, подчеркивающего значения (а) настоящего наблюдаемого (реже ненаблюдаемого) действия (при формах настоящего-будущего времени и перфекта), (б) ближайшего будущего (при форме настоящего-будущего времени).⁸⁾
3. Поскольку в вилнокурдском наречии значения настоящего и будущего времени передаются одной и той же глагольной формой, то указанные частицы служат одновременно одним из способов разграничения настоящего и будущего времени, с одной стороны, и ближайшего будущего и будущего неопределенного, с другой.

1) В известных нам грамматиках вилнокурдского наречия эти частицы не отмечены.

2) Внешне частица *wa* совпадает с наречием *wa* "так", "таким образом".

3) В северном наречии курдского языка (курманджи) значения настоящего наблюдаемого действия и действия ближайшего будущего также имеют свое формальное выражение (см. И.И.Цукерман, О генетическом единстве показателя будущего времени и показателя категории очного в курдском языке (курманджи). - "Проблемы востоковедения". 1959, № 2, с.148-155; К.К.Курдоев, Грамматика курдского языка (курманджи). М.-Л., 1957, с. 207-208, 212).

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Г.С.Прон

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ДО ИВ АН СССР ЗА 1978 г.

1. Акимущики О.Ф. Еще раз о художнике Сиявуш-беке. - В кн.: Восточная филология. П. Тбилиси, 1972, с.198-198.
2. Акимущики О.Ф., Большаков О.Г., Воробьев М.В., Горегляд В.Н., Кычанов Е.И., Петросян Ю.А., Темкин Э.Н. Новое учебное пособие по истории стран зарубежной Азии в средние века. /О книге "История стран зарубежной Азии в средние века". Отв. ред. А.М.Гондобин, Д.И.Гольдберг, И.П.Петрушевский. М. "Наука", 1970. 640 с., 25 карт./ - НАА, 1978, № 2, с. 141-150.
3. Акимущики О.Ф. и Иванов А.А. О миниатюрной живописи Мазераннахре. ХУП в. - В кн.: The Memorial volume of the V th International congress of Iranian art and archaeology. Tehran-Isfahan-Shiraz. 11th-18th April 1968. Vol. 2. Tehran, 1972, p.2-6. (На перс. яз.).
4. Акимущики О.Ф. Отчет о научной командировке в Иран. М., 1978. 76 с. (АН СССР. ВИНИТИ).
5. Акимущики О.Ф. Редкое сочинение по истории Ирана из библиотеки Везири в г. Исфахе. - III и ПИКНВ, IX. М., 1978, с. 48-51.
6. Akimushkin O. The historical work of Shah-Mahmud Churas. М., "Наука", 1978. 16р. (XXIX Intern. congress of orientalist. (Paris, July 16-22, 1973). Papers presented by soviet scientists).
7. Акимущики О.Ф. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: "Аноним Искандаре". - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1978, с. 112-127.
8. Акимущики О.Ф. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Зафар-наме Нязам ад-Дине Шами. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1978, с. 101-111.

9. Акимушкин О.Ф. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Зафар-наме Шараф ад-Дини Али Йезди. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1978, с. 128-149.

10. Акимушкин О.Ф. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Матла' ас-са 'дайн ва маджиде' эл-бахрейн Абд ар-Раззак Самарканди. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1978, с.150-169.

См. также № 15, 160.

11. Амусли Н.Д. Денежно-весовая система обращения в древней Палестине в I-й половине I тыс. до н.э. - В кн.: Древний Восток. Города и торговля (II-I тыс. до н.э.). Бриван, 1973, с. 136-148. Резюме на англ. яз.: с. 288.

12. Амусли Н.Д. Исторический фон кумранского комментария на Исашю. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1978, с. 51-55.

13. Амусли Н.Д. /Статьи в БСЭ/:

Эссем. - БСЭ, 3-е изд., т.9. М., 1972, с. 101.

Зелоты. - Там же, с. 456.

Израильское царство. - Там же, т.10, с.119.

Иосиф Флавий. - Там же, с. 388.

Иудейское царство. - Там же, т.11, с. 55-56.

14. Баяевский С.И. Обозначение правильного чтения и произношения слов в средневековых персидских фархангах. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1978, с.55-58.

15. Бертольд В.В. Сочинения. Т.8. Работы по источниковедению. /Подгот. к печ. и предисл. О.Ф.Акимущкина/. М., "Наука", 1973, 728 с.

16. Berlev O.D. Table d'offrandes appartenant a un habitant de la ville de la pyramide de Sesostris II. - "Revue d'Egyptologie", t.24, 1972, p. 14-16, 1 pl.

17. Берлев О.Д. /Пер. с древнеегипет./: Поучение Ахтоя, сына Дузуфа, своему сыну Пиопи. - В кн.: Хрестоматия по истории Древнего мира. Саратов, 1973, с. 9-19.

18. Бертельс Д.Е., Комиссаров Б.Н. и Лысенко Т.И. /Подгот. к изд./: Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821-1829 гг. Научное описание. Под ред. Л.А.Шура. Л., 1978. 228с. (Труды Архива АН СССР, вып. 25). Резюме на португальск. яз.: с.182-188. Содерж. на португальск. яз.: с.226-228.

19. Бертельс Д.Е. /Пер. с нем. и предпол./: Мец, А. Мусульманский Ренессанс. 2-е изд. М., "Наука", 1978. 473с. с карт. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

Список лит. (сост. Д.Е.Бертельс): с. 414-452. Алф. указ.: с.458-472.

20. Богословский Е.С. Конусы заместника египетской Эфиопии Мей-месе в Эрмитаже. - СИЭ, 1972, т.85, с.62-66, с илл. Резюме на англ. яз. (с.91).

21. Богословский Е.С. Памятники и документы из Дар-эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР. (Вып. V, VI, указатели). - ВДИ, 1978, № 1, с.78-104 с илл., 2 л. илл.; № 2, с.70-102 с илл., 8 л. илл.; № 3, с.80-86.

22. Bogoslovsky E.S. "Послушные призыву" в хозяйствах частных лиц Египта (XV-XIV веков до нашей эры). - IV сессия по древнему Востоку, 39-40. /Автоаннотация на англ. яз./ - "Annual Egypt. bibliogr. 1968". Leiden, 1973, p.26.

23. Bogoslovsky E.S. Руководители ткачей в Египте XVI-XV вв. до н.э. - ВДИ, I(108), 1968, 87-96, with an English summary on p. 96. /Автоаннотация на англ. яз./ - "Annual Egypt. bibliogr. 1968". Leiden, 1973, p.26.

24. Bogoslovsky E.S. Dobrovolskaja J.A. Стела Сетау из собрания Государственного Эрмитажа. - Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос.Эрмитажа за 1966 год. 22-24 мая 1967 г. Ленинград, 1967, 21-22. /Аннотация на нем. яз./ - "Annual Egypt. bibliogr. 1968". Leiden, 1973, p.54.

25. Bogoslovsky E.S. Kink H.A. Об особенностях связей Египта и стран Ханаана с окружающими странами в IV и начале III тысячелетий до н.э. - IV сессия по древнему Востоку, 38-39. /Аннотация на нем. яз./ - "Annual Egypt. bibliogr. 1968". Leiden, 1973, p.100.

26. Bogoslovsky E.S. Semper N.E. Элементы содержания двух амарнских гимнов Солицу. - IV сессия по древнему Востоку, 40-41. /Аннотация на нем. яз./ - "Annual Egypt. bibliogr. 1968". Leiden, 1973, p.162.

27. Bogoslovsky E.S. Struve V.V. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., "Наука", Ленингр. отделение, 1968. 356 с. /Аннотация на нем. яз./ - "Annual Egypt. bibliogr. 1968". Leiden, 1973, p.168.

28. Бойко К.А. Возникновение арабской историографии в Испании (711-929 гг.) - НАА, 1973, № 3, с. 168-177.

29. Болдырева М.А. Некоторые особенности развития индонезийского стихосложения XX в. - В кн.: Проблемы восточного стихосложения. М., 1973, с. 115-126.

Большаков О.Г. см. № 2.

30. Бурман А.Д. Бирманская драма середины XIX века. Отв. ред. О.И.Финман. М., "Наука", 1973. 144с. (АН СССР. Ин-т востоковедения). Список лит.: с.140-143 (100 назв.).

31. Васильев К.В. Религиозно-магическая интерпретация власти вена в западночжоуских эпиграфических текстах. - В кн.: Китай: общество и государство. М., 1973, с. 7-12.

32. Васильков Я.В. Элементы устно-поэтической техники в "Махабхарате". - В кн.: Литературы Индии. Статьи и сообщения. М., 1973, с.3-23. Библиогр.: с.23.

33. Вахтин Б.Б., Гуревич И.С., Кроль Ю.Л., Стулова Э.С., Горопов А.А. . Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР. В 3-х вып. М., "Наука", 1973. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

Вып. 1. 402 с.

Вып. 2. 591 с.

Вып. 3. 502 с.

34. Волкова М.П. Пути формирования литературы на манчжурском языке. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.93-96.

35. Воробьев М.В. Древнейшие китайские монеты из собрания Государственного исторического музея. - В кн.: Нумизматический сборник. Ч. IV, вып. 3. М., 1971, с. 86-101, табл. XL-XLIII.

36. Воробьев М.В. Звания и титулы чжурчжэньских вождей в доцзиньский период. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.16-19.

37. Воробьев М.В. Некоторые спорные вопросы культурной и этнической истории чжурчжэней. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973, с. 248-254. Лит-ра: с.254.

38. Воробьев М.В. О титулатуре чжурчжэньских вождей до провозглашения государства Цинь. - ТИИАЭ нар. ДВ, т.9. Владивосток, 1973, с. 156-159.

См. также № 2.

39. Ворожейкина З.Н. и Розенфельд А.З. К истории сюжета "Сердце матери" в славянских литературах. - В кн.: Славянские страны и русская литература. Л., 1973, с. 246-258.

40. Ворожейкина З.Н. Послания к меценату. - III и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.90-93.

41. Ворожейкина З.Н. Четверостишия Джемал ад-Дина Абдарразака Исфехани. - "Памир", Душанбе, 1973, № 10, с.85-86.

42. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Аджамб ал-булдан Бирджанди. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с.170-171.

43. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Джалис-и муштакин Мауданы Пируи Бухарая. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 185-189.

44. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Джахан-наме Мухаммада ибн Наджиба Бекрана. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 46-51.

45. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Зийа ал-кулуб. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 177-184.

46. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Зинат ал-маджалис Маджди. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с.172-173.

47. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: /Китаб/ масадик ал-мамадик ал-Истахри. (Персидский перевод). - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 24-34.

48. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Худуд ал- алам. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с.35-45. См. также № 160.

49. Газов-Гинзберг А.М. О символике гласных в дейксисе. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.119-121.

50. Гафуров Н.Б. Проблема творческого наследия Кабира. - В кн.: Литературы Индии. Статьи и сообщения. М., 1973, с. 66-76. Библиогр.: с.76.

Горегляд В.Н. см. № 2.

51. Грунтфест Я.Б. Армяно-эфиопские материалы из Бзоумера. - "Вестник Матенадарана", вып. II. Ереван, 1973, с.335-354, с илл. Резюме на арм. и франц. яз.

52. Грунтфест Я.Б. Трансформации у смозвейхи. - III и ПИКНВ, IX. М., 1973, с. I2I-I24.

53. Гузев В.Г. Краткий обзор исследований по языку турков Малой Азии XII-XVI вв. - В кн.: Туркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 69-92.

54. Гузев В.Г. О реконструкции системы согласных фонем старонанотийско-туркского языка (тезисы). - III и ПИКНВ, IX. М., 1973, с. I25-I27.

55. Гузев В.Г. "Структурные типы словосочетаний и предложений в современном турецком языке". /Заметка о докторской дисс. А.Н.Басканова/. - СТ, 1973, № I, с.138.

56. Гузев В.Г., Дулина Н.А. и Тугушева Л.Ю. Третья туркологическая конференция. - В кн.: Туркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 403-412.

57. Гузев В.Г., Дулина Н.А., Кляшторный С.Г., Мартынец А.Е., Насимов Д.М. VI Туркологическая конференция в Ленинграде. - СТ, 1973, № 5, с. I28-I35.

Гуревич И.С. см. № 33.

58. Дандамаяев М.А. Международный конгресс иранистов в Ширазе. - ВДИ, 1973, № I, с. 226-231.

59. Дандамаяев М.А. Работники сельского хозяйства в Иране в конце VI - первой половине V в. до н.э. - ВДИ, 1973, № 3, с.3-26. Библиогр. в примеч.

60. Дандамаяев М.А. Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н.э. - В кн.: Древний Восток. Города и торговля. (III-I тыс. до н.э.). Ереван, 1973, с.65-77. Резюме на англ. яз.: с.225-227.

61. Дандамаяев М.А. /Рец. на кн./: Salonen A. Die Fischerei im alten Mesopotamien nach sumerisch-akkadischen Quellen. Helsinki, 1970. 314 S. - ВДИ, 1973, № I, с. 202-203.

62. Демидова М.И. Императрица У-хоу и Дуньхуанская библиотека. - В кн.: Четвертая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1973, с. 170-173.

63. Демидова М.И. Монастырская библиотека в Китае в первом тысячелетии (по материалам дуньхуанских коллекций). - III и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.58-61.

64. Дулина Н.А. /Сост./: Список трудов П.М.Медиоранского и литературы о нем. - В кн.: Туркологический сборник, 1972, М., 1973, с.396-400.

См. также № 56, 57

65. Dunajevskaја I.M. Bemerkungen zu einer neuen Darstellung altkleinasiatischer Sprachen. 2. Zum Hattischen. / Рец. на кн.: Handbuch der Orientalistik. Hrg. von B. Spuler. Leiden, Brill, 1969. XIV, 588 S./ - OLZ, 68. Jg, 1973, N 1/2, S.16-22.

См. также № 71.

66. Дунаевская И.М. /Пер. с хеттск./: Из хеттских законов. - В кн.: Хрестоматия по истории Древнего мира. Саратов, 1973, с.29-34.

67. Дьяконов И.М. Древнееврейская литература. - В кн.: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с. 537-550.

68. Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (По материалам Ура). - В кн.: Древний Восток. Города и торговля. (III-I тыс. до н.э.). Ереван, 1973, с.30-64. Резюме на англ. яз.: с. 221-225.

69. Дьяконов И.М. Рабы, плоты и крепостные в ранней древности. - ВДИ, 1973, № 4, с.1-29.

70. Дьяконов И.М. /Разделы по древней истории стран и народов Армянского нагорья/. - В кн.: История армянского народа. Т.1. Ереван, 1972, с.175-188, 195-202, 292-299.

Древнейшие классовые общества на южных и западных подступах к Армянскому нагорью (с. 175-188).

Военная демократия в странах Армянского нагорья (с.195-196).

Племенные объединения Хадаса-Аззы и хеттское царство (с.197-202).

Государстве и племена Армянского нагорья и Малой Азии накануне урартского завоевания (с. 292-299).

71. Diakonoff I.M. Bemerkungen zu einer neuen Darstellung altkleinasiatischer Sprachen. 1. Zum Churritischen, Urartäischen und Elamischen. /Рец. на кн.: Handbuch der Orientalistik. Hrg. von B. Spuler. I. Abt.: Der Nahe und der Mittlere Osten. 2. Bd.: Keilschriftforschung und alte Geschichte Vorderasiens. 1. u. 2. Abschnitt: Geschichte der Forschung Sprache und Literatur. Lfg. 2: Alt Kleinasiatische Sprachen. Mit Beiträgen von J. Friedrich u.a. Leiden, Brill, 1969. XIV, 588 S./ - OLZ, 68. Jg, 1973, N 1/2, S.5-16. См. также № 65.

72. Дьяконов И.М. /Пер. с аккадск. и примеч./: "О все выдавшем" со слов Син-деке-унинни, заклинателя. - В кн.: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с.166-220; 673-681. (Б-ка всемирной лит-ры. Сер. I. Т.I).

Примечания: О все выдавшем (с.673-680). - /Молитва к ночным богам/ (с.680-681). - /Колыбельная песенка из Ашшура/ (с. 681). - /Закливание солнца/, Из /заклинаний/ ("Скорбь, как воды речные...") (с.681).

73. Дьяконов И.М. /Пер. с древнеевр. и примеч./: Песнь песней. - Книга Экклесиаст. - В кн.: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с.625-652; 713-716, 724-727.

Примечания: Из "Книги бытия" (с.713). - Книга Ионы (с.713-714). - Книга Руфь (с.715-716). - Песнь песней (с.720-724). - Книга Экклесиаст (с. 724-727).

74. Elanskaia A.I. La loi de proportion en copte et la categorie du temps en egyptien, - "Revue d'Egyptologie", t.24, 1972, p. 54-59.

75. Елисеева Н.В. УШ годовичная научная сессия Ленинградского отделения ИВАН СССР. - НАА, 1973, № 3, с.228-231.

76. Елисеева Н.В. Научная сессия памяти видных советских семитологов. - НАА, 1973, № 4, с. 227-230.

77. Запалова Е.А. Бирманский рассказ в 30-50-е годы XX века. (К истории изданий). - ВМУ, 1973, № 4, с.80-87.

78. Гуров Н.В. и Зюграф Г.А. Памяти Семена Гесселевича Рудина (1929-1973). - НАА, 1973, № 6, с.238-240.

79. Зюграф Г.А. Переходность глагола как морфологическая категория в новых индийских языках. - ПП и ПИКНВ, IX, М., 1973, с.127-130.

80. Зюграф Г.А. /Статьи в БСЭ/: Икбал. - БСЭ, 3-е изд., т.10. М., 1972, с.121. (Совм. с Л.Юрвичем).

Индийское письмо. - Там же, с. 195-197.

Индология. - Там же, с.236-237.

81. Иванова Г.Д. /Пер. с япон./: Кисаба Дзюн, цветы горя. - Ханива Сакураку. Все, что осталось... - В кн.: Красная лягушка. Новеллы японских писателей. М., 1973, с.73-79, 88-95.

82. Какабодзе С.С. Термины Зена сопели, Шида Картли, Шида калаки, Даби. - ПП и ПИКНВ, IX, М., 1973, с.6-8.

83. Кепинг К.Б. Побудительная конструкция в тангутском языке. - ПП и ПИКНВ, IX, М., 1973, с.130-134.

84. Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968-1969). - В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с.254-264.
85. Кляшторный С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии. - В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с.334-338.
86. Кляшторный С.Г. Роль согдийцев в экономической жизни Тюркского и Уйгурского каганатов (VI-IX вв.) - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.19-22.
87. Васильев Д.Д. и Кляшторный С.Г. Руническая надпись Ипр-Сайыр. - СТ, 1973, № 2, с.104-110, с илл.
88. Арсланова Ф.Х. и Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. - В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с.306-315.
89. Кляшторный С.Г. Рунические надписи Саянского каньона Енисея. - "Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ", т. 16, 1973, с.228-231, с илл.
90. Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика в Саянском каньоне Енисея. - В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований /ИА АН СССР/ 1971 г. М., 1972, с.400.
91. Кляшторный С.Г. /Подгот. к печ./: Самойлович А.Н. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н.Хакимовым. - В кн.: Тюркологический сборник, 1972. М., 1973, с.186-211.
92. Кляшторный С.Г. Эпиграфические работы Саяно-Тувинской экспедиции. - В кн.: Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с.218.
93. Одахин К.К. и Кляшторный С.Г. /Рец. на кн./: Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. - СТ, 1973, № 1, с.120-122.
См. также № 57, 187.
94. Кононов А.Н. Из наблюдений над синтаксисом надписи Тонькука (УШ в.). - В кн.: Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти ак. В.М.Жирмунского. Л., 1973, с.89-97.
95. Кононов А.Н. Изучение "Дивану дугат ит-турк" Махмуда Кашгарского в Советском Союзе. - СТ, 1973, № 1, с.3-9. Лит-ре: с.6-9.
96. Кононов А.Н. П.М.Медиоранский и отечественная тюркология. - В кн.: Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с.7-17.

97. Кононов А.Н. Некоторые проблемы исторического синтаксиса тюркских языков. - В кн.: Восточная филология, III, Тбилиси, 1978, с. 166-174.

98. Кононов А.Н. А.Н.Семойлович- грамматист. - СТ, 1978, № 5, с.37-48.

99. Кононов А.Н. Термины и способы определения стран света у тюркских народов.-В кн.: УП региональная конференция по диалектологии тюркских языков и Маловские чтения. 15-18.У.1978. Тезисы докл. и сообщений. Алма-Ата, 1978, с.3-7.

100. Кононов А.Н. Тюркология. - СВЭ, т.14. М., 1978, с.626-680.

101. Кононов А.Н. Этимологические заметки /О слове "кармешаться". Еще раз о "Бабе-Яге"/. - "Русская речь", 1978, № I, с.116-119.

102. Kononov A.N. Turk Linguistics in the USSR (Certain problems) M., 1973, 12 p. (XXXIX Intern. congress of orientalists. (Paris. July 16-22.1973). Papers presented by Soviet scientists).

103. Кононов А.Н. /Статьи в "Казахской советской энциклопедии"/: Базын, Дун. - Каз. СЭ, т.2. Алма-Ата, 1978, Банг-Кауп, Вилли. - Там же, с. 150.
Грэнбех, Кавре. - Там же, т.3, с.397.
Дени, Хан. - Там же, т.3, с.536. (На казах. яз.).

104. См. также № 187.

104. Кроль Ю.Л. Древнекитайская концепция образца (и-бяо). - НАА, 1978, № I, с.149-152.

105. Кроль Ю.Л. "Коррелятивное мышление" и древнекитайское представление о "внешней причине". - В кн.: Четвертая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1978, с.22-34.

106. Кроль Ю.Л. О концепции "Китай-варвары". - В кн.: Китай: общество и государство. М., 1978, с.13-29.

107. Kroll Ju.L. The term yi-piao and "associative" thinking.- JAOS, vol.93, 1973, N 3, p.356-359.

См. также № 33.

108. Куликова А.М. Новые материалы к истории тибетологического образования в России. - III и ПИКНВ, IX. М., 1978, с.151-153.

109. Курдоев К.К. Академик И.А.Орбели и курдоведение. - "Историко-филол. журн.", Ереван, 1978, № I, с.61-70. Резюме на арм. яз.

110. Курдоев К.К. О езидских религиозных текстах, их языке и алфавите. - "Труды Курдской Академии наук", Багдад, 1978, с.182-172. (На курдск. яз.).

111. Курдоев К.К. О религиозных письменных и устных текстах курдов-езидов. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1978, с.61-65.

112. Кушев В.В. Первые строки к биографии Мухаммад А'зиза Кодизая - афганского поэта XVII века. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1978, с.96-99.

113. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., "Наука", 1978. 144 с. с илл. (АН СССР. Ин-т востоковедения). Список лит.: с.148.

114. Кычанов Е.И. и Новгородова Э.А. Роль кочевых народов в цивилизации центральной Азии (Международный симпозиум в Улан-Баторе). - НАА, 1978, № 6, с.219-228.

115. Кычанов Е.И. Судопроизводство в тангутском государстве в описании словаря "Жемчужина в руке" (1190). - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1978, с.22-25.

116. Кушанов Е.И. Monuments of Tangut legislation (12th-13th centuries). М., 1973, 16p. (XXIX Intern. congress of orientalists. (Paris. July 16-22. 1973). Papers presented by Soviet scientists).

См. также № 2.

117. Лившиц В.А. Правители Согде и "цари хуннов" китайских династийных историй. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1978, с.25-27.

118. Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута. - В кн.: The second International congress of mongolists. Vol. 1. Ulan-Bator, 1973, p. 243-250.

119. Дундин А.Г. Город и государство в Южной Аравии I тыс. до н.э. - В кн.: Древний Восток. Города и торговля (III-I тыс. до н.э.), Ереван, 1978, с.162-177. Резюме на англ.яз.: с.235-236.

120. Дундин А.Г. О происхождении хымьаритской эры. - ВДИ, 1978, № I, с.26-34 с илл. Библиогр. в примеч. Резюме на англ.яз.

121. Loundine A.G. Deux inscriptions sabéennes de Marib. - "Le Muséon", t.86, 1973, p.179-192.

122. Loundine A.G. Le régime citadin de l'Arabie du Sud aux II-III s. de n. è. - "Proceedings of the VI Seminar for Arabian Studies". London, 1973, p.26-28.

123. Мартынец А.Е. Звуковой повтор в современном турецком стихе. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.99-102.

124. Мартынец А.Е. Приблизительная рифма в газелях Днуса Эмре. - СТ, 1973, № 5, с.115-118.

См. также № 57.

125. Меньшиков Л.Н. В.М.Алексеев как коллекционер. - В кн.: Литература и культура Китая. Сб. статей к 90-летию со дня рожд. акад. В.М.Алексеева. М., 1972, с.120-128.

126. Меньшиков Л.Н. Об изучении китайских письменных памятников. - В кн.: Проблемы советского китаеведения. (Сб. докл. Всесоюз. науч. конфер. китаеведов, сост. в ноябре 1971 г.). М., 1973, с.259-267.

127. Мецерская Е.Н. Легенда о переписке Авгара с Тиберием в составе "Учения Аддея". - ПП и ПИКНВ, IX, М., 1973, с.66-68.

128. Миклухо-Маклай Н.Д. К характеристике персидской средневековой географии. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.8-11.

129. Муздстан Х.М. "Джами ал-хикейат" из рукописного собрания ЛО ИВАН. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.68-71.

130. Мусаэлян Ж.С. Курдская поэтесса Махшараф-Ханум Курдистани "Мастуре" (предварительное сообщение). - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.102-105.

131. Невелева С.Л. Имя в "Махабхарате". - В кн.: Литературы Индии. Статьи и сообщения. М., 1973, с.232-247. Библиогр.: с.246-247.

132. Невелева С.Л. Особенности употребления эпитета в "Махабхарате". - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.105-109.

133. Никитина М.И. К вопросу о роли зрительного знака. (Заметки об этимологии древнекорейских имен и географических названий в памятниках XI-XIII вв.) - НАА, 1973, № 5, с.122-132.

134. Носова Н.И. Субстантивация, номинализация и просубстантивное употребление глагольных конструкций в бирманском языке. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.134-136.

135. Огнева Е.Д. Структура тибетской иконы. - В кн.: Проблема канона в средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973, с.103-112. Литература: с.112.

136. Оранский И.М. Индоарийский язык гиссарских перья (Средняя Азия) и специфика его развития в таджикоязычной среде (перья-таджикское двуязычие и его воздействие на лексико-грамматическую систему языка гиссарских перья). - В кн.: Сопоставление по общим вопросам диалектологии /и/ истории языка. Тезисы докл. и сообщений (Бреван, 2-5 октября 1978 г.), М., 1978, с.121-122.
137. Оранский И.М. О некоторых явлениях ареальной конвергенции в области стыка индоарийских и иранских языков. - В кн.: Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докл. I., 1978, с. 53-55.
138. Оранский И.М. /Участие в работе/: Dressler W., Mauchhofer M., Schindler J. Indogermanische Chronik. 19 b. - "Die Sprache", Wien, 1973, Bd. 19, Hft.2, S. 216-260.
139. Оранский И.М. /Рец. на кн./: Иранская филология. Материалы V Всесоюз. межузовской науч.конференции по иранской филологии, состоявшейся в г. Душанбе 25-27 апр. 1966 г. Душанбе, 1970. 285 с. - НАА, 1978, № 5, с. 212-214.
140. Оранский И.М. 30 лет назад. - "Коммунист Таджикистана", Душанбе, 1978, 16 января.
141. Орбели И.А. Великий певец гуманизма /Шота Руставели/. - "Вестник обществ. наук АН АрмССР", 1972, № 7, с.19-25.
142. Павловская Л.К. О жанре пинхуа. - III и ПИКНВ, IX. М., 1978, с.109-112.
143. Peterjolkín Ju.Ja. Záhada zlaté rakve. Preložila M.Pitkemannova. Doslov napsal a odbornou revízi provede dr. František Áhála. Praha, Nakladatelství Mláda Fronta, 1973, 159a, 111.
144. Периханян А.Г. Сасанидский судебник. "Книга тысячи судебных решений". (Mātakdān ī hazār dāstān). Бреван, Изд. АН АрмССР, 1978. 574 с. (АН АрмССР Ин-т востоковед. - АН СССР. Ин-т востоковед. Лен. отд-ние).
145. Периханян А.Г. Частные целевые фонды в древнем Иране и проблема происхождения ВАКФА. - ВДИ, 1973, № I, с.3-25. Библиогр. в примеч. Резюме на англ. яз.
146. Петрове О.П. "Росия бэнго" - лексикографический памятник 1793 года экспедиции А.Лаксмана в Японии. - III и ПИКНВ, IX. М., 1978, с.71-74.
147. Петросян Ю.А. В центрах исторической науки и библиотеках Гурции. - НАА, 1973, № 3, с. 238-241.

148. Петросян Ю.А. Из истории нелегальной пропаганды младотурок во флоте. - НАА, 1978, № 5, с. 151-152.

149. Петросян Ю.А. и Юсупов А.Р. Измир. М., "Наука", Глав.ред. вост. лит., 1978. 184 с. с илл. (АН СССР. Ин-т востоковедения). Список лит.: с.183.

150. Петросян Ю.А. и Финман О.Д., Изучение истории культуры Востока и борьба с буржуазной идеологией. - III и ПИКНВ, IX, М., 1978, с.3-5.

151. Петросян Ю.А. Турция. /Раздел/. - В кн.: Зерождение идеологии национально-освободительного движения. (XIX - начало XX в.). М., "Наука", с. 17-57.

152. Хелтяков А.Д. и Петросян Ю.А. Главы правительств Турции. - Важнейшие события культурной и научной жизни... - Важнейшие научные учреждения и общества Турции, изучавшие историю; органы исторической периодики. /Разделы в статье "Турция"/. - СИЭ, т.14, М., 1978, с.591-594.

См. также № 2.

153. Пиотровский М.Б. Предание о химйаритском царе Ас аде ал-Хамиле. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л. 1973, 12с. (ЛГУ им. А.А.Жданова).

154. Пиотровский М.Б. Тубба⁶ Корана и химйаритский царь Аб⁷ Кариб Ас⁸ ад. - III и ПИКНВ, IX, М., 1978, с.27-30.

155. Подосин В.В. Об одной неизученной категории разночтений в арабских рукописях. - III и ПИКНВ, IX, М., 1978, с. 74-77.

156. Прозоров С.М. /Пер. с араб., исследов. и коммент./: Ал-Хасан ибн Муса ан Наубахти. Шиитские секты. М., "Наука", 1978. 255 с., I л.табл. (Памятники письменности Востока, 43).

Прил. : с.233-249. Резюме на англ. яз.

157. Ромодин В.А. Некоторые историко-демографические данные об афганском (паштунском) населении Афганистана. - В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973, с.169-172. Лит-ра: с.171-172.

158. Ромодин В.А. /Пер. с таджик. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Исторические сочинения ферганских авторов времени Кокандского ханства. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с.224-237.

159. Ромодин В.А. /Пер. с таджик. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Маджму ат-таварих. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с.200-214.

160. Ромодин В.А. /и др./ Глоссарий, список принятых сокращений, указатели: имен, геогр. названий, этнических названий, названий восточных сочинений. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с.241-247, 251-279.

При сост. глоссария использованы материалы, предоставл.)Ф.Акимушкиным, З.Н.Ворожейкиной, К.Б.Старковой и М.А.Салахетдиновой. Указатели сост. при участии О.Ф.Акимушкина и З.Н.Ворожейкиной.

161. Ромодин В.А. /Отв. ред., и введение/: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., "Наука", Глав.ред. вост. лит., 1973. 280с. (АН СССР. Ин-т востоковед. - АН Кирг.ССР. Ин-т истории).

Введение: с.3-12.

162. Ромодин В.А. Файз Мухаммед. - СИЭ, т.14. М., 1973, с.947.

163. Руденко М.Б. Курдские лирические чужбинные песни цикла "dîlokê xerîbfiyê" и их связь с погребальным обрядом. - III и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.112-115.

164. Руденко М.Б. Курдские сказки. Пер. Карима Кешеварза. Тегеран, изд. "Агах", 1973. (На перс. яз.).

Пер. изд.: Курдские народные сказки. Запись текстов, пер., предисл. и примеч. М.Б.Руденко. М., Глав. ред. вост. лит., 1970. 48с.

165. Руденко М.Б. Фахи Тейран и книга Шейха Сан'ана. Пер. Азия Сефи. - "Univ. de Tabriz. Revue de la faculte des lettres et sciences humaines", 1973, t. 24, N 104, с.530-537. (На перс. яз.).

166. Рудой В.И. "adhvan" в системе Абхидхармики (предварительное сообщение). - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.30-33.

167. Русинова Э.С. О романах Камалы Маркандайи. - ПП и ПИКНВ, X. М., 1973, с.115-118.

168. Русинова Э.С. /Предисл. и пер. с англ./: Нарайан Р.К. Как я платил за радиоприемник. - В следующее воскресенье. /Рассказы/. - "Памир", Душанбе, 1973, № 10, с.79-84.

169. Савицкий Л.С. Тибетская литература. - КЛЭ, т.7. М., 1972, с. 491-494.

170. Салахетдинова М.А. "Мусаджир ал-билад" Мухаммед Яр ибн раб катарана (предварительное сообщение). - ПП и ПИКНВ, IX, М., 1973, с.77-79.

171. Салахетдинова М.А. /Пер. с уйгурск. извлечений, коммент. и вступ. ст./; Рафик эт-тегибин. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1978, с. 190-199. См. также № 160.

172. Смирнова Д.П. О тбилисской рукописи "Истории Систана". - ПИ и ПИКНВ, IX. М., 1978, с. 79-83.

173. Смирнова О.И. Об этнотопонимическом словаре Средней и Центральной Азии и перспективах его подготовки. - ПИ и ПИКНВ, IX. М., 1978, с. II-15.

174. Сорокина О.С. Надпись Мьязеди (XII век). - ПИ и ПИКНВ, IX. М., 1978, с. 83-86.

175. Спири В.С. /Пер. и примеч./: "Хань Фэй-цзы". Гл. 20. "Разъяснение /положений/ Лао-цзы". - В кн.: Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. Т. 2. М., 1978, с. 285-257; 362-367.

Примеч.: с. 362-367.

176. Старкове К.Б. Литературные памятники Кумранской общины. Л., "Наука", 1978. 136 с. (ПС, вып. 24 (87)).

177. Старкова К.Б. /Пер. с араб. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Китаб ад-камил фи-т-та'рих Ибн ад-Асире. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1978, с. 52-76.

178. Старкове К.Б. /Пер. с араб. извлечений, коммент. и вступ. ст./: Сират ас-султан Джадал ад-Дин Манкубурти Мухаммеда ан-Нисави. - В кн.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1978, с. 77-98. См. также № 160.

179. Грюнберг А.Л. и Стеблин-Каменский И.М. Беспомощные индоевропейские языки в сравнительно-исторических исследованиях. В кн.: Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки (тезисы докл.). М., 1978, с. 25-28.

180. Стеблин-Каменский И.М. Мунджанские этимологии. - ПИ и ПИКНВ, IX. М., 1978, с. 136-139.

181. Стеблин-Каменский И.М. /Рец. на кн./: Моногарова Л.Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. - СЭ, 1978, № 4, с. 174-176.

182. Стулова Э.С. К вопросу о бытовании баоцзянь в эпоху Мин. - В кн.: Литература и культура Китая. Сб. статей к 90-летию со дня рожд. акад. В.М.Алексеева. М., 1972, с. 221-229. Библиогр.: с. 229.

См. также № 33.

Томкин Э.Н. см. № 2.

183. Терентьев-Катенский А.П. Книга из Хара-хото, как памятник тангутской культуры XI-XIII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1978. 17с. (ДО ИЭ им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР).

Горопов А.А. См. № 83.

184. Тугушева Л.Ю. Поэтические памятники древних уйгуров. - В кн.: Туркологический сборник. 1972. М., 1973, с.235-253.

185. Тугушева Л.Ю. Формы на -din с локальным значением в древнетюркских языках. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.139-142.

186. Тугушева Л.Ю. /Рец. на кн./: Hamilton, J.R. Le conte bouddhique du bon et du mauvais prince en version ouigoure. Paris, 1971. 204 p. - СТ, 1973, № 2, с.121-124.

См. также № 56.

187. Туркологический сборник. 1972. /Памяти П.М.Мелиоранского. Ред.кол.: А.Н.Кононов (отв.ред.), С.Г.Кляшторный, Ю.А.Петросян, С.С.Цельникер/. М., "Наука", Глав.ред. вост.лит., 1973, 412с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

188. Федеева И.Е. Новые материалы по истории конституционного движения в Турции во второй половине XIX в. - ПП и ПИКНВ, IX, М., 1973, с.33-37.

189. Фихман И.Ф. Ad P. Оху. , XXXVI, 2780. - В кн.: Античная древность и средние века, Сб. Ю. Свердловск, 1973, с.76-79.

190. Фихман И.Ф. К интерпретации SB VI , 9152, P. Оху. , XXXVI 2780 и P. Vars. , 30. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с. 37-40.

191. Fichman I.F. Оксиринхские курials. - " Archiv für Papyrussforschung " , 1973, Bd. 22, S. 47-87, mit. Taf.

192. Фихман И.Ф. Таубеншлаг Рафал. - СИЭ, т. I4. М., 1973, с. I47.

193. Fichman I.F. Quelques considérations sur les données sociales et économiques des papyrus d'Oxyrhynchus d'époque byzantine.-"Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik", XXII, 1973, S. 15-21.

194. Fichman I.F. Sklaven und Sklavenarbeit im spätrömischen Oxyrhynchos (im historischen Längsschnitt).- "Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte", 1973, Teil 2, S. 149-206.

195. Фихман О.Л. В.М.Алексеев - исследователь и переводчик Дяо Чжяя. - В кн.: Литература и культура Китая. Сб. статей к 90-летию со дня рожд. акад. В.М.Алексеева. М., 1972, с.46-53. Библиогр с. 53.

196. Финман О.Л. Вступительная заметка к статье Н.И.Конрада /"Система языкового выражения" и теория перевода/. - В кн.: Мастерство перевода. Сб. 9. М., 1973, с.454-461.

См. также № 30,150.

197. Ханин В.Я. Социальные группы японских париев. (Очерк истории до ХУП в.) М., "Наука", 1973. 208 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения). Список лит.: с.194-198. Указ. япон. терминов, собств. имен, геогр. назв. /и т.д./: с. 199-202.

198. Ханин В.Я. Японские перии. - ВИ, 1973, № 7, с.128-137. Библиогр. в примеч.

199. Цукерман И.И. Склонение имен существительных в хорасанском курманджи (парадигмы). - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.142-144.

200. Чижикова К.Л. О некоторых особенностях современного бенгальского литературного языка. - ПП и ПИКНВ, IX, М., 1973, с.145-147.

201. Чугуевский Д.И. Материалы к характеристике непосредственных производителей, работавших в монастырских хозяйствах в Дуньхуане. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.40-43.

202. Шифман И.Ш. Город и торговля в Сирии эллинистического и римского времени. - В кн.: Древний Восток. Города и торговля. (Ш-I тыс. до н.э.) Ереван, 1973, с.65-77. Резюме на англ. яз.: с.239.

203. Школяр С.А. Интересная страница военной истории Китая в XII в. (Новаторские идеи Чэнь Гуя в фортификации и артиллерии). - В кн.: Четвертая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и докл. I. М., 1973, с.97-106.

204. Школяр С.А. О классификации этапов периода перехода от доогнестрельной артиллерии к огнестрельной. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.43-47.

205. Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ИО ИВ АН СССР за 1972 г. - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.154-171.

206. Щеглова О.П. О подготовке текста к печати (на материале персидских литографий). - ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973, с.86-89.

207. Дзбашян К.Н. /Армянские и грузинские источники/. - В кн.: Корпус древнейших источников по истории народов СССР. М., 1973, с.58-62.

208. Дзбашян К.Н. К хронологии правления Гагика I Багратуни. - В кн.: Античная древность и средние века. Сб. 10. Свердловск, 1973, с.195-197.

209. Мурадян П.М. и Юзбашян К.Н. Новооткрытый фрагмент "Истории" Лазара Парбеци. - "Вестник Матенадарана", вып. II. Ереван, 1978, с.7 -32. (На арм. яз.). Резюме на рус. и франц. яз.

210. Юзбашян К.Н. Памятные записи армянских средневековых рукописей. - "Лит. Армения", Ереван, 1978, № 9, с.49-59.

211. Юзбашян К.Н. Фотий о происхождении имени "Павликиане" . - "Вестник обществ. наук АН АрмССР", 1978, № 8, с.87-90. Библиогр. в примеч. Резюме на арм.яз.

212. Juzbashian K. /Пер. с древнеарм., вступит. статья, коммент. и прилож./: Aristakès de Lastivert. Récit des malheurs de la nation Arménienne. Trad. française avec introd. et comment. par M.Canard et H.Berbérian. Bruxelles, Éditions de Byzantion, 1973. 148 p. (Bibliothèque de Byzantion).

213. Juzbashyan K.N. Droit arménien.Bruxelles,Éd. de l'Université de Bruxelles, 1972. 25 p. (Introd. bibliographique a l'histoire du droit et a l'ethnologie juridique. E (17).

214. Осупова З.А. Выражение пассива в курдском языке (на материале южного наречия). - ПП и ПИКНВ, IX, М., 1978, с.147-150.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ	- "Большая советская энциклопедия".
ВДИ	- "Вестник древней истории".
ВИ	- "Вопросы истории".
ВМУ	- "Вестник Московского университета".
ИА АН СССР	- Институт археологии АН СССР.
КЛЭ	- "Краткая литературная энциклопедия".
НАА	- "Народы Азии и Африки".
ПП и ПИКНВ, IX.	- "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годовичная научная сессия ЛО ИВАН". М., "Наука", 1973.
ПС	- "Палестинский сборник".
СГЭ	- "Сообщения Государственного Эрмитажа".
СИЭ	- "Советская историческая энциклопедия".
СТ	- "Советская тюркология".

СЭ

ТИАЭ нар. ДВ

"Уч. зап. Тув.НИИЯДИ"

JAOS

OLZ

- "Советская этнография".
- "Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока".
- "Ученые записки Тувинского научно-исследов. института языка, литературы и истории".
- "Journal of American Oriental Society".
- "Orientalistische Literaturzeitung".

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

ИСТОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

С.М.Бациева. Заметки о теории познания Ибн Халдуна	3
Е.С.Богословский. Воинская принадлежность художников и ремесленников XIV-X веков до н.э.	6
М.В.Воробьев. О верховной государственной собственности на землю в Японии (сер. УП-IX вв.)	12
В.И.Гохмен. К вопросу о времени переселения шанов на территорию Бирмы	16
Н.А.Дудина. Турецкая дипломатия в период турецко-египетского конфликта 1831-1841 гг.	19
Е.И.Кычанов. Об одной фиксации налогообложения в Центральной Азии	22
А.Г.Лундин. Новый сабейский эпоним II в. н.э.	25
Ю.Д.Михайлова. История изучения "движения за свободу и народные права" в Японии	30
В.И.Рудой. К описанию типов причинности в Абхидхармике	31
В.С.Спирин. Слово "хоу" (толщина) в идеологии Древнего Китая	36
В.С.Спирин. "Дюбовь" и математика в "Мо-цзы".	40
И.Б.Фадеева. Tabvira-i ibret и Mirat-i hayret как источник для изучения общественно-политических взглядов и деятельности Мидхат-паши	45
И.Ш.Шифман. К характеристике угаритского судопроизводства	48
В.А.Яковсон. Изучение правовых памятников древности и раннего средневековья (проблемы и методика)	49

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

	Стр.
Н.Д.Болсахоева. "Субхашита" в Тибете и Монголии .	58
Д.Д.Весильев. Руническая надпись на камне-амulette	57
М.П.Волкова. Даічя гūрунi ioni бітхе - "Полная книга великой династии Цин"	61
К.Б.Кенниг. "Двенадцать царств" - китайское сочинение, сохранившееся в тангутском переводе	63
С.Г.Кляшторный. Храмы, изваяние и стелы в древнетюркском погребальном обряде. Свидетельства рунических текстов	67
Н.Д.Миклухо-Маклай. Ал-Истахри в средневековой персидской литературе	71
Ж.С.Мусаэлян. Поэма "Зембильфрон", приписываемая Мурад-хану Баязида	75
О.П.Петрова. Сведения о Японии, полученные от японцев в петровское время	79
М.Б.Руденко. Отражение некоторых древних обрядов и представлений в современном курдском обрядовом фольклоре	83
А.Г.Сазыкин. Монгольская версия легенды о Чойджидагнии	88
М.А.Садахетдинова. Некоторые данные источников о борьбе Абдулла-хана II за власть в Бухаре	92
О.И.Смирнова. Сводный каталог согдийских монет (бронза)	94
Э.Н.Темкин. Maṅgala-śloka в трактате Бхамахи "Kāvyaśāstra"	98

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Э.Н.Ворожейкина. Пейзаж в персидском четверостишии XII-XIII вв.	101
Н.Б.Гафурова. Литературная традиция секты "кабирпантх"	105
Е.А.Западова. Творчество Падейтаязы как новая ступень развития бирманской литературы	108

	Стр.
А.Е.Мартынецв. Об одной особенности стиха Плуца	
Эмре	110
О.Д.Финмен. Фольклорные элементы в рассказах Кюнь	
Мая	118

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

С.И.Беевский. Принципы построения персидских толковых словарей	118
И.С.Гуревич. Опыт выделения классов слов в китайском языке II—У вв. с помощью синтаксического критерия	128
И.М.Дунаевская. Выявление иерархии грамматических показателей как средство интерпретации забытых языков. .	128
М.Н.Зислин. Из пятой части "Китаб ад-мунтаид" (гл. IV и V).	132
И.Т.Канева. Орудийно-отложительный падеж в шумерском языке	134
К.К.Курдоев. Лексико-грамматическое значение глагола <i>сѣп</i> в курдском языке	138
В.В.Кушев. Иляхйёр-хән и его четырехязычный словарь "Адлѣ-иб ад-дугѣт".	141
Х.М.Муздстан. Инфинитив в мезендеранском языке. . .	145
Н.И.Носова. Нейтральная форма глагола в бирманском языке и ее именные признаки	149
И.М.Оранский. Тадж. 'адгов 'супряга'	152
И.М.Стеблин-Каменский. О заханском этимологическом словаре	155
И.И.Цукерман. Хорасанский курманджи. Исследование и тексты (Автоаннотация)	160
З.А.Юсупова. Функции частиц <i>ewa</i> и <i>wa</i> в южном наречии курдского языка	166

БИБЛИОГРАФИЯ

Г.С.Шрон. Материалы к библиографии сотрудников ДО ИВ АН СССР за 1973 г.	169
---	-----

Подписано к печати 20/XI – 1974 г.
А-12040 Объем 12 п. л. Тираж 200 экз. Заказ 554
Офсетное производство типографии № 6
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2